

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

А43

Ответственные редакторы: В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов

А43 **Актуальные** проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей (ежегодник) / отв. ред. В. Г. Голубцов, Д. Н. Латыпов ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2021. – 124 с.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3635-8 (вып. 4)

В сборник входят работы молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), представленные на научных конференциях, организуемых кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ. К публикации в сборнике принимаются оригинальные исследовательские работы по актуальным проблемам предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, одобренные научными руководителями авторов статей.

Ежегодное издание предназначено для научных и практических работников. Главная цель сборника – популяризация исследований молодых ученых-юристов.

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

*Печатается по решению кафедры
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермского государственного национального исследовательского университета*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Г. Голубцов – заведующий кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, заместитель председателя оргкомитета Пермского конгресса ученых-юристов, доктор юридических наук, профессор.

Д. Н. Латыпов – доцент кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ, кандидат юридических наук.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3635-8 (вып. 4)

© Пермский государственный
национальный исследовательский университет, 2021

UDC 347.4+347.9
LBC 67.400

Chief Editors: V. G. GOLUBTSOV, D. N. LATYPOV

Urgent issues of the entrepreneurship law, civil litigation and arbitration: collection of academic articles (annual issue) / chief editors V. G. Golubtsov, D. N. Latypov; Perm State University. – Perm, 2021. – 124 p.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3635-8 (issue 4)

The collection includes the articles of young scientists (undergraduates, graduate students, postgraduates and professors) presented at the scientific conferences organized by the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University. Original research papers focused on current issues of the law of obligations, arbitration process are accepted after they are approved by the scientific supervisors of the authors.

This publication is recommended for scholars and practitioners. The main goal of the collection is to popularize the studies of young lawyers.

UDC 347.4+347.9
LBC 67.400

*The proceedings is published according to the decision
of the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process,
Perm State University*

EDITORIAL TEAM:

V. G. Golubtsov – Head of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Deputy Chairperson of the Organizing Committee of the Perm Congress of Lawyers, Doctor of law, Professor.

D. N. Latypov – Associate Professor of the Department of Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at Perm State University, Candidate of Law Sciences.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-3635-8 (issue 4)

Содержание

Андрианов В. Д. Нарушение норм материального права как необходимый критерий признания решения, действия, бездействия должностного лица незаконным	9
Богданов А. В. Взыскание убытков с публично-правового образования при изменении градостроительного зонирования земельного участка	15
Вяткина П. В. Правовая природа приказного производства в цивилистическом процессе	21
Гаврюсов А. В. О некоторых процессуально-правовых последствиях неосуществления права на доказывание в суде первой инстанции в арбитражном процессе	27
Гоголев Р. Д. Представление и оценка отдельных видов электронных доказательств в арбитражном процессе	34
Заборский М. Я. Особенности доказывания в деле о признании права отсутствующим в арбитражном процессе	39
Захаркина А. В. В чем отличие смарт-контракта от договора условного депонирования (эскроу)?	44
Зырянов А. О. Публичный сервитут как альтернатива частному в спорах между собственниками нежилых помещений в МКД и собственниками смежных земельных участков	49
Карин А. А. Понятие налогового спора и процессуальный порядок его рассмотрения	54
Касаева Е. Д. Особенности обеспечительных мер по корпоративным спорам	58
Кашин С. И. Проблемы замещения активов должника при банкротстве	62
Костюк А. В. Новеллы применения судами отдельных положений антимонопольного законодательства	66
Мамедова Н. Н. Правовые предпосылки гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований	70
Мершин С. С. Роль судебной практики в становлении и развитии института авторского права	75
Мустаева Д. Р. Проблемы, связанные с изменением вида разрешенного использования земельных участков	82
Назаров М. Ю. Правовое регулирование судебных онлайн-заседаний в арбитражном процессе	87

Степанов М. А. Подозрительные сделки должника. Определение даты исчисления периода подозрительности	93
Сятчихин А. В. Принцип необходимости восстановления нарушенных гражданских прав: постановка проблемы	98
Тиунова Е. В. Проблема судебных расходов при установлении требований кредиторов	102
Федяев Д. А. Обеспечительные меры как препятствие к добровольному устранению нарушения законодательства об иностранных инвестициях в стратегические хозяйственные общества	106
Шустикова Д. В. Правовое регулирование отдельных вопросов государственного контроля иностранных инвестиций в стратегические хозяйственные общества в Российской Федерации	114
Южаков Д. А. Правовое регулирование процедуры приведения в исполнение решений иностранных судов по экономическим спорам	119

Content

ANDRIANOV V. D. Violation of Norms of the Law as a Necessary Criterion for Recognizing the Decision, Action, or Inaction of an Official as Illegal	9
BOGDANOV A. V. The Recovery of Losses from a Public Legal Entity When Changing the Urban Zoning of a Land Plot	15
VYATKINA P. V. Legal Nature of Writ Proceedings in Civil Procedure in the Civil Procedure ...	21
GAVRYUSOV A. V. Several Procedural and Legal Consequences of Failure to Realize the Right to Give Evidence in the Court of First Instance in the Arbitral Procedure	27
GOGOLEV R. D. Presentation and Evaluation of Certain Types of Electronic Evidence in Commercial Proceedings	34
ZABORSKIY M. Y. Features of Proof in the Case of the Recognition of the Right to Be Absent in the Arbitration Process	39
ZAKHARKINA A. V. What is the Difference Between a Smart Contract and an Escrow Agreement?	44
ZYRYANOV A. O. Public Easement as an Alternative to Private Easement in Disputes Between Owners of Non-Residential Premises in an Apartment Building and Owners of Adjacent Land Plots	49
KARIN A. A. The Concept of a Tax Dispute And the Procedural Procedure for its Consideration	53
KASAEVA E. D. The Features of Interim Measures in Corporate Disputes	58
KASHIN S. I. Problems of Replacing the Debtor's Assets in Bankruptcy	62
KOSTYUK A. V. Novelties of Use By Courts of Certain Rules of the Antimonopoly Legislation	66
MAMEDOVA N. N. Legal Prerequisites for Civil Liability of Public Law Formation	70
Mershin S. S. The Role of Judicial Practice in the Formation and Development of the Institute of Civil Law	75
MUSTAeva D. R. Problems Related to Change in the Type of Permitted Use of Land Plots	82
NAZAROV M. YU. Legal Regulation of Online Court Sessions in the Arbitration Process	87
STEPANOV M. A. Suspicious Debtor Deals. Determining the Date of Expectation of the Suspect Period	93

SYATCHIKHIN A. V. The Principle of the Need to Restore the Civil Rights That Have Been Violated	98
TIUNOVA E. V. The Problem of Court Costs in Establishing Creditors' Claims	102
FEDYAEV D. A. Interim Measures as an Obstacle to the Voluntary Rectification of Violations of the Law on Foreign Investment in Strategic Business Entities	106
SHUSTIKOVA D. V. Separate Issues' Legal Regulation Of State Control Of Foreign Investments In Strategic Companies In The Russian Federation	114
YUZHAKOV D. A. Legal Regulation of the Procedure for Enforcement of Decisions of Foreign Courts in Economic Disputes	119

В. Д. Андрианов

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Е. В. Любимова

НАРУШЕНИЕ НОРМ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА КАК НЕОБХОДИМЫЙ КРИТЕРИЙ ПРИЗНАНИЯ РЕШЕНИЯ, ДЕЙСТВИЯ, БЕЗДЕЙСТВИЯ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА НЕЗАКОННЫМ

Рассматривается случай, когда нарушение закона со стороны должностного лица подтверждается как в прошлом, так и на дату судебного заседания суда первой инстанции. Однако к моменту заседания суда апелляционной инстанции закон, на соответствие которому проверялось решение действие (бездействие) должностного лица, уже изменен таким образом, что несоответствие между поведением должностного лица и содержанием закона отсутствует. Поиск ответа автором осуществлен в классификации апелляционного обжалования.

Ключевые слова: нормы материального права, пределы апелляционного обжалования, вступление решения в законную силу.

V. D. Andrianov

Student, Perm State University

Supervisor: E. V. Lubimova

VIOLATION OF NORMS OF THE LAW AS A NECESSARY CRITERION FOR RECOGNIZING THE DECISION, ACTION, OR INACTION OF AN OFFICIAL AS ILLEGAL

The article considers the case when the violation of the law by an official is confirmed both in the past and on the date of the court session of the court of first instance. However, by the time of the court of appeal session, the law on the compliance of which the decision of the action (inaction) of the official was checked has already been changed in such a way that there is no discrepancy between the behavior of the official and the content of the law. The author searches for the answer in the classification of the appeal.

Keywords: norms of substantive law, limits of appeal, entry of the decision into legal force.

В силу положений АПК РФ и КАС РФ обязательным условием для удовлетворения требований заявителя о признании решения, действия, бездействия незаконным является доказанность допущенного нарушения норм материального права тем ненормативным правовым актом, действием, бездействием, которое выступает объектом обжалования.

Между тем в законе не дано ответа на то, в какой момент такое нарушение должно быть установлено судом. В первую очередь такое нарушение должно

подтверждаться на момент вынесения ненормативного правового акта, совершения действия (бездействия).

В случае, если нарушение закона должностным лицом было допущено только на досудебном этапе и устранено на дату судебного заседания, то это не указывает автоматически на выигрыш должностного лица по делу, поскольку допущенное нарушение прав заявителя может быть конвертировано в убытки.

В наиболее сложной правовой ситуации окажутся лица, участвующие в деле, когда нарушение закона со стороны должностного лица подтверждается в прошлом, а также на дату судебного заседания суда первой инстанции, но к моменту заседания суда апелляционной инстанции закон, на соответствие которому проверялось решение действие (бездействие) должностного лица, уже изменен таким образом, что несоответствие между поведением должностного лица и содержанием закона отсутствует.

В изложенной ситуации можно предпринять попытку поиска ответа в доктрине процессуального права, в частности, в теоретической конструкции института апелляционного обжалования в контексте ее видовой дифференциации.

Основная классификация подразумевает деление апелляционного производства на два вида: полную и неполную апелляцию, однако, некоторые авторы выделяют третий вид – смешанная апелляция. Отметим, что в некоторых источниках присутствуют такие виды, как основная апелляция и апелляция встречная. Оба этих вида раскрывают не процессуальный порядок апелляционного обжалования, а скорее, разновидности письменных актов, с помощью которых происходит возбуждение апелляционного производства. В ГПК РФ и АПК РФ нет четкого закрепления той или иной модели апелляции, в связи с этим следует полагать, что в российском цивилистическом процессе заложена смешанная модель апелляционного обжалования.

Более того, в юридической литературе существует еще одна классификация апелляций: по условию подачи апелляционной жалобы – ограниченная и неограниченная апелляция. Ограниченная апелляция говорит о недопустимости обжалования решений суда первой инстанции, не отвечающих определенным критериям, например, при небольшой цене и определенном характере дела. Следовательно, неограниченная апелляция не предполагает каких-либо условий при подаче апелляции, ее можно заявлять при любом случае.

Основное место в классификации апелляционного обжалования занимает учение о полной и неполной апелляции, которая определяется исходя из пределов повторного рассмотрения арбитражного или гражданского дела.

По мнению И. О. Подвального, полная апелляция — это новое судебное разбирательство по существу (по правилам суда первой инстанции) при подаче

одной из сторон апелляционной жалобы; в данном случае апелляционный суд не ограничивается проверкой правильности решения первой инстанции, а вновь рассматривает дело на том же основании, что и суд первой инстанции¹. Дополняя это определение, можно уточнить, что стороны при полной апелляции вправе предоставлять суду новые доказательства по делу. Более того, апелляционный суд при полной апелляции не вправе возвращать дело в суд первой инстанции для пересмотра.

Неполная апелляция представляет собой проверку судебных решений нижестоящей инстанции на основании доказательств и фактов, которые были предоставлены в суде первой инстанции, при этом апелляционная инстанция вправе вернуть дело на пересмотр в суд первой инстанции. Более того, стороны имеют право давать объяснения суду только в контексте доказательств и обстоятельств, которые были в исследовании суда первой инстанции². При неполной апелляции суд апелляционной инстанции проверяет законность и обоснованность решения с юридической точки зрения, рассматривая вторично дело по существу в случаях принятия новых доказательств по делу.

Обратимся к истории возникновения концепции полного апелляционного производства. Модель полного апелляционного производства берет свое начало с времен Римской империи, а точнее с начала правления императора Юстиниана. Именно при нем апелляция была закреплена в качестве средства, способа обжалования судебных решений, то есть повторное рассмотрение дела с правом участников предоставлять новые доказательства, которые могут повлиять на дальнейшее решение дела³. Сейчас во многих странах Европы закреплена полная апелляция в законодательстве, в частности, такая модель используется во Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурге и ряде других государств. В России, а точнее в XV веке (1440 год) в Новгородской республике в Новгородской судной грамоте был впервые упомянут институт обжалования. Судопроизводство было основано на разделении между княжескими и общинно-вечевыми органами суда⁴. Однако, такой институт появился не по названию «апелляция», а по содержанию «обжалование». Само понятие «апелляция» в России появляется позже, в XVIII веке в ходе заимствования из практики европейских судебных решений.

Целью полной апелляции, по мнению Т. М. Яблочкова, является «исправление погрешностей – добросовестных и умышленных – самих сторон, упустивших возможность представить суду первой инстанции весь фактический материал для окончательного решения дела»⁵. Из этого следует, что целью полной апелляции является пересмотр решения суда первой инстанции, при котором предоставляются все материалы дела, в том числе и дополнительные, также устраняются

все ошибки процессуального и материального права, исключаются недочеты в доказательственной базе сторон для принятия более справедливого, точного, законного и обоснованного решения по делу.

На основании изложенного, следует перейти к сущности полной апелляции. Ее сущность предполагает второе, повторное, новое производство по гражданскому или арбитражному делу в порядке рассмотрения дела первой инстанцией. Также, при полной апелляции отдается приоритет решению задачи повторного разрешения дела (правило двух инстанций)⁶. Это, пожалуй, является главной сущностной чертой полной апелляции.

К числу преимуществ можно отнести целенаправленность в достижении материальной истины по делу, а также высокая вероятность того, что все ошибки решения суда нижестоящей инстанции будут устранены. Недостатками же полной апелляции в юридической литературе признают увеличение судебных расходов, снижение роли суда первой инстанции, значительное увеличение времени на повторное рассмотрение дела и повышение рисков злоупотребления процессуальными правами⁷.

Критику по поводу полной апелляции выражал не один ученый-юрист. Например, Е. В. Васьковским отмечалось: «неограниченная возможность обжалования является удобным средством безнаказанно затягивать производство дела откладыванием доказательств и доводов до рассмотрения дела во второй инстанции, а также представлением новых доказательств в самом конце производства»⁸. Более того, серьезные претензии противников этой модели выражаются в стимулировании пассивности участников суда первой инстанции из-за возможности достижения необходимого результата при повторном рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, а также территориальные, транспортные, экономические условия, которые присутствуют в России, затрудняют возможность сторон участвовать в рассмотрении дел в апелляционном суде, а суду - устанавливать фактические обстоятельства рассматриваемого дела⁹.

Обратимся к исторической справке, цели, сущности неполной апелляции. Данный вид более обширно используется в законодательствах стран мира, например, закреплен в таких странах как: Австрия, Германия, Англия, Венгрия, Дания, Латвия, Литва, Испания, Италия, Швеция и во многих других странах. Неполная апелляция берет свое начало из древнегерманского права.

Целью неполной апелляции является совершенствование судебного процесса, исправление ошибок суда. В случае, когда апелляционный суд при неполной апелляции не может увидеть процессуальных ошибок суда первой инстанции, то он возвращает дело на новое рассмотрение в нижестоящий суд¹⁰.

Сущность неполной апелляции заключается в ее непосредственной проверке процесса суда первой инстанции и ее решения. Неполная апелляция — это проверка процессуальных аспектов, правильность установленных обстоятельств, доказанность этих обстоятельств судом первой инстанции, правильность применения норм материального права. В отличие от полной апелляции, здесь участники не могут предоставлять новые доказательства и факты, а также данная модель апелляционного производства направлена на проверку решения суда первой инстанции, а не на рассмотрение нового дела.

К достоинствам неполной апелляции относят значительное сокращение времени апелляционного разбирательства, уменьшение судебных расходов, повышается роль судов первой инстанции, доказательственная база готовится более тщательно, основательно, поскольку при неполной апелляции, суд не будет рассматривать новые доказательства по делу. В неполной апелляции доминирует письменный процесс, то есть заявитель должен качественно составить апелляционную жалобу, которая будет отвечать всем требованиям, установленным в процессуальных кодексах.

С учетом изложенного, представляется важным рассматривать апелляционное производство как механизм поиска и исправления судебной ошибки, а не как повторное рассмотрение дела. Следовательно, при изменении норм материального права в период между рассмотрением дела в суде первой и апелляционной инстанции не может выступать основанием для отмены судебного акта.

В заключение обратим внимание на существенное отличие между КАС РФ и АПК РФ относительно момента вступления решения суда, вынесенного по делу об оспаривании решения, действия, бездействия незаконным, в законную силу: согласно части 7 статьи 201 АПК РФ решения арбитражного суда по делам об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц подлежат немедленному исполнению, если иные сроки не установлены в решении суда. При этом в силу пункта 5 статьи 227 КАС РФ решение по административному делу об оспаривании решения, действия (бездействия) вступает в законную силу по правилам, предусмотренным статьей 186 настоящего Кодекса. В свою очередь статья 186 КАС РФ указывает на то, что решение суда вступает в законную силу по истечении срока, установленного настоящим Кодексом для апелляционного обжалования, если оно не было обжаловано.

Отмеченное существенное отличие в порядке вступления решения суд в законную силу вряд ли можно оценить как обоснованное и приемлемое, регулирование, содержащееся в АПК РФ в большей мере соответствует интересам заявителя, выигравшего дело, и защищает его от риска изменения закона.

Литература

1. *Подвальный И. О.* О совершенствовании апелляционного производства в арбитражном процессе Российской Федерации. СПб., 2012. С. 6.
2. *Фокина М. А.* К вопросу о гармонизации механизма доказывания по гражданским делам в суде апелляционной инстанции России и европейских стран // Европейский гражданский процесс и исполнительное производство: сб. материалов Международной науч.-практ. конф., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 2011. С. 114.
3. *Борисова Е. А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е. А. Борисова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. С. 161.
4. *Шабунина О. В.* Процессуальное право: к вопросу истории и развития апелляционного обжалования. // Издательство Волгоградского ГУ, 2015. №1 (26). С.166–167.
5. *Яблочков Т. М.* Учебник русского гражданского судопроизводства. Изд. 2-е, доп. Ярославль: Книгоизд-во И.К. Гассанова, 1912. С. 219.
6. *Дудина В. Ю.* Виды апелляции // Молодой ученый. 2018. №18. С. 229-231.
7. *Ярков В. В.* Гражданский процесс. Учебник (10-ое изд., перер. и доп.). // Статут. 2017. С. 493–502.
8. *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. 1913. С. 191.
9. *Пацация М. Ш.* О полной и неполной апелляции // Законодательство и экономика. 2005. № 12. С. 47–55.
10. *Борисова Е. А.* Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учеб. пособие / Е. А. Борисова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2016. С. 163.

ВЗЫСКАНИЕ УБЫТКОВ С ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Анализируется возможность взыскания убытков с публично-правового образования в случае принятия нормативного правового акта, изменяющего градостроительное зонирование. Рассматриваются в качестве способов защиты нарушенных прав взыскание убытков, возникших из неправомерных действий, в случае признания нормативно-правового акта недействующим, и взыскание убытков из правомерных действий, в силу самого введения ограничений по использованию земельного участка. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования правовых норм, регулирующих правила возмещения убытков, возникающих в результате введения ограничений прав правообладателя земельного участка.

Ключевые слова: взыскание убытков, органы государственной власти, органы муниципальной власти, изменение градостроительного зонирования земельного участка, взыскание убытков из правомерных действий.

A. V. Bogdanov
Perm State University

THE RECOVERY OF LOSSES FROM A PUBLIC LEGAL ENTITY WHEN CHANGING THE URBAN ZONING OF A LAND PLOT

The article analyzes the possibility of collecting damages from a public legal entity in the event of the adoption of a regulatory legal act that changes the urban zoning. The recovery of losses arising from illegal actions, in case of recognition of a normative legal act as invalid, and the recovery of losses from lawful actions, due to the very introduction of restrictions on the use of the land plot, are considered as ways to protect violated rights. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal norms governing the rules of compensation for losses resulting from the introduction of restrictions on the rights of the rightholder of the land plot.

Keywords: recovery of losses, state authorities, municipal authorities, changes in the urban zoning of a land plot, recovery of losses from lawful actions.

Правомочия собственника земельного участка по его использованию и освоению определяются положениями не только и не столько гражданского, сколько положениями земельного и градостроительного законодательства.

Исходя из позиции Конституционного Суда РФ, право частной собственности не является абсолютным, его ограничения могут вводиться федеральным за-

коном, если они необходимы для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, как это вытекает из положений статьи 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с иными ее нормами, в частности статьями 17 (ч. 3) и 19 (ч. 1 и 2) (Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2020 № 11-П «По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса РФ в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой»¹).

В соответствии с положениями подпункта 8 пункта 1 статьи 1 Земельного кодекса РФ к принципам земельного законодательства относится деление земель по целевому назначению на категории, согласно которому правовой режим земель определяется согласно их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиям законодательства.

Соответственно изменение градостроительного зонирования территории может повлечь нарушение прав и законных интересов правообладателей земельных участков, накладывая ряд ограничений и запретов по использованию земельных участков, а также возлагая на правообладателей дополнительные обязанности.

В настоящей статье автор предпринимает попытку проанализировать возможность использования такого способа защиты нарушенных прав как возмещение убытков публично-правовым образованием при изменении градостроительной зоны земельного участка с жилой на рекреационную зону.

Изменение градостроительной зоны земельного участка с жилой на рекреационную зону приводит к невозможности строительства на данном земельном участке объектов индивидуального жилищного строительства и осуществление иных видов деятельности, непосредственно не связанных с рекреационными целями.

В результате принятия публично-правовым образованием нормативно-правового акта об изменении градостроительной зоны земельного участка с жилой на рекреационную зону перечень возможных видов разрешенного использования такого участка изменяется, что приводит и к изменению рыночной стоимости такого объекта, в рассматриваемом случае в сторону снижения.

Гражданский кодекс РФ предусматривает возможность возмещения убытков, в случае причинения их в результате противоправных действий (бездействия) (ст. 15, 16) и в случае их правомерного причинения (ст. 16.1).

Следовательно, правообладатель земельного участка, в отношении которого принят нормативно-правовой акт, изменяющий градостроительное зонирование может, как представляется, использовать два алгоритма для взыскания с публично-правового образования убытков, возникших в результате изменения градостроительного зонирования.

Во-первых, правообладатель вправе последовательно обратиться в суд с заявлением о признании нормативно-правового акта недействующим и в случае удовлетворения данного требования обратиться в суд с иском о взыскании убытков, причиненных принятием не соответствующего закону нормативно-правового акта (ст. 15 и 16 Гражданского кодекса РФ).

Во-вторых, правообладатель вправе обратиться в суд с иском о взыскании убытков, возникших в результате создания ограничений прав по использованию земельного участка в результате изменения градостроительного зонирования (ст. 16.1. Гражданского кодекса РФ).

Взыскание убытков, возникших в результате принятия нормативного правового акта, изменяющего градостроительное зонирование и признанного впоследствии недействующим, представляет собой процедуру взыскания убытков, причиненных неправомерными действиями органа государственной или муниципальной власти. Для взыскания убытков в данном случае необходимо установление всего состава гражданско-правового деликта: 1) факта возникновения убытков и их размера; 2) неправомерных действий органа государственной или муниципальной власти, выразившихся в принятии нормативно-правового акта, изменяющего градостроительное зонирование и признанного судом недействующим; 3) причинно-следственной связи между возникшими убытками и принятием признанного недействующим нормативно-правового акта; 4) вины органа государственной или муниципальной власти. При этом поскольку в соответствии с позицией Верховного Суда РФ административные иски о взыскании убытков об оспаривании нормативного правового акта не могут быть рассмотрены судом общей юрисдикции совместно с иными материально-правовыми требованиями (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»²), то в случае признания судом нормативно-правового акта, изменяющего градостроительное зонирование недействующим, такие элементы состава деликта как противоправность действий и вина публично-правового образования в процессе о взыскании убытков уже не подлежат установлению. Решение по административному делу о признании нормативно-правового акта недействующим будет иметь преюдициальный характер в деле о взыскании убытков с публично-правового образования.

По справедливому замечанию Г. А. Гаджиева, в соответствии с частью 2 статьи 13 Гражданского кодекса РФ в случае признания судом акта недействительным нарушенное право подлежит восстановлению либо защите иными способами, предусмотренными статьей 12 Гражданского кодекса РФ, и прежде всего таким способом, как возмещение убытков. Вот где проявляется взаимосвязь между способами защиты в ст. 12 Гражданского кодекса РФ, т. е. ее системность³.

Основной интерес, как представляется автору настоящей статьи, вызывает вопрос о возможности взыскания убытков в случае, если нормативно-правовой акт, изменяющий градостроительное зонирование, не оспаривался, либо в удовлетворении иска о признании такого нормативно-правового акта недействующим отказано.

Для взыскания убытков, причиненных правомерными действиями по принятию нормативного правового акта, изменяющего градостроительное зонирование, исходя из положений статьи 16.1. Гражданского кодекса РФ, помимо установления 1) самого факта возникновения убытков и их размера; 2) факта принятия нормативного правового акта, изменяющего градостроительное зонирование и повлекшего возникновение убытков; 3) причинно-следственной связи между возникновением убытков и принятием нормативного правового акта, необходимо в качестве обязательного условия, чтобы данный случай был отнесен законом к категории тех случаев, в которых возможно взыскание убытков из правомерных действий. Также законодатель предусмотрел, что и порядок возмещения таких убытков должен быть предусмотрен законом.

Поскольку речь идет о правомерном причинении убытков, то вина причинителя вреда в качестве необходимого элемента состава отсутствует и установлению не подлежит.

Обращает на себя внимание использование законодателем при формулировании статьи 16.1. Гражданского кодекса РФ категории ущерба, а не убытков, что может быть расценено как изначальное желание законодателя ограничить возмещение убытков из правомерных действий исключительно реальным ущербом и отказом во взыскании упущенной выгоды.

Применительно же к вопросу о возможности взыскания убытков с публично-правового образования в случае изменения градостроительного зонирования земельного участка и смены зоны с жилой на рекреационную, то такая возможность предусматривается положениями подпунктом 4 пункта 1 статьи 57 Земельного кодекса РФ. Указанная норма предусматривает возмещение в полном объеме убытков, в том числе и упущенной выгоды, причиненных ограничением прав собственников земельных участков, землепользователей, землевладельцев и арендаторов земельных участков.

Будет ли изменение градостроительного зонирования и смена зоны земельного участка с жилой на рекреационную тем ограничением прав, которое должно влечь возможность взыскания убытков с публично-правового образования?

Вопрос о возможности взыскания с публично-правового образования убытков, возникших в результате изменения градостроительного зонирования земельного участка и введенных в связи с таким изменением ограничений в использовании земельного участка, является спорным. Указанный вопрос не нахо-

дит однозначного разрешения ни в судебной практике, ни в научной литературе, что подчеркивается исследователями^{4, 5, 6}.

Еще одним важным моментом, на который следует обращать внимание правоприменителям при разрешении вопроса о возможности взыскания убытков при изменении градостроительного зонирования, является момент возникновения ограничений: возникли ограничения до момента приобретения прав на земельный участок или позже. Согласно позиции Верховного Суда РФ, если права на земельный участок приобретены после возникновения ограничений в отношении участка, то и убытки у правообладателя возникнуть не могли (Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2021 №305-ЭСН-168787). Правообладатель приобрел земельный участок с учетом всех действующих в отношении него ограничений.

Также в указанном определении Верховный Суд РФ отметил, что градостроительное ограничение по высотности застройки не является ограничением прав на землю, поскольку использование участка в соответствии с его целевым назначением, разрешенным использованием и градостроительным регламентом является обязанностью любого правообладателя земли.

Такая позиция высшей судебной инстанции не отвечает на вопрос о том, как быть в тех ситуациях, когда градостроительное зонирование и, как следствие, градостроительный регламент изменяются столь существенно, что градостроительная зона земельного участка меняется с жилой на нежилую, как и в анализируемой ситуации смены зоны жилой застройки на рекреационную.

Во многом такое толкование положений закона возможно в силу несовершенства формулировок самого закона. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 5 марта 2020 г. №11-П, реализация положений подпунктов 4 и 5 пункта 1 статьи 57 Земельного кодекса Российской Федерации – как свидетельствует правоприменительная практика – допускает возможность неоднозначной интерпретации их нормативного содержания.

Представляется, что принятие публично-правовым образованием нормативно-правового акта, изменяющего градостроительное зонирование и устанавливающего вместо жилой рекреационную зону земельного участка, связано, как правило, с реализацией публичных целей и в тоже время сопряжено со столь существенными ограничениями прав правообладателей земельных участков, что по сути обесценивает права на такой объект. Поэтому правообладатель земельного участка должен быть наделен эффективным средством защиты своих имущественных прав, и этим целям отвечает такой способ защиты прав как возмещение убытков.

В качестве вывода необходимо отметить следующее: правовое регулирование механизма взыскания убытков с публично-правового образования в случае принятия нормативно-правового акта, изменяющего градостроительное зони-

рование и вводящего ограничения прав правообладателей земельных участков, требует дальнейшего совершенствования с целью закрепления правовых предписаний, исключающих возможность двоякого толкования и позволяющих правообладателям взыскивать убытки с публично-правовых образований при существенном ограничении прав на земельный участок.

Литература

1. По делу о проверке конституционности подпунктов 4 и 5 пункта 1 и пункта 5 статьи 57 Земельного кодекса РФ в связи с жалобой гражданки И. С. Бутримовой: постановление Конституционного Суда РФ от 5 марта 2020 г. №11-П // Российская газета, № 57, 18.03.2020.
2. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. №50 // Российская газета, № 6, 15.01.2019.
3. *Гаджиев Г. А.* Нормоконтроль в сочетании с деликтными исками – эффективный способ защиты прав предпринимателей. Комментарий к Постановлению КС РФ от 06.07.2018 № 29-П // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 63–71.
4. *Башарин А. В., Петунов А. А.* Защита прав правообладателей земельных участков при изменении документов градостроительного зонирования // Закон. 2019. № 6. С. 157–171.
5. *Маркелова А.А.* Возмещение вреда, причиненного ограничением прав на земельные участки в публичных интересах // Закон. 2020. № 3. С. 157–173.
6. *Стрембелев С. В.* Гражданско-правовые последствия введения в отношении земельного участка режима особо охраняемой природной территории. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 20.03.2018 № 9-КГ17-23 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 11. С. 30–40.
7. Определение Верховного Суда РФ от 09.04.2021 г. №305-ЭСЧ-16878 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

П. В. Вяткина

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Д. А. Федяев

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Исследуется правовая природа приказного производства в цивилистическом процессе. Рассматривается возможность унификации института приказного производства путем сравнительного анализа норм АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ. Автором допускается возможность унификации норм, но с сохранением элементов дифференциации, которые, в первую очередь, связаны с предметом регулирования каждой из отраслей процессуального права, но отчасти являются следствием несовершенства правового регулирования.

Ключевые слова: приказное производство; дифференциация; унификация; цивилистический процесс.

P. V. Vyatkina

Student, Perm State University

Supervisor: D. A. Fedyayev

LEGAL NATURE OF WRIT PROCEEDINGS IN CIVIL PROCEDURE IN THE CIVIL PROCEDURE

The article is researching the legal nature of writ proceedings in civil procedure. Are being considered of unification of the Institute writ proceedings by a comparison of the norms of the Commercial (Arbitrazh) Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Administrative Procedure Code of the Russian Federation. The author admits the unification of standards with retaining elements of differentiation that are associated with the subject of regulation of each of the branches of procedural law. But they are partly the result of defects in legal regulation.

Keywords: writ proceedings; differentiation; unification; civil procedure.

В настоящее время большое внимание уделяется реформированию процессуального законодательства. Так, приоритетными задачами судебной правовой реформы согласно федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 гг.»¹ является создание условий, необходимых для эффективного и доступного осуществления правосудия, Способствовать обеспечению эффективности правосудия, а также его доступности может развитие упрощенных форм судопроизводства, в частности приказного производства, унифицированного для гражданского, административного и арбитражного судопроизводства.

В настоящее время дискуссионным является вопрос относительно правовой природы приказного производства. Ряд ученых придерживается мнения, что деятельность суда по вынесению судебного приказа не является правосудием, так, согласно мнению Д. А. Туманова приказное производство не обеспечивает ряд принципов судопроизводства, которые по своей сути являются составными элементами гарантий, которые обеспечивают реальную защиту прав и интересов заинтересованных лиц и безопасность от произвола (отсутствует принцип гласности, состязательности и другие), следовательно приказное производство осуществляется вне процессуальной формы². Схожей позиции придерживается и Н. А. Громошина, называя приказное производство «несудебной процессуальной процедурой»³.

Взгляды законодателя на позицию относительно правовой природы судебного приказа отличны от мнения ученых, что выражается в Едином гражданском процессуальном кодексе (далее – Единый ГПК). В указанном документе закреплено, что производство по выдаче судебного приказа характеризуется упрощенной процессуальной формой⁴.

Согласно положениям статьи 118 Конституции Российской Федерации судебная деятельность, осуществляемая лишь посредством судопроизводства, то есть, действия суда рамках процессуальной формы, определяется как правосудие.

Соответственно, законодатель, закрепляя в Едином ГПК, что приказное производство осуществляется в рамках упрощенной процессуальной формы, подразумевает, что рассмотрение дел в порядке приказного производства является деятельностью суда по отправлению правосудия.

Далее для понимания сущности приказного производства необходимо определить является ли оно упрощенным. Для ответа на данный вопрос необходимо выделить общие признаки для упрощенных форм судопроизводства.

Так, П. В. Михеев⁵ предлагает следующие основания для выделения упрощенных производств:

- объект рассмотрения дела. Он должен отличаться простотой, то есть должен отсутствовать спор о праве по формально совершенным документам, обладать малозначительностью предмета спора;
- отсутствие стадии судебного заседания, дело разрешается только на основании письменных доказательств, представленных сторонами;
- порядок вступления в силу решения и возможность его обжалования. Для упрощенных производств будут характерны более короткие сроки обжалования или незамедлительное вступление решения в законную силу;
- соотношение с ординарным производством. Оно может выражаться в ускорении этого производства или в сокращении процессуальной формы судопроизводства.

Пункт 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве» относит приказное производство к формам упрощенного производства⁶.

Безусловно, в гражданском процессе приказное производство является формой упрощенного производства. Статья 122 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) закрепляет исчерпывающий перечень требований, по которым может быть выдан судебный приказ. Обязательным условием является бесспорность заявленных требований. Процедура приказного производства не предусматривает наличие таких стадий как: подготовка дела к судебному разбирательству, само судебное разбирательство, а также отсутствует стадия пересмотра судебного приказа в апелляционном порядке. Судебный приказ вступает в силу по истечении срока для представления возражений.

Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ) введен институт приказного производства⁷. В данном случае, объектом рассмотрения являются также бесспорные требования, ограниченные размером предмета спора. Вынесение судебного приказа происходит без вызова должника и взыскателя и без проведения судебного разбирательства, что закреплено в части 4 статьи 229.5 АПК РФ. Вступает в силу судебный приказ после истечения срока для представления возражений относительно его исполнения (ч. 10 ст. 229.5 АПК РФ). Приказ может быть обжалован по правилам главы 35 АПК РФ, то есть в кассационном порядке. Указанные признаки делают возможным отнесение данного производства к формам упрощенного.

С принятием Федерального закона от 5 апреля 2016 г. № 103-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) появилось производство по делам о вынесении судебного приказа⁸.

Так, в рамках административного производства о вынесении судебного приказа рассматриваются дела, исключительно связанные с требованиями о взыскании обязательных платежей и санкций. Стоит заметить, что статья 291 КАС РФ, а именно пункт 3 части 1 закрепляет возможность рассмотрения той же категории дел в порядке упрощенного производства, но с ограничением – общая сумма исковых требований не может превышать двадцать тысяч рублей. Отсутствует стадия судебного разбирательства, согласно статье 123.5 КАС РФ. Ста-

тя 123.1 закрепляет за приказом силу исполнительного документа. Обжаловать приказ возможно только в кассационном порядке (часть 3 статьи 123.8 КАС РФ). По перечисленным признакам мы относим данный вид судебного разбирательства к упрощенной форме судопроизводства.

На сегодняшний день вместе с развитием норм процессуального законодательства в целях создания необходимых условий для эффективного осуществления правосудия и обеспечения его доступности идет активный процесс унификации цивилистического процесса.

Процесс унификации ставит своей целью обеспечить единообразие в регулировании сходных или совпадающих правоотношений путем сокращения объема нормативного материала, устранить излишнюю дифференциацию и различия в правовом регулировании.

В пользу тенденции к унификации рассматриваемого института говорит и очевидно схожее структурное деление глав, посвященных приказному производству в цивилистических процессуальных кодексах. Главы 11 ГПК РФ, 29.1 АПК РФ и 11.1 КАС РФ включают в себя нормы, посвященные: 1) понятию судебного приказа, требования, по которым возможно вынесение судебного приказа; 2) форме и содержанию заявления о выдаче приказа; 3) основаниям для возвращения или отказа в принятии приказа; 4) порядку вынесения приказа; 5) содержанию приказа; 6) его отмене и выдаче.

Схожими являются и критерии отнесения дел, подлежащих рассмотрению в порядке приказного производства, это их бесспорность. В случае с приказным производством, как в АПК, ГПК, так и в КАС РФ, в делах, подлежащих рассмотрению в данном порядке должен отсутствовать спор о праве, иначе судья отказывает в принятии заявления о вынесения судебного приказа.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о запущенном процессе унификации института приказного производства в цивилистическом процессе, но процессу унификации всегда противостоит дифференциация.

Известно, что приказное производство заимствовано отраслью арбитражного процессуального права и административного процессуального права из гражданского процесса, но не наблюдается полная тождественность рассматриваемого института, что, в первую очередь, свидетельствует о наличии элементов дифференциации.

Под дифференциацией понимается установление в зависимости от особенностей материального правоотношения, которое лежит в их основе, а также от характера и размера самого требования различного регулирования порядка рассмотрения и разрешения дел в суде⁹.

Дифференциация проявляется в определении максимальной суммы по требованиям о взыскании денежных средств. Так приказное производство в КАС РФ предусматривает рассмотрение заявления о взыскании обязательных платежей и

санкций независимо от суммы иска, единственным условием является бесспорность данного требования (ст. 123.4 КАС РФ). АПК РФ предусматривает возможность рассмотрения в порядке приказного производства те же требования, но устанавливает для них максимальную сумму в 100 тысяч рублей, а также предусматривает возможность рассмотрения той же категории дел в порядке упрощенного производства, но общий размер требований в данном случае не должен превышать 200 тысяч рублей (ст. 229.2 АПК РФ).

Различное регулирование наблюдается и относительно установления срока на подачу возражений и момента исчисления указанного срока. Так, согласно ч. 1 ст. 123.7 КАС РФ судебный приказ подлежит отмене судьей, если от должника в течение двадцати дней со дня направления ему копии судебного приказа поступят возражения относительно его исполнения. В АПК РФ (ч. 4 ст. 229.5), как и в ГПК РФ (ст. 128), срок на подачу возражений – 10 дней, но исчисляется указанный срок со дня получения копии судебного приказа должником, а не со дня ее направления судом. Законодатель в Едином ГПК предусматривает, что указанные расхождения необходимо унифицировать, указав при этом, что отчет времени для направления возражений необходимо осуществлять именно с момента получения должником судебного приказа, а не с момента его вынесения.

Кроме того, АПК РФ (ч. 4 ст. 229.5) закреплена норма, предусматривающая размещение судебного приказа на сайте суда не позднее следующего дня со дня его вынесения, что не установлено ни ГПК РФ, ни КАС РФ. На данном этапе унификация этого положения не осуществлена, поскольку существенно отличаются организационно-технические возможности судов общей юрисдикции, но данный пример дифференциации можно рассматривать в качестве возможности для дальнейшей унификации.

Отличия можно увидеть и в сроках направления копии определения об отмене судебного приказа. КАС РФ (ч. 3 ст. 123.7), как и ГПК РФ (ст. 129), отводит на это три дня после дня вынесения определения, в то время как АПК РФ (ч. 5 ст. 229.5) – не более пяти дней. В данном случае установление разных сроков направления копий определения об отмене судебного приказа является искусственной дифференциацией и в дальнейшем допускается унификация указанных положений.

Подводя итоги, можно сказать, что приказное производство – это самостоятельный упрощенный вид судопроизводства. В развитии данного института в настоящее время прослеживаются тенденции к унификации норм гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Однако можно заметить и дифференциацию в регулировании приказного производства в цивилистическом процессе, связанную, прежде всего с предметом регулирования каждой из отраслей процессуального права. Наблюдаемое, различие в регулировании в некоторых случаях является лишь следствием недоработанности отдельных норм.

Литература

1. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы: постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406 [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. *Туманов Д. А.* Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2016. № 9.
3. *Громошина Н. А.* Приказное производство как инструмент оптимизации цивилистического процесса // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2017. № 5.
4. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 08.12.2014 № 124(1)) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. *Михеев П. В.* Пределы ускорения гражданского и административного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве // *Российская газета*, № 6, 13.01.2017.
7. О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ // *Российская газета*, № 47, 04.03.2016.
8. О внесении изменений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 5 апреля 2016 г. № 103-ФЗ // *Российская газета*, № 75, 08.04.2016.
9. *Папулова З. А.* Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.63 с.
10. Проект Федерального закона № 383208-7 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. *Федяев Д. А.* Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: унификации или дифференциации правового регулирования // *Пермский юридический альманах.* 2018. № 1. С. 391–399.

А. В. Гаврюсов

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Д. Н. Латыпов

О НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ НЕОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА НА ДОКАЗЫВАНИЕ В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Определяются процессуально-правовые последствия неосуществления права на доказывание в суде первой инстанции в арбитражном процессе России. В работе выявляется связь между неосуществлением права на доказывание и процессуальной ответственностью, а также иными процессуальными последствиями, в том числе негативными. В работе приводится актуальная практика применения части 2 статьи 268 АПК РФ в связи с неосуществлением лицом своих прав на представление доказательств в суде первой инстанции. По результатам исследования сделаны выводы о наличии различных правовых связей между рассматриваемым бездействием стороны в процессе и наступлением процессуальных последствий.

Ключевые слова: право на доказывание, процессуальное бездействие, процессуальная ответственность, арбитражный процесс, процессуальный риск, представление в суде апелляционной инстанции новых доказательств.

A. V. Gavryusov

Student, Perm State University

Supervisor: D. N. Latypov

SEVERAL PROCEDURAL AND LEGAL CONSEQUENCES OF FAILURE TO REALIZE THE RIGHT TO GIVE EVIDENCE IN THE COURT OF FIRST INSTANCE IN THE ARBITRAL PROCEDURE

The purpose of this article is to determine the procedural and legal consequences of the failure to realize the right to give evidence in the court of first instance in the arbitration process in Russia. The scientific paper reveals the relationship between failure to realize the right to give evidence and procedural liability, as well as other procedural consequences, including negative ones. The article presents the current practice of applying part 2 of article 268 of the Arbitral Code of the Russian Federation in connection with the failure to realize the right to give evidence in a court of first instance. According to the results of the study, conclusions are drawn about the existence of various legal connections between the considered inaction of the party in the process and the occurrence of procedural consequences.

Keywords: right to give evidence, procedural inaction, procedural liability, arbitration process, procedural risk, presentation of new evidence in the court of appeal.

Арбитражным процессуальным кодексом РФ (далее – АПК РФ) в части 1 статьи 41 закреплено право лица, участвующего в деле, представлять доказательст-

ва, участвовать в исследовании доказательств, а также заявлять ходатайства, делать заявления и давать объяснения арбитражному суду¹.

В свою очередь, частью 1 статьи 65 АПК РФ устанавливается обязанность для лица, участвующего в деле, доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений. При этом в юридической литературе можно встретить мнение о том, что выделение такой обязанности доказывать является дискуссионным в силу возможного противоречия ее доказательственной диспозитивности сторон. Н. Д. Грибов, обосновывая отмеченное суждение, отмечает, что в любом случае, если на сторону возложено бремя доказывания, то для нивелирования негативных последствий неосуществления такой обязанности сторон должна представить доказательства суду².

Полагаем, что право доказать что-либо и бремя доказывания (обязанность, возложенная на сторону судом) могут не совпадать в силу различных причин (например, сторона имеет право доказать факты, прямо не входящие в предмет доказывания, но, по ее мнению, подлежащие учету судом). В таком случае несовпадения права и обязанности негативных правовых последствий неосуществления права на доказывание не будет, так как права и обязанности лиц, участвующих в деле, не изменяются вследствие неосуществления такого права.

В свою очередь, когда право на представление доказательств фактически является обязанностью лица, участвующего в деле, возможно выделить несколько видов правовых последствий неосуществления рассматриваемого права.

В теории процессуального права ученые в последнее время предлагают выделять отдельную категорию юридической ответственности – процессуальную. М. Р. Загидуллин, развивающий научную теорию о процессуальной ответственности, оговаривает, что такая ответственность применяется судом за процессуальные нарушения, совершаемые участниками процесса, которая влечет процессуальные последствия. Ученый приводит следующие виды процессуальной ответственности – меры фиктивной юридической ответственности (например, признание надлежащим неврученного судебного извещения, признание обстоятельств, на которые ссылается противоположная сторона, без дополнительного доказывания), меры процессуального принуждения (например, привод), отводы, ответственность в виде иных неблагоприятных последствий (например, отказ суда второй инстанции исследовать новые доказательства, отказ в удовлетворении ходатайств на основании части 5 статьи 156 АПК РФ)³.

Руководствуясь выводами ученого, применительно к рассматриваемой проблеме, правовым последствием неосуществления права на доказывание будет являться наступление процессуальной ответственности в виде мер фиктивной ответственности (признания фактов на основании части 3.1 статьи 70 АПК РФ), а также иных неблагоприятных последствий (например, отказ суда второй инстан-

ции исследовать новые доказательства), с чем автор настоящей работы не соглашается во следующим причинам.

Профессор Н. В. Витрук в своей монографии об общей теории юридической ответственности приходит к выводам о том, что двумя сущностными отличиями юридической ответственности от иных видов юридической обязанности является то, что юридическая ответственность представляет собой (1) новую, дополнительную обязанность для правонарушителя (2) по возмещению нанесенного ущерба и несению справедливого возмездия как кара за правонарушение. Профессор выделяет два вида юридической ответственности (учитывая основные цели ответственности): восстановительно-компенсационная (защитная) и карательно-штрафная⁴.

Исходя из указанного, с учетом специфики процессуального правонарушения, правовым последствием совершения последнего, а в рассматриваемой нами проблеме нарушения процессуальной обязанности по представлению доказательств, может являться только «возмездие, наказание нарушителя, причинение ему материальных тягот, духовно-психологических и иных обременений» (цитата – Н. В. Витрук), возложение на него дополнительных обязанностей.

М.Р. Загидуллин кроме прочего приходит к выводу о том, что сущность ответственности, а именно процессуальной, есть обязанность претерпевать неблагоприятные последствия, но только «которые влияют (негативно) на исход дела».

Однако полагаем, что «меры фиктивной ответственности» и «иные неблагоприятные последствия», примеры которых приведены выше, выделенные М. Р. Загидуллиным в качестве видов процессуальной ответственности, лишены свойств, присущих наказанию (санкции). Они могут только косвенно влиять на личную и имущественную сферы правонарушителя (например, они могут приводить к необходимости оплатить уже оплаченную задолженность или к наложению обременений имущественного характера на ненадлежащего субъекта). Процессуальные санкции прямого воздействия на правонарушителя, по нашему мнению, представляют собой судебный штраф и отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (статья 111 АПК РФ). Именно они оказывают (должны оказывать) необходимый эффект, свойственный наказанию, на поведение правонарушителей, связанный с общей превенцией и карательно-штрафной функцией.

Кроме наступления процессуальной ответственности видится верным рассмотреть иные правовые последствия неосуществления права/обязанности на доказывание, которые изменяют (видоизменяют) процессуальные права и обязанности сторон, но ответственностью не являются. Анализируя особенности состязательного процесса, профессор И.В. Решетникова со ссылкой на Е. А. Нефедьева отмечает, что суд при состязательном процессе принуждает лиц

к совершению определенных процессуальных действий, но при их несовершенности наступают негативные последствия, предусмотренные законом⁵.

В научной литературе правоведа, в частности М. Ю. Епатко, приходят к выводам, что в силу введения в АПК РФ части 3.1 статьи 70, неоспаривание стало иметь доказательственное значение⁶, с чем невозможно не согласиться.

Кроме того, помимо возможного наступления процессуальной ответственности, признания фактов на основании части 3.1 статьи 70 АПК РФ правовым последствием неосуществления права на доказывания необходимо считать и наступление процессуального риска. Теория процессуального риска, по справедливому замечанию А. В. Юдина, в России берет свое начало в трудах И. В. Решетниковой. Профессор А. В. Юдин рассматривает два основных последствия наступления риска неосуществления права на доказывание, а именно потерю возможности доказать факты, на которые лицо ссылается, а также утрату возможности представления доказательств впоследствии (а равно потерю возможности «утверждать наличие либо отсутствие фактических обстоятельств»)⁷.

При этом в судебной практике возможно выявить некоторую ликвидацию негативного последствия неосуществления права на доказывание в виде «разблокирования» права на представления новых доказательств в суде апелляционной инстанции в отсутствие объективно уважительных причин непредставления доказательств в суд первой инстанции.

Традиционным подходом правоприменения части 2 статьи 268 АПК РФ является рассмотрение судом апелляционной инстанции только причин непредставления доказательств в суд первой инстанции. При этом если суд не усмотрел таких уважительных и/или объективных причин доказательства судом апелляционной инстанции не исследуются (они признаются недопустимыми⁸). Такой подход отражен, например, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 9 апреля 2019 года по Делу А47-5825/2018⁹. В споре о взыскании страхового возмещения в порядке регресса суд второй инстанции отказал ответчику в общении к делу документов, не представленных в суд первой инстанции в отсутствие уважительных причин. Из текста судебного акта следует, что доказательства содержали сведения о том, что причинителем вреда являлось иное лицо, т. е. о том, что ответчик является ненадлежащим.

В другом деле (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 августа 2019 года по Делу №А50-31279/2017) суд отказал в принятии новых доказательств, которые неоднократно истребовались в суде первой инстанции (доказательство должно было быть проверено на предмет фальсификации) также по формальным основаниям в виде отсутствия уважительных причин. Стоит отметить, что в данном споре суды применили иные негативные последствия неосуществления обязанности по представлению доказательств и оценивали активное процессуальное бездействие ответчика¹⁰.

Совершенно иной подход можно обнаружить в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 1 августа 2018 года по Делу №А60-44238/2017. Суд второй инстанции удовлетворил ходатайство ответчика о приобщении к делу новых доказательств в отсутствие уважительных причин, на что было отдельно указано в судебном акте, но указал, что непринятие доказательств (свидетельствующих о ненадлежащем ответчике) может привести к принятию необоснованного судебного акта¹¹.

Крайне важные разъяснения применения части 2 статьи 268 АПК РФ удалось найти в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 24 августа 2020 года по Делу №А47-2633/2019, в котором суд кассационной инстанции указал на ошибку суда второй инстанции, выразившуюся в непринятии новых доказательств (доказательств частичной оплаты задолженности) ответчика, который не имел уважительных причин непредставления таких доказательств в суд первой инстанции. Арбитражный суд Уральского округа сформировал общее правило толкования нормы о том, что принцип состязательности в арбитражном судопроизводстве предполагает и активность суда в целях оказания помощи участникам процесса, а формальный подход (анализ судом только уважительности бездействия лица) не соответствует задачам и смыслу арбитражного судопроизводства (ст. 2 АПК РФ)¹². Стоит отметить, что в другом деле, при сходных процессуальных обстоятельствах, суд апелляционной инстанции отказал в принятии новых доказательств, что было поддержано судом кассационной инстанции (Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 марта 2021 года по Делу №А50-10200/2020), т. е. обнаружено свидетельство неоднозначности судебной практики по этому вопросу.

Во многих других спорах суды пришли к выводам о том, что формальный подход при оценке процессуального бездействия лица в суде первой инстанции (даже при отсутствии уважительности причин непредставления доказательств в суд первой инстанции) может привести к негативным последствиям в его имущественной сфере (двойные взыскания; неосновательное обогащение истца; удовлетворение требований к ненадлежащему ответчику) и рассматривали новые доказательства по существу (см., например, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.03.2018 по Делу №А50-15609/2017¹⁴, Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20.05.2019 по Делу №А50-21468/2017¹⁵). При этом суды указывают, что непринятие доказательств может привести к неправильному разрешению спора, что в совокупности с обстоятельствами рассмотренных дел, говорит о том, что при соотношении принципов состязательности и объективной истины, суды избирают второй в качестве преобладающего.

Отсутствие единообразной практики применения пункта 2 статьи 268 АПК РФ применительно к последствиям неосуществления права на доказывание по-

звolyет сделать вывод о том, что процессуальные риски не всегда оборачиваются для бездействующей стороны негативными последствиями и возможна реанимация таких негативных последствий. Однако разумные ожидания любого лица, представляющего новые доказательства в отсутствие уважительности причин их непредставления в суд первой инстанции, в виде пересмотра дела (из-за наступления негативных последствий в виде признания фактов на основании части 3.1 статьи 70 АПК РФ в силу молчания) могут быть противопоставлены формальному подходу суда второй инстанции, что непосредственно влияет на право лица на судебную защиту.

При этом со стороны научного сообщества возможно усмотреть поддержку как формального, так и материального подходов в вопросе принятия новых доказательств. Например, И. М. Шевченко является сторонником крайне формального подхода, при котором суду второй инстанции нельзя выходить за рамки оценки уважительности причин непредставления доказательств в суд первой инстанции, а иное будет являться нарушением принципа состязательности сторон¹⁶. Есть приверженцы и более мягкого подхода, при котором суд второй инстанции должен оценивать также и влияние доказательств на исход дела¹⁷, то есть наиболее полно исследовать дело в целях соответствия решения объективной реальности¹⁸.

Полагаем, что вопрос практики применения части 2 статьи 268 АПК РФ углубляется в иные более существенные проблемы процессуального права. Формирование правовых позиций в пользу принципа объективной истины (в ущерб принципу состязательности) корнями уходит в проблему выбора модели апелляции (полная или неполная), которая в рамках настоящей работы не может быть рассмотрена.

По результатам исследования были выявлены некоторые правовые последствия неосуществления лицом права на доказывание в суде первой инстанции в арбитражном процессе, что позволяет сформировать следующие выводы:

– процессуально-правовыми последствиями неосуществления лицом права на доказывание в суде первой инстанции могут являться процессуальная ответственность (судебный штраф и отнесение судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (статья 111 АПК РФ) и иные последствия, которые возможно классифицировать на негативные, когда бездействовавшему лицу отказывают в защите права, и позитивные, когда право стороны на доказывание реабилитируется;

– неосуществление права на доказывание всегда сопряжено с процессуальным риском, но риски также будут зависеть и от обстоятельств конкретного спора и дискреционного усмотрения суда;

– также выявлена неоднозначная судебная практика применения части 2 статьи 268 АПК РФ судами апелляционной и кассационной инстанций, которая

может отрицательным образом сказаться на последствиях материального характера для лиц, участвующих в деле.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002, № 30, ст. 3012.
2. *Грибов Н. Д.* Процессуальные обязанности сторон в цивилистическом процессе // *Администратор суда.* 2021. № 1. С. 25 - 29.
3. *Загидуллин М. Р.* Процессуальная ответственность в цивилистическом процессе // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2020. № 1. С. 54 - 59.
4. *Витрук Н. В.* Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОРМА, 2009. 432 с.
5. Решетникова И.В. Концепции стремительно развивающегося российского арбитражного процесса (к 10-летию принятия АПК РФ) // *Вестник гражданского процесса.* 2012. № 5. С. 17 - 32.
6. *Епатко М. Ю.* Противодействие злоупотреблению процессуальными правами в арбитражном процессе // *Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры».* 2019. № 2. С. 120 - 154.
7. *Юдин А. В.* Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // *Вестник гражданского процесса.* 2014. № 5. С. 11 - 53.
8. *Решетникова И. В.* Допустимость доказательств в современном арбитражном процессуальном законодательстве // *Вестник ВАС РФ.* 2012. № 2. С. 36 - 47.
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09 апреля 2019 года по Делу А47-5825/2018 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28 августа 2019 года по Делу №А50-31279/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01 августа 2018 года по Делу №А60-44238/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 августа 2020 года по Делу №А47-2633/2019 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 10 марта 2021 года по Делу №А50-10200/2020 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05 марта 2018 года по Делу №А50-15609/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 20 мая 2019 года по Делу №А50-21468/2017 // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. *Шевченко И. М.* О некоторых вопросах раскрытия доказательств в делах о банкротстве // *Арбитражные споры.* 2020. № 3. С. 49 - 70.
17. *Бурганов Б. Р.* Проблемы совершенствования принципов арбитражного судопроизводства // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2018. № 5. С. 10 - 14.
18. *Бородин В. Г., Станкевич А. В.* О некоторых проблемах арбитражного процесса и способов защиты прав. Сборник очерков. Часть 1. М.: Инфотропик Медиа, 2018. 180 с.

Р. Д. Гоголев

Студент НИУ ВШЭ-Пермь

Научный руководитель: К. С. Кондратьева

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ОЦЕНКА ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассмотрены подходы российских судов к оценке электронной переписки, скриншотов, распечаток интернет-сайтов как доказательств в арбитражном процессе. Выявлены проблемы, связанные с неопределённостью и неактуальностью судебной практики относительно приёма электронных доказательств. Автором предложено решение о выделении электронных доказательств в отдельную категорию средств доказывания в арбитражном процессуальном законодательстве.

Ключевые слова: электронные доказательства, арбитражный процесс, оценка доказательств, электронный документооборот.

R. D. Gogolev

Student, NRU HSE-Perm

Supervisor: K. S. Kondrateva

PRESENTATION AND EVALUATION OF CERTAIN TYPES OF ELECTRONIC EVIDENCE IN COMMERCIAL PROCEEDING

This research paper will consider the approaches of Russian courts to the evaluation of electronic correspondence, screenshots, and printouts of websites as evidence in the commercial proceedings. The problems associated with the uncertainty and irrelevance of judicial practice regarding the acceptance of electronic evidence have been identified. The author has proposed a decision on the allocation of electronic evidence in a separate category of evidence in the commercial procedural legislation.

Keywords: electronic evidence, commercial proceedings, evaluation of evidence, electronic workflows.

Сложившаяся судебная практика¹ сводится к оценке электронных доказательств на основании общих положений процессуального законодательства о доказательствах. В законодательстве отсутствуют определённые критерии оценки электронных доказательств. Как пишет М. Е. Егорова, процессуальное законодательство не определяет форму, порядок исследования, приобщения электронных доказательств к делу². Электронные доказательства разнообразны по своей форме и содержанию и возможность их принятия судом в качестве допустимых доказательств не имеет однообразного подхода. Некоторые исследователи указывают на необходимость модернизации института судебного доказывания в части выделения электронных доказательств в особую категорию (А. И. Гройс-

берг, Е. А. Нахова, Н. В. Самсонов)³. Однако есть и противоположная точка зрения, что действующее законодательств не требует изменений и традиционный подход вполне справляется с вопросом принятия и оценки электронных доказательств (Н. И. Борискина, В. Г. Голубцов, Л. В. Зайцева, Н. В. Сухова)⁴.

Одним из вопросов, возникающих в судебной практике, является оценка электронной копии договора или отдельного соглашения между сторонами. В Постановлении Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 сентября 2020 г. № 11АП-10629/20 по делу о №А55-24336/2019 истец ссылаясь на заключение договора подряда в новой редакции договора подряда, представленной в суд в виде светоконии. Ответчик, в свою очередь, представил копию первоначального договора, отличающуюся от копии истца. Суд не признал обе копии допустимыми доказательствами на основании пункта 6 статьи 71 АПК РФ и потребовал предоставить оригинал договора. Поскольку бремя доказывания лежит на истце, оригинал договора отсутствует, новое соглашение судом признано незаключенным. Скриншоты страниц сервиса электронной почты не были приняты судом, так как невозможно достоверно установить адресанта и адресата сообщения, а коммуникация посредством электронной почты между сторонами не была согласована⁵.

Факт заключения договора в отсутствие его оригинала также пытались доказать в деле № А76-52971/2019, рассмотренном 15 сентября 2020 года Восемнадцатым арбитражным апелляционным судом РФ. Истец заявлял, что дополнительные документы по договору отправлялись посредством обмена документов по электронной почте. В подтверждение своих доводов Истцом был представлен протокол осмотра доказательств нотариусом – «информации, находящейся в электронном виде на страницах информационного ресурса», из которого следует, что ответчиком были направлены оспариваемые документы, однако они не содержали некоторых реквизитов. Против истца сыграл тот факт, что не было представлено доказательств последующей отправки ответчику своего акцепта договора. Также, между сторонами не было заключено соглашение об использовании электронного документооборота. На основании вышеперечисленных фактов суд пришёл к выводу о незаключённости данного договора⁶.

В Постановлении Четвертого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2020 г. № 04АП-1816/20 по делу № А19-26122/2018, суд пришёл к выводу, что электронная переписка и электронная копия дополнительного соглашения являются надлежащими письменными доказательствами⁷. В данном деле суд не обратил внимание на распространённый в судебной практике подход о том, что сканированные и отправленные через электронную почту документы будут расцениваться как доказательства, если стороны предусмотрели такой документооборот в договоре (соглашении). При оценке указанных доказательств суд исходил из того, что на сканированном документе была собственноручная подпись

представителя ответчика, достоверность которой не была оспорена. Имело место также последующее одобрение условий дополнительного соглашения новым директором ответчика. Суд применил абзац 2 статьи 431, пункт 2 статьи 434 ГК РФ⁸. Электронная копия и переписка через электронную почту помогли установить действительную волю сторон.

Таким образом, судебная практика сводится к тому, что электронные копии документов являются крайне ненадёжным доказательством в арбитражном процессе. При вынесении решений суды руководствуются позицией, изложенной в Постановлении Президиума ВАС РФ от 22 февраля 2011 г. № 14501/10: при отсутствии оригинала документа другой стороне достаточно лишь заявить о недостоверности копий, чтобы она не была принята судом⁹. Суды также обращают внимание на тот факт, что сторонами была предусмотрена в договоре переписка через электронную почту или иные способы связи (п. 1 ст. 434 ГК РФ). Только если такое соглашение было, электронная переписка будет признана надлежащим доказательством, а значит и отправленные по ней копии документов.

Вместе с тем, представляется, что судами должна приниматься во внимание действительная воля сторон, что подтверждается также электронными копиями документов и электронными переписками. Указанный подход наиболее соответствует нашей действительности, так как взаимодействие контрагентов уже повсеместно происходит путём электронной связи, поэтому согласие на такой вид связи должно презюмироваться, как и достоверность электронной переписки.

Перейдём к информации со страниц сайтов в сети Интернет. Судебная практика не относит скриншоты экранов к самостоятельным видам доказательств (Постановление ФАС Московского округа от 10.02.2011 № Ф05-191/2011 по делу № А40-63338/2010). Однако данный подход нельзя считать однозначным. Например, Верховный Суд РФ в 2019 году указывал, что при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав суд вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством. Распечатки материалов с интернет-страниц, заверенные участниками процесса, с указанием адреса интернет-страницы и точного времени получения являются допустимыми доказательствами¹⁰. Таким образом, Верховный Суд РФ установил два критерия: 1) скриншот должен быть заверен нотариусом; 2) должны быть указаны необходимые реквизиты. Также, в 2012 году Президиум ВАС РФ указал, что участник процесса должен обосновать «возможность предоставления распечатки с интернет-сайта»¹¹. Семнадцатый арбитражный апелляционный суд РФ в 2018 году отмечал, что обращение к нотариусу не является обязательным условием принятия скриншота в качестве письменного доказательства. Суд прямо указал, что «лица, участвующие в деле, могут самостоятельно фиксировать находящуюся в сети "Интернет" информацию», в том числе, посредством «скриншотов интернет-страниц, распечаток различных ин-

формационных ресурсов, электронной переписки». По мнению суда, обращаться к нотариусу за протоколом осмотра доказательств требуется, «если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным»¹².

Таким образом, судебная практика не сформировала единообразный подход к оценке отдельных видов электронных доказательств. Многое сводится к оценке электронных доказательств на основании общих положений о доказательствах в арбитражном процессе. В отдельных судебных документах можно найти отличные электронных доказательств. При анализе рассмотренных дел можно сделать вывод, что суды в каждом отдельном деле оценивают электронные доказательства не по определённым критериям, а в совокупности с другими доказательствами, обращая внимание на обстоятельства дела.

Представляется необходимым, дополнить главу 7 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹³ статьёй, посвящённой электронным доказательствам. В новой статье следует определить:

- понятие электронных доказательств: документы или материалы, созданные путём использования электронных устройств;
- порядок представления электронных доказательств в суд: в электронном виде, либо на электронном носителе;
- открытый перечень электронных доказательств: электронные документы, электронная переписка, компьютерные файлы (лог-файлы, журнал прокси-сервера, кэш-файлы и иные файлы), снимки экрана интернет-сайтов;
- критерии достоверности и относимости электронных доказательств в случае разногласия сторон.

Кроме того, необходимо обращать внимание на имеющиеся реквизиты, которые у каждого вида электронного доказательства будут отличаться: доменное имя, метаданные, форматы файлов, определённые даты). В случае, когда установить достоверность электронных доказательств считается затруднительным, суду следует назначить экспертизу в соответствии со статьёй 82 АПК РФ.

Литература

1. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25 апреля 2016 г. № 10АП-17900/2014 по делу N А41-50304/14; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2020 г. № 18АП-9147/20 по делу № А76-52971/2019 // ЭПС "Система ГАРАНТ".
2. *Егорова М. Е.* Электронный документ как средство доказывания // Нотариус. 2014. № 4. С. 42.
3. *Гройсберг А.И.* Электронные доказательства в системе правосудия по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. Т. 9, № 2, 2019. С. 55-75.
4. *Борискина Н. И.* Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве // Законодательство. № 4, 2018. С. 58-63.
5. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2020 № 11АП-10629/20 по делу №А55-24336/2019 // ЭПС "Система ГАРАНТ".

6. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 сентября 2020 г. № 18АП-9147/20 по делу № А76-52971/2019 // ЭПС "Система ГАРАНТ".
7. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 9 июля 2020 г. № 04АП-1816/20 по делу № А19-26122/2018 // ЭПС "Система ГАРАНТ".
8. Гражданский кодекс Российской Федерации // ЭПС "Система ГАРАНТ".
9. Постановление Президиума ВАС РФ от 22 февраля 2011 г. № 14501/10 // ЭПС "Система ГАРАНТ".
10. Постановление Пленума Верховного Суда № 10 от 23.04.2019 года "О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" // ЭПС "Система ГАРАНТ".
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 5 апреля 2012 г. № 16311/11 // ЭПС "Система ГАРАНТ".
12. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2018 г. № 17АП-288/17 по делу № А60-24-52/2016 // ЭПС "Система ГАРАНТ".
13. Арбитражный процессуальный кодекс РФ // ЭПС "Система ГАРАНТ"

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ В ДЕЛЕ О ПРИЗНАНИИ ПРАВА ОТСУТСТВУЮЩИМ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматриваются особенности доказывания обстоятельств, имеющих юридическое значение для разрешения спора о признании права (обременения) отсутствующим. Автор анализируются возможные основания иска о признании права отсутствующим, отмечается, что наибольшие проблемы вызывает доказывание обстоятельств в случае, когда иск о признании права отсутствующим связан с действительной движимой природой объекта, поставленного на государственный кадастровый учёт в качестве недвижимого. На основании обобщения судебно-арбитражной практики автором делается вывод о том, что в основу судебного решения о признании права отсутствующим в таком случае может быть положено лишь заключение эксперта.

Ключевые слова: защита гражданских прав, признание права отсутствующим, движимая вещь, недвижимая вещь, заключение эксперта, доказывание.

FEATURES OF PROOF IN THE CASE OF THE RECOGNITION OF THE RIGHT TO BE ABSENT IN THE ARBITRATION PROCESS

This article discusses the features of proving the circumstances that are of legal significance for the resolution of a dispute on the recognition of a right (encumbrance) as absent. The author analyzes the possible grounds for a claim for recognition of the right to be absent, and notes that the greatest problems are caused by proving the circumstances in the case when the claim for recognition of the right to be absent is associated with the actual movable nature of the object placed on the state cadastral register as immovable. Based on the generalization of judicial and arbitration practice, the author concludes that the basis of a court decision on the recognition of the right to be absent in this case can only be based on the expert opinion.

Keywords: protection of civil rights, recognition of the right to be absent, movable thing, immovable thing, expert opinion, proof.

Перечень способов защиты гражданских прав, в соответствии с нормой статьи 12 Гражданского кодекса РФ, является открытым: допускается осуществление защиты гражданских прав не только способами, непосредственно поименованными в статье 12, но и иными способами предусмотренными законом¹.

В действительности, иные способы защиты гражданских прав не только ус- танавливаются законом, но и вырабатываются судебной практикой. Так, в абза-

це 4 пункта 52 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – Постановление Пленума № 10/22) впервые был упомянут такой способ защиты как признание права или обременения отсутствующим (далее – признание права отсутствующим)².

В последние годы в научной литературе отмечается немало количество публикаций (в том числе, и учёных Пермского государственного университета), посвящённых исследованию как позитивного признания права, так и его негативной разновидности – признания права отсутствующим³. Особый научный интерес вызывают проблемы правовой природы данного способа защиты права, его места среди способов, поименованных в статье 12 ГК РФ, определения условий применения в качестве надлежащего способа защиты нарушенного права, применения исковой давности и т.д.⁴

Однако не менее актуальным с практической точки зрения, является вопрос о доказывании в делах по иску о признании права отсутствующим.

Отметим, что, закрепляя в судебной практике такой способ защиты как признание права отсутствующим, Пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ исчерпывающе очертили круг споров, которые могут быть разрешены путём предъявления указанного иска. В частности, Суды отметили три ситуации:

- Право собственности на один и тот же объект недвижимости одновременно зарегистрировано за разными лицами;
- Ипотека или иное обременение права собственности прекратилось;
- Право собственности на движимое имущество зарегистрировано в качестве недвижимого имущества.

Если доказывание обстоятельств, подлежащих установлению при разрешении первых двух ситуаций, не вызывает у участников процесса особых затруднений, поскольку производится путём представления преимущественно письменных доказательств, то юридический состав, подлежащий установлению решению спора в третьей ситуации значительно усложняется в связи с наличием спора о правовой природе спорного имущества. В связи с изложенным представляется необходимым уделить особое внимание предмету доказывания и допустимым доказательствам при разрешении третьей из приведённых ситуаций.

В современной правовой реальности нередки случаи, когда вещь, право на которую зарегистрировано в Едином государственном реестре недвижимости, в действительности не соответствует признакам недвижимой вещи, установленным частью 1 статьи 130 ГК РФ и, в частности, не имеет прочной юридиче-

ской и фактической связи с землёй и может быть перемещена без соразмерного ущерба своему назначению.

Так, например, довольно часто в судебной практике признаются движимым имуществом поставленные ранее на кадастровый учёт торговые павильоны, сборно-разборные ангары, холодильные камеры и иные вещи, прочная связь с землёй которых неверно оценивается регистрирующим органом.

Безусловно, регистрация подобных объектов в качестве недвижимых нарушает права владеющего собственника земельного участка, на котором такой объект расположен, и иных лиц. Данные обстоятельства порождают право перечисленных лиц обратиться в суд с иском о признании права на расположенный на земельном участке объект отсутствующим.

При определении предмета доказывания и распределении бремени доказывания входящих в него обстоятельств, следует принимать во внимание не только базовые положения статьи 65 АПК РФ⁵, устанавливающие обязанность каждого лица, участвующего в деле, доказать обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, но и закреплённую нормой части 2 статьи 130 ГК РФ презумпцию движимости вещей: вещи, не относящиеся к недвижимости, включая деньги и ценные бумаги, признаются движимым имуществом.

Из изложенного следует, что главным юридически значимым обстоятельством, подлежащим установлению в споре о признании права отсутствующим, является движимая природа объекта, право на которое оспаривается. При этом обязанность доказывания такого обстоятельства лежит на истце.

Следует учитывать, что определение движимого либо недвижимого характера спорного объекта является вопросом права и может быть осуществлено лишь судом. Представляется, что исполнение истцом обязанности по доказыванию должно заключаться в представлении допустимых доказательств наличия у спорного объекта предусмотренных законом признаков недвижимого имущества, то есть прочной юридической и фактической связи с землёй и возможности перемещения его без существенного ущерба его целевому назначению.

Анализ сложившейся судебно-арбитражной практики свидетельствует о том, что достоверное установление указанных обстоятельств невозможно без привлечения специальных знаний в области строительства и, следовательно, требует назначения судебной строительно-технической экспертизы. При этом перед экспертом не может быть поставлен вопрос правового характера – о том, является ли спорный объект движимой или недвижимой вещью. Эксперт может

лишь установить наличие признаков, совокупность которых в дальнейшем позволит арбитражному суду сделать вывод о природе данного объекта.

При назначении судебной экспертизы представляется необходимым и целесообразным поставить на разрешение эксперта следующие вопросы:

- Является ли объект капитальным сооружением?
- Возможно ли перемещение объекта без существенного ущерба его целевому назначению?

При постановке вопросов следует учитывать, что исследуемый объект может представлять собой как простую вещь, так и сложную вещь, так и имущественный комплекс (например, детская или спортивная площадка, представляющая собой совокупность замощения, ограждений, навесов и непосредственно игровых элементов). В последнем случае необходимо проведение в отношении всего объекта в целом как имущественного комплекса.

Так, например, Арбитражный суд Пермского края в одном из дел по иску о признании права собственности на объект недвижимости (спортивную площадку) отсутствующим, оценив представленные истцом и ответчиком заключения досудебных экспертиз, определил вначале назначить судебную экспертизу, а затем и повторную судебную экспертизу. Основанием для назначения повторной судебной экспертизы явилось то, что, отвечая на поставленные вопросы о наличии у спортивной площадки прочной связи с землей и возможности перемещения её без причинения соразмерного ущерба её целевому назначению, эксперт сделал выводы об отсутствии такой связи не в отношении всей спортивной площадки в целом, а отдельно в отношении забора, хозяйственного строения (хранилища инвентаря), спортивных сооружений.

При назначении повторной судебной экспертизы вопросы судом были уточнены, экспертом был сделан вывод о наличии у спортивной площадки как единого объекта прочной связи с землей. Указанный вывод был положен в основу решения Арбитражного суда Пермского края об отказе в удовлетворении иска о признании права отсутствующим⁶.

На основании изложенного следует заключить, что заключение эксперта является единственным видом доказательств, позволяющим установить наличие у объекта, право на который оспаривается, признаков недвижимой вещи и, соответственно, отнести такой объект к движимому или недвижимому имуществу. Разрешение указанного вопроса является необходимым условием вынесения арбитражным судом мотивированного и обоснованного решения.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 09.03.2021) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. ст. 3301.
2. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного суда РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. 23.06.2015) [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. См. например: *Латыпов Д. Н.* Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // Журнал Российского права. № 9 (201). С. 60–71; *Формакидов Д.А.* Вещное право: учеб. пособие / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Пермь, 2017. 228 с.
4. См. например: *Файзрахманов К. Р.* Правовые цели иска о признании права или обременения отсутствующим: опыт инструментального подхода // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 4(26). С. 159–165; *Микрюков В. А.* Признание обременения отсутствующим – самостоятельный способ защиты гражданских прав? // Хозяйство и право. 2012. № 11 (430). С. 8–13.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. ст. 3012.
6. Решение Арбитражного суда Пермского края от 03.05.2018 по делу № А50-3729/17. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/7442c0ca-da23-42b0-aada-30f929114c1f/d50cb159-e29e-4e8f-961d-e0a00d3b3662/A50-3729-2017_20180503_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 30.04.2021).

В ЧЕМ ОТЛИЧИЕ СМАРТ-КОНТРАКТА ОТ ДОГОВОРА УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ (ЭСКРОУ)?

Рассматривается вопрос об общих признаках и критериях дифференциации двух новых институтов российского гражданского законодательства – смарт-контракта и договора условного депонирования (эскроу). Установлено, что схожесть сопоставляемых конструкций заключается в их обеспечительном эффекте, а принципиальное отличие – в родовых признаках, месте в пандектной системе, наличии/отсутствии посредников, форме, объектах и т.д. Статья подготовлена в рамках научного проекта МК-481.2020.6 «Позитивация смарт-контракта как нового института обязательственного права Российской Федерации, стимулирующего контрагентов к безопасному экономическому сотрудничеству, в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики».

Ключевые слова: смарт-контракт, договор условного депонирования (эскроу), блокчейн, исполнение обязательств, цифровая экономика.

A. V. Zakharkina
Perm State University

WHAT IS THE DIFFERENCE BETWEEN A SMART CONTRACT AND AN ESCROW AGREEMENT?

The article deals with the issue of common features and criteria for differentiating two new institutions of Russian civil legislation – the smart contract and the escrow agreement. It is established that the similarity of the compared structures lies in their security effect, and the fundamental difference is in generic characteristics, place in the pandect system, presence/absence of intermediaries, form, objects, etc. The article was prepared within the framework of the scientific project МК-481.2020.6 "The positivization of the smart contract as a new institution of the law of obligations of the Russian Federation, which encourages counterparties to secure economic cooperation, in the context of the formation of the regulatory platform of the digital economy ecosystem".

Keywords: smart contract, escrow agreement, block chain, fulfillment of obligations, digital economy.

Цифровизация нормативной платформы экосистемы цифровой экономики предполагает как адаптацию существующих норм права к цифровым феноменам, так и принятие новых норм права, статуирующих неизвестные ранее отечественному правопорядку правовые институты. Как смарт-контракт, так и договор условного депонирования (эскроу) являются новеллами российского гражданского законодательства. Так, в результате принятия Федерального закона от 18 марта 2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вто-

рую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ статья 309 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)² пополнилась новой частью следующего содержания: «Условиями сделки может быть предусмотрено исполнение ее сторонами возникающих из нее обязательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного дополнительного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки». При этом, как мы видим, ни в части 2 статьи 309, ни в иных нормах ГК РФ термин «смарт-контракт» специально не фигурирует, что на первый взгляд может вызвать вопросы относительно его позитивации в целом. Однако анализ пояснительной записки к Проекту Федерального закона РФ «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации» наглядно демонстрирует, что, предлагая норму части 2 статьи 309 ГК РФ, разработчики законопроекта преследовали цель статуйровать институт смарт-контракта. По их мнению, «принятой нормы ч. 2 ст. 309 ГК РФ вполне достаточно для применения смарт-контрактов, никаких иных норм не требуется»³. Из новеллы части 2 статьи 309 ГК РФ следует, что законодатель гарантирует защиту тем общественным отношениям, которые возникли из сделки, совершенной путем применения информационных технологий.

Второй новеллой, сопоставляемой со смарт-контрактом в рамках данного научного исследования, является глава 47.1 ГК РФ⁴, нормативно закрепившая новую договорную конструкцию – договор условного депонирования (эскроу). Этот договор появился в ГК РФ в результате принятия Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵.

Сопоставляя сравниваемые конструкции, на первый план выходят формальные признаки, позволяющие дифференцировать смарт-контракт и договор эскроу. Во-первых, разница между этими конструкциями обнаруживается в родовых признаках. Так, очевидно, что смарт-контракт не является разновидностью гражданско-правового договора, а договор условного депонирования (эскроу), напротив, признан самостоятельной договорной конструкцией. Во-вторых, из предыдущего критерия главно вытекает следующий – а именно место в пандектной системе российского гражданского права. Так, если норма части 2 статьи 309 ГК РФ структурно расположена в первой части ГК РФ, в главе, посвященной «Исполнению обязательств», то правила о договоре условного депонирования (эскроу) содержатся во второй части ГК РФ, в самостоятельной главе 47.1.

Теперь перейдем к анализу не очевидных признаков, позволяющих говорить о нетождественности смарт-контракта и договора условного депонирования (эскроу).

Первое. Исходя из легальной дефиниции договора условного депонирования (эскроу), размещенной в пункте 1 статьи 926.1 ГК РФ, по договору условного депонирования (эскроу) депонент обязуется передать на депонирование эскроу-агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества (бенефициару), а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность этого имущества и передать его бенефициару при возникновении указанных в договоре оснований, конструкция этого договора непременно предполагает наличие посредника – им выступает эскроу-агент. Как известно, смарт-контракт, напротив, отличается отсутствием посредника в лице нотариусов, банков, юристов и проч.

Второе. В соответствии с пунктом 3 статьи 926.1 ГК РФ, объектом депонирования могут быть движимые вещи (включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы), безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги. Будучи максимально общей нормой, часть 2 статьи 309 ГК РФ не конкретизирует, что может быть объектом гражданско-правового обязательства, исполняющегося по модели смарт-контракта, то есть путем применения информационных технологий. Однако очевидно, что таким объектом могут быть только цифровые права, безналичные денежные средства или иное виртуальное имущество. В противном случае конструкция смарт-контракта и в особенности ее автоматизированный характер лишается всякого смысла. Если же смарт-контракт используется в отношениях, сопровождающихся реальной передачей материальных объектов окружающего мира, то в таком случае говорят, что обязательство исполняется **частично** путем применения информационных технологий.

Третье. Существенное отличие между сопоставляемыми конструкциями можно обнаружить в форме, в которой совершаются соответствующие сделки. Так, в абзаце 3 пункта 1 статьи 926.1 ГК РФ обращается внимание на то, что договор эскроу подлежит нотариальному удостоверению, за исключением случаев депонирования безналичных денежных средств и (или) бездокументарных ценных бумаг. Таким образом, договор условного депонирования (эскроу), во-первых, подразумевает письменную форму, а, во-вторых, эта форма, по общему правилу, должна быть еще и нотариальной. Смарт-контракт не характеризуется наличием устной или письменной формы его совершения. Поскольку порядок исполнения обязательства, опосредованного смарт-контрактом, запрограммирован, то презюмируется, что у такого обязательства электронная форма, которая, однако, позволяет воспроизвести на бумажном носителе в неизменном виде его конкретное содержание. При этом автоматизация обязательства, испол-

нение которого предусмотрено с использованием информационных технологий, не предполагает потребности в письменной форме договора.

Что же тогда общего между смарт-контрактом и договором условного депонирования (эскроу)? Ответ на данный вопрос прямо следует из буквального толкования норм, статуирующих смарт-контракт и договор условного депонирования (эскроу) соответственно. Так, из анализа части 2 статьи 309 ГК РФ следует условный характер соответствующего исполнения, что предопределено фразой «при наступлении определенных обстоятельств». В то же время в пункте 1 статьи 926.1 ГК РФ используется синонимичный оборот – «при возникновении указанных в договоре оснований». Таким образом, и при исполнении обязательства с использованием информационных технологий (смарт-контракта), и при исполнении договора условного депонирования (эскроу), присутствует так называемое нами обусловленное исполнение обязательства по модели статьи 327.1 ГК РФ. Однако это не единственный общий признак сопоставляемых конструкций.

Пожалуй, самым главным признаком, позволяющим говорить о схожести соответствующих конструкций, является обеспечительный характер соответствующих сделок. Так, в ситуации с использованием информационных технологий обеспечительность достигается путем устранения в соответствующих отношениях посредника: здесь недоверие контрагентов друг к другу компенсируется абсолютным доверием контрагентов к компьютерному коду, который безоговорочно исполнит обязательство в соответствии с запрограммированной последовательностью. Так, если кредитор получит товар в надлежащий срок, то должник получит оплату автоматически. Если же должник нарушит срок поставки товара, то кредитор автоматически получит определенную условиями сделки денежную сумму, представляющую убытки кредитора. Обеспечительный характер договор условного депонирования (эскроу) предопределен участием в этих отношениях эскроу-агента – лица, которому в силу профессиональных или иных качеств, доверяют как депонент, так и бенефициар.

Теперь дадим краткий обзор цивилистической литературы по вопросу соотношения смарт-контракта и договора условного депонирования (эскроу). В целом нам удалось найти меньше десяти научных публикаций, в которых замечена схожесть сопоставляемых конструкций. Так, Е. Д. Суворов отмечает, что схожесть смарт-контракта и условного депонирования заключается в «обеспечении возможности получения блага», однако разница между ними в том, что при условном депонировании получение блага обеспечивается третьим лицом, характеризующимся наличием собственной воли, а при использовании смарт-контракта – компьютерной программой, не имеющей воли⁶.

В статье О. С. Гринь, Е. С. Гринь и А. В. Соловьева обращается внимание на обеспечительную функцию смарт-контракта и договора условного депонирования (эскроу). Однако при этом дополнительно разъясняется, что указанные кон-

струкции, несмотря на явный обеспечительный эффект, нельзя квалифицировать в качестве способов обеспечения исполнения обязательств, поскольку в противном случае указанный феномен – обеспечительных сделок – подлежит неоправданному «размыванию»⁷.

В свою очередь Д. В. Федоров говорит о схожести смарт-контракта и договора условного депонирования (эскроу) в том смысле, что в первом случае исполнение доверено блокчейну, а во втором – агенту⁸. А. Я. Ахмедов замечает, что смарт-контракт объединяет в себе все преимущества договорной конструкции – условного депонирования (эскроу)⁹.

Таким образом, можно сделать общий вывод о необходимости разграничения новых правовых конструкций, обеспечивающих гарантированное исполнение обязательства, и не допускать их некорректного отождествления.

Литература

1. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон РФ от 18 марта 2019 № 34-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 18.03.2019).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 09.03.2021).
3. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона "О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон РФ от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 09.03.2021).
5. О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 26 июля 2017 г. № 212-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru> (дата опубликования: 26.07.2017).
6. *Суворов Е. Д.* К вопросу о месте цифровых технологий в рамках института исполнения обязательств // Закон. 2020. № 8. С. 111–124.
7. *Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В.* Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex russica. 2019. № 8. С. 51–62.
8. *Федоров Д. В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 30–74.
9. *Ахмедов А. Я.* К вопросу о признаках смарт-контракта как договорной конструкции // Право и цифровая экономика. 2020. № 2. С. 22–25.

А. О. Зырянов

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: С. Г. Воронцов

ПУБЛИЧНЫЙ СЕРВИТУТ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЧАСТНОМУ В СПОРАХ МЕЖДУ СОБСТВЕННИКАМИ НЕЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ В МКД И СОБСТВЕННИКАМИ СМЕЖНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Право собственников помещений в многоквартирном доме ограничивать доступ на придомовую территорию часто вступает в противоречие с интересами владельцев нежилых помещений в многоквартирном доме, чья хозяйственная деятельность зависит от доступа третьих лиц в их помещения. Применявшийся ранее способ защиты прав путем установления частного сервитута не отвечает интересам предпринимателей. На практике к спорным отношениям пытаются применить появившийся в земельном законодательстве институт публичного сервитута в интересах местного населения.

Ключевые слова: публичный сервитут, нужды местного населения, неограниченный круг лиц, собственники нежилых помещений.

A. O. Zyryanov

Student, Perm State University

Supervisor: S. G. Vorontsov

PUBLIC EASEMENT AS AN ALTERNATIVE TO PRIVATE EASEMENT IN DISPUTES BETWEEN OWNERS OF NON-RESIDENTIAL PREMISES IN AN APARTMENT BUILDING AND OWNERS OF ADJACENT LAND PLOTS

The right of owners of premises in a condominium to restrict access to their adjoining territory often conflicts with the interests of owners of non-residential premises in an apartment building, whose business activity depends on third-party access to their premises. The previously used method of protecting rights through the establishment of a private easement does not meet the interests of entrepreneurs. In practice, attempts are being made to apply the institution of public servitude, which appeared in land legislation in the interests of the local population, to disputable relations.

Keywords: public easement, the needs of the local population, an unlimited number of persons, owners of non-residential premises.

Обременение земельных участков в пользу неограниченного круга лиц было известно еще российскому дореволюционному праву. Так называемое право общего в чужом имуществе предполагало ограничение права собственности на землю в целях прохода и проезда неограниченного круга лиц¹. В связи с переходом страны к рыночной экономике в 1990-х годах снова возникла необходи-

мость в данном правовом институте. В частности, собственники помещений в многоквартирном жилом доме (далее – МКД) по решению общего собрания вправе определить порядок пользования придомовой территорией, принадлежащей им на праве долевой собственности, путем установки ограждений. Однако ограждения придомовых территорий по периметру кварталов на практике создают препятствия для свободного прохода и проезда собственникам жилых и нежилых помещений внутриквартальных МКД. Нарушаются интересы собственников нежилых помещений, так как располагающиеся в них коммерческие организации и индивидуальные предприниматели лишаются своих клиентов, ограничивается свобода предпринимательской деятельности. Классическим способом защиты нарушенного права в этом случае считается установление частного сервитута в соответствии со статьей 274 Гражданского кодекса РФ². Однако подтвержденная судебной практикой необходимость соблюдения досудебного порядка, а также требование об уплате регулярных платежей собственникам обремененного земельного участка умаляют эффективность данного способа защиты прав. Вместе с тем в 1998 году в российском законодательстве появляется институт публичного сервитута. Вопреки синонимичному названию, данный институт по мнению ряда исследователей носит скорее публичный, чем частноправовой характер³. Так, по мнению Иванова А. публичный сервитут является не сервитутом как таковым, а, скорее, особыми публичными обременениями, за плату установленными в пользу неопределенного круга лиц⁴. Установление публичного сервитута именно в пользу неопределенного круга лиц обусловлено юридическим фактом – принятием на уровне РФ, субъекта РФ или муниципального образования нормативно-правового акта об установлении публичного сервитута. В пользу этого утверждения говорит как отсутствие упоминания о нем в тексте Гражданского кодекса РФ, так и цель установления публичного сервитута – для обеспечения государственных, муниципальных нужд, а также нужд местного населения.

Как показывает судебная практика, собственники нежилых помещений в МКД, чьи права затронуты установкой ограждений на смежных земельных участках, обращаются в органы местного самоуправления с требованием установления именно публичных сервитутов на такие участки. Свои требования истцы основывают на норме подпункта 1 пункта 4 статьи 23 Земельного кодекса РФ, в соответствии с которым публичный сервитут может быть установлен для прохода или проезда через земельный участок⁵. Во исполнение пункта 2 статьи 23 ЗК РФ на территории определенного муниципального образования принимаются собственные правила установления публичных сервитутов, включая определение уполномоченных органов, например, в Перми действует Порядок установления публичных сервитутов в городе Перми, утвержденный решением Пермской городской Думы от 18 декабря 2012 г. № 284⁶. Однако имеются и исключения. Так,

в Санкт-Петербурге до сих пор отсутствует закон, определяющий орган государственной власти, уполномоченный устанавливать публичный сервитут. Ввиду этого пробела в правовом регулировании местными органами государственной власти принимаются правовые акты об установлении «зон прохода и проезда», сервитутом не признаваемые⁷.

Преимущества публичного сервитута перед частным состоят в его безвозмездности для собственников помещений в МКД, в пользу которых обременяется земельный участок. В соответствии с пунктом 13 статьи 23 ЗК РФ плата за пользование земельным участком взимается, только если такое пользование приводит к существенным затруднениям собственника земельного участка в пользовании собственным имуществом. Однако органы местного самоуправления чаще всего отказывают собственникам нежилых помещений в МКД в установлении публичного сервитута на смежном земельном участке, в связи с чем последние обращаются в арбитражные суды с требованием об оспаривании бездействия органа местного самоуправления. В отличие от процедуры установления частного сервитута, где истцу достаточно доказать факт отсутствия альтернативных путей подхода или проезда к его участку, заинтересованные в установлении публичного сервитута лица должны предоставить доказательства того, что данное обременение устанавливается в пользу неопределенного круга лиц. Вместе с тем легальное понятие «неопределенного круга лиц», в чью пользу устанавливается публичный сервитут, в законодательстве отсутствует. Также остается невыясненным объем понятия «нужды местного населения» из пункта 2 статьи 23 ЗК РФ, формально дающее собственникам нежилых помещений в МКД право требовать установления публичного сервитута для доступа потребителей к их помещениям. Эти два фактора вынуждают суды прибегать к судебному толкованию в столь важном вопросе. В актах арбитражных судов по обжалованию бездействия органов местного самоуправления в виде отказов в установлении публичного сервитута прослеживается узкий подход к толкованию понятия «нужды местного населения». Так, Арбитражный суд Новосибирской области, рассматривая дело по иску общества с ограниченной ответственностью к Мэрии города Новосибирска о признании незаконным отказа в установлении публичного сервитута, отказал обществу в удовлетворении требований, мотивировав решение тем, что оказание юридическими лицами услуг, пусть и неопределенному кругу лиц, нельзя признать в качестве деятельности в интересах населения. Несмотря на то, что арбитражный суд признал, что оказание услуг заявителем, а равно как и реализация им товаров были направлены на удовлетворение личных и семейных нужд граждан, был сделан вывод, что преследуемые заявителем коммерческие цели несовместимы с целями обременения земельных участков по смыслу пункта 2 статьи 23 ЗК РФ⁸. В свою очередь Арбитражный суд Уральского округа, рассматривая кассационную жалобу ТСЖ, желавшему оспорить от-

каз Администрации г. Перми в установлении публичного сервитута на смежный участок, указал, что требования ТСЖ не подлежат удовлетворению, поскольку установление публичного сервитута для прохода к встроенным в МКД нежилым помещениям невозможно по причине наличия частного интереса. Вместе с тем суд допустил возможность установления публичного сервитута в целях доступа граждан к государственным или муниципальным учреждениям⁹. Данный подход можно признать дискриминационным, так как непонятно, по какой причине потребность населения в государственных (муниципальных) услугах признается «нуждами местного населения», а потребность в услугах, направленных на личные, семейные нужды граждан – нет. В судебной практике имеются только редкие случаи, когда возможность доступа потребителей к нежилым помещениям в МКД признавалась «нуждами местного населения». Так, рассматривая дело о признании недействующим постановления главы города Екатеринбурга об установлении публичного сервитута на придомовую территорию МКД, Арбитражный суд Свердловской области пришел к выводу, что «необходимость функционирования торговых и обслуживающих предприятий, находящихся на смежных земельных участках» соответствует интересам местного населения, следовательно, публичный сервитут установлен законно¹⁰. Таким образом возможность установления публичного сервитута по инициативе собственников нежилых помещений значительно ограничена, пусть данные помещения и размещенные там организации пользуются большим спросом у населения. Необходимы четкие критерии, позволяющие выявить публичный интерес, а именно нужды местного населения, в том или ином споре. Альтернативу – установление публичного сервитута в интересах частного лица допустил Верховный суд РФ, однако круг таких частных лиц предельно узок: претендовать на установление публичного сервитута в частных интересах вправе только собственник линейного объекта в целях эксплуатации и ремонта линейного объекта, возведенного на чужом земельном участке¹¹.

Вместе с тем в судебной практике понятие «неопределенного круга лиц» уже разъяснено. В порядке судебного толкования в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 г. разъясняется, что «под неопределенным кругом лиц понимается такой круг лиц, который невозможно индивидуализировать (определить), привлечь в процесс в качестве истцов, указать в решении, а также решить вопрос о правах и обязанностях каждого из них при разрешении дела»¹². Полагается, что потребители, заинтересованные в доступе к торговым и обслуживающим организациям, отвечают всем признакам, выявленным Верховным судом РФ. Законодателю стоит обратить на это внимание и, по возможности, дать легальное определение «нуждам местного населения» в пункте 2 статьи 23 Земельного кодекса РФ, указав, что к таким нуждам относится, в частности, «удовлетворение потребностей населения в товарах и (или) услугах».

Литература

1. *Емелькина И. А.* Право прохода (проезда) к общественной дороге как ограничение права собственности в интересах соседа в российском и зарубежном праве // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2020. № 2. С. 92.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Завьялов А. А.* "Публичные" сервитуты // *Вестник Арбитражного суда Московского округа.* 2018. № 4. С. 48.
4. Земельный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Об утверждении Порядка установления публичных сервитутов в городе Перми и внесении изменений в Положение о департаменте градостроительства и архитектуры администрации города Перми: Решение Пермской городской Думы от 18.12.2012 № 284 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Иванов А., Бочаров М., Суханов Е., Завьялов А., Рыбалов А., Землякова Г., Поветкина Е., Церковников М., Жаркова О., Некрестьянов Д., Бевзенко Р.* Новая жизнь публичных сервитутов // *Закон.* 2018. № 10. С. 23.
7. *Краснова Т. С.* Зона прохода и проезда как сервитутный тип ограничения (обременения) права собственности на недвижимое имущество // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* 2016. № 10. С. 13.
8. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 12.12.2027 по делу № А45-15495/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/98ec355b-0aec-44a7-9cff-810b7fd36edb/c07a1534-9542-4e42-9048-f84e7b15a117/A45-15495-2017__20171212.pdf?isAddStamp=True.
9. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 04.07.2018 № Ф09-3404/18 по делу № А50-7657/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 05.04.2010 по делу № А60-3249/2010-С 5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок. утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за первый квартал 2004 года: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 и 30 июня 2004 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. А. Карин

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Е. В. Любимова

ПОНЯТИЕ НАЛОГОВОГО СПОРА И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ЕГО РАССМОТРЕНИЯ

На основе анализа действующего законодательства и научной литературы в статье освещены черты налоговых споров; отмечена вариативность форм защиты прав, возникающих в налоговых правоотношениях. Автором отмечены отличия, существующие между КАС РФ и АПК РФ, которые осложняют формирование единообразной судебной практики.

Ключевые слова: налоговый спор; налоги и сборы; арбитражный суд.

А. А. Karin

Student, Perm State University

Supervisor: E. V. Lubimova

THE CONCEPT OF A TAX DISPUTE AND THE PROCEDURAL PROCEDURE FOR ITS CONSIDERATION

Based on the analysis of the current legislation and scientific literature, the article highlights the features of tax disputes; the variability of forms of protection of the rights arising in tax legal relations is noted. The author notes the differences that exist between the CAS of the Russian Federation and the Agroindustrial Complex of the Russian Federation, which complicate the formation of uniform judicial practice.

Keywords: tax dispute; taxes and fees; arbitration court.

Российское законодательство о налогах и сборах отличается особой динамичностью, законодателем постоянно предпринимаются попытки совершенствования правовых механизмов регулирования налоговых правоотношений и исключения коллизий, возникающих при толковании и реализации соответствующих правовых норм. Однако налоговые споры все еще остаются неотъемлемой частью современной правовой культуры.

Конфликтность налоговых правоотношений, по мнению М. В. Карасевой, проистекает из лежащего в их основе противоречия между интересом частного субъекта к самостоятельному распоряжению своей собственностью, с одной стороны, и объективной необходимостью отчуждения таковой на «общие нужды», с другой¹. Желанию налогоплательщика к минимизации налоговой нагрузки и оптимизации всевозможных льгот, противостоит стремление уполномоченного органа к пресечению незаконного ухода от предписанной законом обязанности

по уплате налогов, возвращению преступно удержанных средств в бюджетную систему Российской Федерации.

В законодательстве отсутствует четкое определение термина «налоговый спор», что способствует формированию в правовой доктрине различных подходов идентификации указанного понятия.

В частности, по мнению С. М. Мироновой, под налоговым спором необходимо понимать налогово-правовое отношение, отражающее противоречие интересов государства и налогоплательщиков, иных участников налоговых правоотношений по поводу применения норм налогового права, разрешаемого уполномоченным юрисдикционным органом или по согласованию сторон².

В свою очередь, Д. А. Шинкарук указывает, что налоговый спор – это разногласие, возникающее на основе специфических юридических фактов между налогоплательщиком и уполномоченным государственным органом по поводу рассмотрения законности ненормативного правового акта, решения или действия (бездействия) последнего³.

Несмотря на имеющиеся различия в содержании, все вышеназванные дефиниции содержат ряд принципиальных черт налогового спора, выделяющих последний из сферы иных, подобных конфликтов, возникающих в правовой сфере. К числу таких специфических характеристик налогового спора, безусловно, относится и публично-правовой характер рассматриваемого правового разногласия, обусловленный его субъектным составом.

Как отмечается, судебный порядок защиты является универсальным средством восстановления нарушенных прав и свобод, поэтому рассмотрение налоговых споров производится как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции. Между тем, процессуальные аспекты разрешения в судах дел, вытекающих из налоговых правоотношений, в последние годы претерпели существенные изменения.

Начать необходимо с того, что ранее большая часть судебных дел, которые гипотетически можно было отнести к числу публично-правовых, рассматривалась судами общей юрисдикции в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. С принятием Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) на законодательном уровне произошло закрепление порядка осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом Российской Федерации, судами общей юрисдикции соответствующих административных дел. Вместе с тем, согласно пункту 4 статьи 1 КАС РФ, не подлежат рассмотрению в порядке, установленном Кодексом, дела, возникающие из публичных правоотношений, отнесенные федеральным законом к компетенции арбитражных судов⁴.

В свою очередь, статьей 29 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) предусмотрено, что арбитражные суды рассматривают дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением организациями и гражданами предпринимательской и иной экономической деятельности в порядке административного судопроизводства, однако правила КАС РФ на этот порядок законодатель не распространяет⁵. Изложенное указывает на то, что в настоящее время у арбитражных судов существуют свои правила рассмотрения налоговых споров, предусмотренные АПК РФ, а у судов общей юрисдикции – свои, установленные КАС РФ.

В силу своей родовой принадлежности к делам, возникающим из административных и иных публичных отношений, налоговые споры обладают характерными для них особенностями. В частности, исходя из положений части 1 статьи 189 АПК РФ налоговые споры в арбитражных судах рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, предусмотренными для дел, возникающих из административных и иных публичных отношений.

Рассмотрение налоговых споров по КАС РФ, в том числе в рамках приказного производства, обладает рядом отличий при сопоставлении аналогичной категории дел, рассматриваемой арбитражными судами. В частности, КАС предусматривает такое процессуальное действие как исключение доказательства из дела по мотиву его недопустимости (ст. 61 КАС РФ). В свою очередь АПК РФ не сдержит такое процессуальное действие, поэтому оценка допустимости доказательства осуществляется судом в момент вынесения решения по делу. В качестве другого примера можно привести такое основание освобождения от доказывания как отсутствие прямых возражений второй стороны спора (ч. 3.1. ст. 70 АПК РФ); подобный способ признания обстоятельств отсутствует в КАС РФ. Принятие КАС РФ существенно осложнило унификацию в сфере цивилистического процесса, что в свою очередь затрудняет формирование единообразной судебной практики.

Необходимо также отметить, что на налоговые споры распространяет свое действие и общее правило, регламентирующее снижение процессуальной нагрузки на слабую сторону – налогоплательщика, и соответственно увеличение ее применительно к сильной стороне – уполномоченному государственному органу.

Кроме того, налоговые споры, как и другие возникающие из публичных правоотношений, могут быть разрешены сторонами путем использования примирительных процедур, в соответствии с правилами, установленными в главе 15 АПК РФ. Между тем, представляется невозможным включение в предмет соглашения сторон по результатам таких процедур изменение налоговых последствий спорных действий в сравнении с тем, как такие последствия определены законом⁶.

Следует упомянуть, что в зависимости от обстоятельств конкретного разногласия к требованиям заявителя могут быть применены нормы сразу нескольких глав раздела III АПК РФ, к примеру, при обращении за защитой своих прав на возмещение налога на добавленную стоимость, налогоплательщиком может быть заявлено как требование неимущественного характера – об оспаривании решения налогового органа, так и требование имущественного характера – о возмещении НДС. При этом первое требование принимается к производству и рассматривается судом в соответствии с положениями главы 24 АПК РФ, а второе – по правилам искового производства с учетом положений главы 22 АПК РФ⁷.

Таким образом, особая содержательная сложность дел, проистекающих из налоговых правоотношений, в арбитражном процессе усугубляется осуществлением одним из участников спора предпринимательской и иной экономической деятельности, предполагающей ведение строгой и объемной налоговой отчетности. Закономерным образом указанное обстоятельство породило в научном сообществе множество споров относительно возможных способов разгрузки судебной системы, в большей степени арбитражных судов, путем создания эффективного способа досудебного урегулирования налоговых споров. Невозможно не согласиться с выводами о необходимости снижения нагрузки судов, между тем, повышение качества работы самих налоговых органов, а также улучшение процессуальной формы разрешения налоговых споров кажутся наиболее предпочтительными способами разрешения указанной проблемы.

Литература

1. *Карасева М. В.* Бюджетное и налоговое право России (политический аспект). М.: Юристъ, 2003. С. 32.
2. *Миронова С. М.* Механизм разрешения налоговых споров в Российской Федерации: Финансово-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 9.
3. *Шинкарьюк Д. А.* Досудебное урегулирование налоговых споров: финансово-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 7.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N21-ФЗ // Российская газета, N49, 11.03.2015.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N95-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации, 2002, N30, ст. 3012.
6. *Илюшина М. Н.* Актуальные вопросы нотариального сопровождения медиативного соглашения // Гражданское право. 2020. N3. С. 37.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 18.12.2007 N65 «О некоторых процессуальных вопросах, возникающих при рассмотрении арбитражными судами заявлений налогоплательщиков, связанных с защитой права на возмещение налога на добавленную стоимость по операциям, облагаемым названным налогом по ставке 0 процентов» // Вестник ВАС РФ, N 2, февраль, 2008.

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ

Анализируются характерные черты обеспечительных мер по корпоративным спорам, обусловленные спецификой самих корпоративных споров и отличающие их от обеспечительных мер арбитражного суда, принимаемых по другим категориям дел. Понимание специфики обеспечительных мер по корпоративным спорам имеет важное практическое значение для правильного выбора испрашиваемой обеспечительной меры и для обоснования необходимости принятия той или иной обеспечительной меры в делах по корпоративным спорам.

Ключевые слова: обеспечительные меры, арбитражный процесс, корпоративные споры.

E. D. Kasaeva

Student, Perm State University

Supervisor: D. A. Fedyayev

THE FEATURES OF INTERIM MEASURES IN CORPORATE DISPUTES

The article is dedicated to the features of interim measures in corporate disputes which are determined by the specific nature of the corporate disputes. These features distinguish them from the interim measures which can be ordered by the arbitral court in other categories of cases. Understanding the specific nature of interim measures in corporate disputes has important practical meaning for the right choice of an interim measure and for argumentation of the necessity of it to the arbitral court in cases which include corporate disputes.

Keywords: interim measures, arbitration procedure, corporate disputes.

Особенности корпоративных споров в значительной мере предопределяют специфику обеспечительных мер, которые принимаются по данной категории арбитражных дел. Общий анализ закрепленного в части 3 статьи 225.6 АПК РФ¹ примерного перечня обеспечительных мер, которые могут приниматься по корпоративным спорам, позволяет сделать вывод, что обеспечительные меры по данной категории дел всегда так или иначе связаны с ограничением определенных действий со стороны юридического лица, в котором возник соответствующий корпоративный спор. Такие ограничения необходимы для того, чтобы предотвратить дальнейшие нарушения, в случае которых восстановить первоначальное положение будет более сложно, нежели в случае установления соответ-

ствующих ограничений. Данная особенность вытекает из сущности корпоративных споров, которые всегда прямым или косвенным образом связаны с корпоративными отношениями.

Следовательно, и обеспечительные меры, которые принимаются по данной категории дел, также должны отражать указанную тесную связь с корпоративными отношениями, поскольку только такие меры будут относиться к делу и действительно способствовать достижению целей их принятия, то есть обеспечению исполнимости судебного акта и предотвращению причинения существенного имущественного ущерба заявителю.

С проанализированной особенностью обеспечительных мер по корпоративным спорам также связана следующая их отличительная черта, которая, как представляется, в значительной степени характеризует их специфику.

В соответствии с пунктом 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 «О применении арбитражными судами обеспечительных мер»², в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю обеспечительные меры могут быть направлены на сохранение существующего состояния отношений (*status quo*) между сторонами.

На указанное разъяснение практически всегда ссылаются арбитражные суды при обосновании вывода о необходимости принятия обеспечительных мер по тому или иному корпоративному спору, что подтверждается многочисленной судебной практикой³.

Именно цель сохранения существующего состояния отношений является в наибольшей степени характерной для обеспечительных мер по корпоративным спорам, поскольку в случае возникновения корпоративного конфликта первоочередной задачей в ходе разрешения спора является недопущение дальнейшего усугубления конфликта, усложнения уже имеющихся проблемных правоотношений, поскольку в таком случае восстановление сторон спора в первоначальное положение будет в еще большей степени затруднено.

Еще одна важная особенность обеспечительных мер по корпоративным спорам, обращающая на себя внимание, заключается в специфике оснований и условий их применения.

В соответствии с частью 1 статьи 225.6 АПК РФ, принятие обеспечительных мер не должно приводить к фактической невозможности или к существенному затруднению осуществления юридическим лицом своей деятельности, а также к нарушению им законодательства РФ. Данная особенность имеет крайне важное значение, поскольку именно с ней связано большинство практических проблем принятия обеспечительных мер по корпоративным спорам.

Изложенное означает, что при разрешении судом ходатайства о принятии обеспечительных мер по данной категории дел необходимо устанавливать, не приведет ли удовлетворение указанного ходатайства к тому, что юридическое

лицо, в котором возник корпоративный спор, фактически утратит возможность или будет существенным образом затруднено в осуществлении своей деятельности, либо будет вынуждено нарушить законодательство РФ⁴.

Примером ситуации, когда принятие обеспечительных мер способно привести к нарушению юридическим лицом законодательства РФ, могут служить случаи, когда принимается обеспечительная мера в виде запрета юридическому лицу принимать или исполнять какие-либо решения, и в результате такое юридическое лицо утрачивает возможность исполнить какую-либо возложенную на него законом обязанность, для которой требуется принять и (или исполнить) определенное решение. В качестве примера можно привести невозможность принятия юридическим лицом решения об обращении в арбитражный суд с заявлением о банкротстве, при наличии у юридического лица признаков банкротства, порождающих его обязанность в силу закона обратиться в арбитражный суд с соответствующим заявлением.

Таким образом, обеспечительные меры по корпоративным спорам не должны препятствовать законной деятельности юридического лица, лишая его возможности полноценно функционировать. Данный вывод следует и из разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров», в котором, в частности, указывается, что суд не может принимать обеспечительные меры, фактически означающие запрет на проведение общего собрания акционеров⁵.

Приведенные разъяснения были сформулированы Пленумом ВАС РФ почти двадцать лет назад, но и по сей день сохраняют свою актуальность применительно к обеспечительным мерам, связанным не только с запретом проводить общие собрания акционеров, но и с другими запретами в отношении юридического лица, внутри которого возник корпоративный спор.

Исходя из приведенных разъяснений, можно сделать вывод, что в случаях, когда принимается обеспечительная мера в виде запрета юридическому лицу принимать или исполнять какие-либо решения, судом должно быть максимально четким образом конкретизировано, по каким именно вопросам юридическое лицо в период действия указанной обеспечительной меры не вправе принимать и (или) исполнять решения. Следовательно, обеспечительные меры, принимаемые арбитражными судами по корпоративным спорам, должны быть максимально четко конкретизированы и не должны устанавливать абстрактных запретов общего характера.

Так, например, в отношении такой обеспечительной меры, предложенной заявителем по одному из дел, как запрет отдельным акционерам голосовать на общих собраниях акционеров, Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в

своем постановлении отмечает, что результатом принятия такой меры может стать фактическое блокирование принятия решений общим собранием ввиду отсутствия кворума, что приведет к нарушению прав других акционеров и акционерного общества в целом. Следовательно, как отметил суд, указанная обеспечительная мера оказывает непосредственное воздействие на операционную деятельность общества, и ее принятие может привести к существенному затруднению осуществления им своей экономической деятельности. Суд также обратил внимание на то, что по смыслу норм АПК РФ, арбитражный суд вправе запретить принимать решения по отдельным вопросам, включенным в повестку дня, только общему собранию акционеров в целом, а не отдельным акционерам⁶.

Таким образом, при принятии обеспечительных мер по корпоративным спорам необходимо во всех случаях руководствоваться тем, что целью принятия обеспечительных мер является не воспрепятствование законной деятельности юридического лица, а лишь установление разумных и соразмерных заявленным требованиям ограничений, напрямую связанных с соответствующим корпоративным спором.

Подводя итог, можно сделать вывод, что обеспечительные меры по корпоративным спорам занимают особое место в системе обеспечительных мер арбитражного суда, что обусловлено спецификой самих корпоративных споров и выражается в наличии у обеспечительных мер, принимаемых по данной категории дел, таких особенностей, как наличие тесной связи с ограничением определенных действий со стороны юридического лица, в котором возник соответствующий корпоративный спор; направленность на сохранение существующего состояния отношений в целях недопущения усугубления корпоративного конфликта; недопустимость принятия таких обеспечительных мер, которые приводят к фактической невозможности или к существенному затруднению осуществления юридическим лицом своей деятельности, а также к нарушению им законодательства РФ.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. О применении арбитражными судами обеспечительных мер: постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 55 (ред. от 27.06.2017) // Вестник ВАС РФ. 2006. № 12.
3. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 мая 2020 г. по делу № А50-36966/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CPFT0PbZY4rv/> (дата обращения: 10.05.2021).
4. *Зайченко Е. В.* Обеспечительные меры в корпоративных спорах: шанс есть? // Закон. 2012. № 12. С. 80–89.
5. О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров: постановление Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 № 11 // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.
6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 января 2020 г. по делу № А50-32879/2019. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ISVZrsfD3hde/> (дата обращения: 10.05.2021).

ПРОБЛЕМЫ ЗАМЕЩЕНИЯ АКТИВОВ ДОЛЖНИКА ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Рассматривается понятие замещения активов должника. При применении данной меры восстановления платёжеспособности должника могут возникнуть проблемы. Также, помимо самих проблем, рассмотрены варианты их решения и мнения учёных правоведов на их счёт.

Ключевые слова: замещение активов должника, банкротство, восстановление платёжеспособности во внешнее управление и конкурсном производстве.

S. I. Kashin
Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Lubimova

PROBLEMS OF REPLACING THE DEBTOR'S ASSETS IN BANKRUPTCY

This article discusses the concept of replacement of the debtor's assets. When applying this measure to restore the debtor's solvency, problems may arise. Also, in addition to the problems themselves, the options for solving them and the opinions of legal scholars on them are considered.

Keywords: replacement of the debtor's assets, bankruptcy, restoration of solvency in external management and bankruptcy proceedings.

Замещение активов должника – мера, которая применяется в делах о банкротстве должника, которая направлена на то, чтобы восстановить его платёжеспособность, а именно, для того, чтобы он мог рассчитаться со своими кредиторами. Она реализуется следующим образом: из имущества должника формируются одно и более акционерных обществ, акции которых будут выставлены на торги и проданы, а вырученный деньги должны покрыть требования кредиторов должника, происходит некое накопление денежных средств.

Данная мера является одним из способов сохранения бизнеса, но по определённым причинам, данная процедура проводится достаточно редко. Одной из них является отсутствие правоприменительной практики.

Из всех процедур, которые применяются в делах о банкротстве, нас интересует конкурсное производство и внешнее управление, так как именно на этих стадиях возможно осуществить замещение активов должника.

Как уже было сказано выше, суть этой процедуры состоит в том, что проводятся определённые действия, результатом которых является создание из имущества должника одного и более АО, но есть один важный момент, который заключается в том, что учредителем этих вновь созданных акционерных обществ может являться только должник, то есть, закон прямо запрещает быть соучредителями третьим лицам или же вовсе, быть учредителем, вместо должника, таких акционерных обществ¹.

Для того, чтобы произвести замещение активов должника, необходимо соблюсти условия, которые указаны в Федеральном законе о банкротстве. Одним из таких условий является единогласное решение, на эту меру общего собрания кредиторов, что характерно в рамках конкурсного производства. Немного по-другому дела обстоят на стадии внешнего управления. Для проведения замещения активов должника нужно не только единогласное решение общего собрания, но и согласие на это решения органа управления должника, что является первоначальным, так как именно он включает в план внешнего управления данную меру.

В этом состоит одно из главных отличий при проведении данной меры по восстановлению платёжеспособности, так как в конкурсном производстве таких полномочий нет, как во внешнем управлении.

Размер уставного капитала одного или нескольких АО, которые будут созданы в процессе замещения активов должника, устанавливается общим собранием кредиторов. Для решения этого вопроса приглашается независимый оценщик, который на основе проведённых работ называет кредиторам рыночную стоимость имущества должника. Исходя из этой информации, общее собрание кредиторов утверждает размер уставного капитала эквивалентно рыночной стоимости имущества должника.

Взгляды некоторых учёных, в области права, по проведению замещения активов должника расходятся.

Так, например, с одной стороны, выступает М. В. Косырев. Он считает, что было опрометчиво во внешнем управлении наделять орган управления должника такими полномочиями, так как это может принести существенный вред интересам кредиторов, а именно то, что они могут не в полном объёме получить средства от должника, в удовлетворении своих требований, так как данный орган может не внести данную меру в план внешнего управления, это, по его мнению, ущемляет права кредиторов.

С другой стороны, есть мнение такого учёного в области права, как И. А. Забуга. Данный деятель считает, что в закон нужно внести изменения, касающиеся условий для проведения замещения активов должника, так как одним из субъектов этой меры выступает должник, а его интересы не учитываются. Он предлагает добавить условие о том, что нужно получить согласие должника для

осуществления этой процедуры, так как оно позволит не допустить причинение ему имущественного вреда, а также не даст захватить контроль над его имуществом со стороны кредиторов².

Решения общего собрания кредиторов достаточно проблематично признать недействительными, особенно, когда такие решения принимаются единогласно. В судебной практике есть множество случаев, когда Федеральная налоговая служба (далее – ФНС) пытается признать такие решения недействительными, однако суд, в большинстве случаев, принимает сторону кредиторов и оставляет поданные жалобы на решение общего собрания без удовлетворения.

Так, например, в Постановлении от 15 октября 2018 г. по делу № А55-29378/2015, ФНС России, в лице представителя – Пыркова М. А., пыталось признать недействительным решения собрания кредиторов. В данном деле, ФНС ссылалась, по большей части на то, что у него есть сомнения насчёт наличия целесообразности в применении такой меры, как замещение активов должника. Также он упомянул, что отсутствуют доказательства того, что в случае продажи уставного капитала в АО, кредиторы получают полную сумму своих требований и добавил, что с экономической точки зрения будет лучше, если бы имущество должника не составляло материальную базу созданного АО, а было продано на торгах. Он пояснил, что создание АО повлечёт дополнительные расходы, о которых кредитор могут не знать, например, государственные пошлины, и затянет конкурсное производство. Однако, суд оставил апелляционную жалобу ФНС России без удовлетворения, так как нарушений при проведении замещения активов должника не было, по вопросам повестки дня все решения были приняты единогласно, а также, конкурсный управляющий дал своё согласие.

После того, как на основе имущества должника было создано одно и более АО, начинается процесс реализации акций, то есть, их продажа.

Площадки, на которых могут размещаться акции могут быть разными, в зависимости от процедур. Во внешнем управлении, акции могут продаваться на организованном рынке ценных бумаг и или на открытых торгах. В конкурсном производстве, они могут продаваться только на открытых торгах, так как иное в Федеральном законе о банкротстве не предусмотрено.

Начальная цена акций, порядок и условия проведения торгов определяется кредиторами на общем собрании. В расчёт берётся отчёт независимого оценщика, приглашаемого управляющим, о рыночной стоимости имущества.

В законодательстве не до конца урегулирована продажа акций. Так, в статьях 110, 115, 141 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» есть путаница. Две последние относятся к замещению активов должника, и статья 141 говорит о том, что при применении данной меры восстановления платёжеспособности должника в конкурсном производстве применяются положения ст.аьти 15, которые не должны противоречить этой стадии. В свою очередь, статья 115 говорит о

том, что если было создано одно АО, то его уставный капитал должен состоять из имущества самого предприятия, перенаправляя нас на ст. 110, в которой сказано, что реализация предприятия возможна при условии, что это будет указано в плане внешнего управления. Следовательно, акции размещаются единым лотом, хоть законом и не запрещено дробление на несколько лотов, но подразумевается продажа сразу 100 % акций³.

Исходя из вышесказанного можно прийти к выводу, что решения собрания кредиторов и решение уполномоченного органа по управлению имуществом должника являются решающим при принятии решения о замещении активов должника путём создания акционерного общества и, как следует из практики, оспорить принятые ими решения по имуществу должника – непростая задача, для этого нужно больше оснований. в большинстве судебных актов, которые были изучены в рамках данного вопроса, не было удовлетворения жалоб ФНС, которые ссылались только на отсутствие экономической целесообразности в решении общего собрания кредиторов. К тому же, есть проблема понимания Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в том плане, что не указаны прямо вариации продажи акций акционерного общества, нужно внести изменения и указать этот момент.

Также, есть проблема того, что в ФЗ “О несостоятельности (банкротстве)” действует устаревшее название акционерных обществ, а именно – открытые (ОАО) и закрытые (ЗАО), в то время как в ГК РФ были введены изменения наименования таких обществ на публичное (ПАО) и просто акционерное общество (АО). Также, некоторые общества так и не произвели замену своего наименования. Решение данной проблемы достаточно простое – ввести изменения в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”, а также обязать организации сменить наименования, если они этого не сделали.

Литература

1. *Ловкина А.* Процедура замещения активов должника // Правовая газета «Статус» № 3 (56) 2017 С. 8-9.
2. *Плугина А. В.* Замещение активов должника как мера оздоровления должника-юридического лица / А. В. Плугина // Форум молодых ученых. 2019. № 5(33). С. 1022–1025.
3. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26 окт. 2002 г. № 127-ФЗ (последняя редакция).

НОВЕЛЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В марте 2021 года Пленум Верховного Суда РФ принял постановление, обобщающее возникающие у судов вопросы, связанные с применением антимонопольного законодательства. Данный документ пришел на смену Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30, принятому более 10 лет назад, за которые антимонопольное законодательство успело существенно модернизироваться, а регулируемые им правоотношения – существенно измениться.

Ключевые слова: конкуренция, судебная практика, антимонопольное регулирование.

A. V. Kostyuk

Graduate student, Perm State University

Supervisor: E. V. Aristov

NOVELTIES OF USE BY COURTS OF CERTAIN RULES OF THE ANTIMONOPOLY LEGISLATION

In March 2021, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adopted a resolution summarizing the issues arising from the courts related to the application of antimonopoly legislation. This document replaced the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 30.06.2008 No. 30, adopted more than 10 years ago, during which the antimonopoly legislation has managed to significantly modernize, and the legal relations regulated by it have significantly changed.

Keywords: competition, judicial practice, antitrust regulation.

В марте 2021 года Верховный Суд Российской Федерации принял Постановление Пленума от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства»¹ (далее также – Постановление). Данный документ пришел на смену одноименному Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30² (далее также – Постановление Пленума № 30) принятому более десяти лет назад, в течение которых антимонопольное законодательство дополнилось третьим и четвертым антимонопольными пакетами, уточнилась сфера действия Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»³ (далее также – Закон о защите конкуренции), полномочия антимонопольных органов скорректировались и дополнились.

Общие положения Постановления Пленума № 2 посвящены детальному толкованию природы антимонопольного законодательства, его состава, источников и положения в системе законодательства Российской Федерации.

Если Постановление Пленума № 30 ограничивалось указанием на то, что Закон о защите конкуренции регулирует гражданско-правовые отношения, то в Постановлении Пленума № 2 обращается внимание на проблемы отграничения положений специальных законов, регулирующих отдельные общественные отношения и содержащихся в них норм, касающихся антимонопольных требований, от антимонопольного законодательства.

В этой связи видится правовая неопределенность относительно компетенции антимонопольных органов по контролю за соблюдением отдельных положений специальных законов, касающихся антимонопольных требований в регулируемой ими сфере деятельности. Либо же Верховным Судом РФ дано указание антимонопольным органам на необходимость оценки правоотношений, регулируемых специальными законами, содержащими антимонопольные требования, через призму Закона о защите конкуренции и направленности норм специальных законов нормы на защиту конкуренции на товарных рынках, в том числе на предупреждение и пресечение монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

В Постановлении Пленума № 2 более детально проанализированы вопросы распространения сферы применения антимонопольного законодательства на организации, осуществляющие некоммерческую деятельность, которая предполагает или не предполагает извлечение выгоды. В частности, деятельность благотворительных организаций полностью выведена из сферы применения Закона о защите конкуренции, поскольку их деятельность не связана с обращением товаров на рынке.

При этом, на деятельность профессиональных союзов участников рынка, которая хоть и не связана с обращением товаров на рынке и не направлена на получение выгоды, может распространяться сфера применения Закона о защите конкуренции, поскольку деятельность таких организаций может оказать влияние на общие условия обращения товаров на определенном рынке.

Пункт 11 Постановления Пленума № 2 посвящен одному из проблемных процессуальных вопросов при применении судами Закона о защите конкуренции – распределению бремени доказывания наличия доминирующего положения между антимонопольным органом и самим доминирующим субъектом, при рассмотрении дел, связанных с применением ст. 10 Закона о защите конкуренции.

С одной стороны, бремя доказывания соблюдения антимонопольных запретов может быть полностью возложено на доминирующего субъекта (так называемая «презумпция злоупотребления»). Такой подход был бы однозначно несправедлив по отношению к доминирующим субъектам и повлек бы для них избыточную административную нагрузку, при учете того, что само по себе нахо-

ждение хозяйствующего субъекта в доминирующем положении не запрещено нормами антимонопольного законодательства, при учете соблюдения им антимонопольных запретов.

Обратный же подход, при котором бремя доказывания полностью возлагается на антимонопольный орган, мог развязать руки доминирующим субъектам, поскольку, учитывая ограниченные ресурсы, всю доказательную базу и обоснование пришлось бы собирать исключительно антимонопольному органу.

В Постановлении Пленума № 2 данная проблема не нашла своего окончательного решения, а Верховный Суд РФ принял сбалансированную позицию, однако, по нашему мнению, с большим уклоном в сторону возложения обязанности доказывания на антимонопольный орган. При этом, Верховным Судом РФ обращено внимание на право доказывания доминирующему субъекту обстоятельств, что его деятельность и поведение не образует злоупотребления доминирующим положением.

В части злободневной на сегодняшний день темы поддержания доминирующими субъектами монополю высокой цены на товары (п. 1 ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции), в пункте 17 Постановления Пленума № 2 указано, что квалифицировать цену в качестве монополю высокой необходимо в случае, если она превышает стоимость товара, обеспечивающую возмещение необходимых расходов и получение разумной прибыли, и цену, которая сформировалась на сопоставимых конкурентных товарных рынках.

Необходимо понимать, что как правило, данная оценка первоначально проводится антимонопольным органом при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства. И если определить размер расходов, возмещаемых в цене товара и сопоставить цену на иных товарных рынках, антимонопольный орган вправе, то по вопросу установления разумного размера прибыли практика, как антимонопольная, так и судебная, может уйти в совершенно неожиданные крайности, при отсутствии каких-либо критериев разумности. То, что будет признано неразумным при рассмотрении дела антимонопольным органом, может быть иначе квалифицировано в арбитражном суде.

Полагаем, по указанной категории споров, судебной практике потребуется достаточно длительный период для приведения в единообразие.

Отдельное внимание в пунктах 33–36 Постановления Пленума № 2 уделяется антимонопольному контролю актов, принятых органами власти при осуществлении ими властных полномочий.

Важным уточнением, на наш взгляд, является указание на то, что в соответствии со статьями 15 и 16 Закона о защите конкуренции, контролю подлежат нормативные и индивидуальные правовые акты, иные решения публичных образований, их действия (бездействие), соглашения и (или) согласованные действия, способные влиять на конкуренцию на товарных рынках.

Одновременно с этим при контроле за деятельностью государственных (муниципальных) учреждений, необходимо ограничивать их деятельность, связанную с выполнением функций органа публичной власти от иной коммерческой и некоммерческой деятельности. Во втором случае, ограничивающие конкуренцию действия государственных учреждений и государственных (муниципальных) унитарных предприятий необходимо рассматривать на предмет соответствия, в частности, положениям статей 10, 11, 17 и 17.1, иных законодательных актов.

В результате данных разъяснений, административная и судебная практика могут существенным образом измениться, не в пользу публичных образований и их должностных лиц.

Во-первых, при выявлении нарушений статей 11, 17, 17.1 Закона о защите конкуренции, антимонопольный орган не обязан выдавать предупреждение (ст. 39.1 Закона о защите конкуренции) с целью дачи возможности подконтрольному субъекту самостоятельно устранить выявленное нарушение без применения к нему мер воздействия.

Во-вторых, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, за нарушения указанных норм антимонопольного законодательства, предусматривают куда большие санкции для должностных лиц.

Однако при этом, по нашему мнению, Верховный Суд РФ допустил ощутимое послабление в антимонопольном контроле публичных органов власти указав, что антимонопольные органы не вправе оспаривать обоснованность (целесообразность) принятия соответствующих правовых актов, совершения действий (бездействия) органами публичной власти в пределах предмета их ведения. В этой связи антимонопольные органы не вправе, при оценке актов органов публичной власти, оценивать их на предмет наличия более благоприятных для развития конкурентных отношений способов правового регулирования в соответствующей сфере и указывать на необходимость их применения.

В настоящей статье приведены лишь некоторые новеллы применения судами антимонопольного законодательства. Рассматриваемое Постановление Пленума № 2 затрагивает также и иные важные правовые позиции, связанные с вопросами создания картелей, антимонопольными требованиями к торгам и вопросами полномочий антимонопольных органов и в этой связи рекомендуется нами к обязательному изучению и анализу специалистами, осуществляющими деятельность в регулируемых антимонопольным законодательством сферах.

Литература

1. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 // Верховный Суд Российской Федерации. URL: <https://vsrf.ru/documents>.
2. О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства: постановление Пленума ВАС РФ от 30.06.2008 № 30 // Вестник ВАС РФ, № 8, август, 2008.
3. О защите конкуренции: Федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Российская газета, № 162, 27.07.2006.

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

На основе анализа действующего материального и процессуального законодательства, доктрины, судебной практики в статье рассматривается вопрос о предпосылках ответственности Российской Федерации: публично-правовые образования как субъекты гражданского права, процессуальная правоспособность публично-правового образования. Дается обзор некоторых современных подходов к определению гражданско-правового статуса публично-правового образования. Делаются выводы о необходимости признания за публично-правовыми образованиями статуса субъекта гражданского права, о правовой неопределенности в определении процессуальной правоспособности публично-правовых образований.

Ключевые слова: публично-правовое образование, государство, субъект гражданского права, процессуальная правоспособность.

N. N. Mamedova

Student, Higher School of Economics – Perm

Supervisor: O. S. Erakhtina

LEGAL PREREQUISITES FOR CIVIL LIABILITY OF PUBLIC LAW FORMATION

Based on the analysis of the current substantive and procedural legislation, doctrine, judicial practice, the article examines the prerequisites for the responsibility of the Russian Federation: public law formations as subjects of civil law, procedural legal capacity of public law formation. An overview of some modern approaches to determining the civil law status of public law education is formation. Conclusions are made about the need to recognize the status of a subject of civil law for public law formations, about legal uncertainty in determining the procedural legal capacity of public law formations.

Keywords: public law formation, state, subject of civil law, legal capacity.

Законодательное закрепление деликтной ответственности публично-правового образования прошло долгий путь от отрицания возможности такой ответственности, основанной на принципе суверенного иммунитета государства, от признания исключительно личной ответственности должностного лица до признания субъектом ответственности самого публично-правового образования и возмещения вреда за счет средств его казны.

Правовой предпосылкой гражданско-правовой ответственности публично-правовых образований представляется процессуальная правоспособность пуб-

лично-правового образования. Прежде чем обратиться к арбитражному процессуальному законодательству, следует исследовать правовую природу публично-правового образования как субъекта гражданского права.

Современное гражданское законодательство относит Российскую Федерацию, субъекты и муниципальные образования (далее по тексту также – публично-правовые образования) к субъектам гражданского права, что следует из названия статьи 124 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Следует отметить, что с точки зрения российского законодательства государство не представляет собой единый субъект гражданского права, единое публично-правовое образование, а представлено трехуровневой системой: Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования. Далее анализ посвящен, в основном, федеральному уровню.

Определяя правовой статус публично-правового образования по действующему российскому законодательству, прежде всего, следует обратиться к Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ). Российская Федерация, согласно части 1 статьи 1 Конституции РФ, является федеративным государством. Из части 1 статьи 5 Конституции РФ следует, что Российская Федерация состоит из субъектов, которые равноправны.

Таким образом, публично-правовые образования являются, прежде всего, субъектами конституционного права, являются носителями публичной власти, что не может не отразиться на их участии в гражданских правоотношениях. Вместе с тем, в гражданско-правовые отношения они вступают на равных началах с гражданами и юридическими лицами, что отмечается законодателем в части 1 статьи 124 ГК РФ.

Таким образом, системный анализ приведенного гражданского законодательства указывает на то, что публично-правовое образование следует рассматривать в качестве третьей разновидности субъектов гражданского права наряду с физическими и юридическими лицами в отношениях, регулируемых гражданским законодательством.

В юридическом научном сообществе единства мнений относительно публично-правового образования как субъекта гражданского права не наблюдается. Так, Д. В. Пятков, не допускает у государства статус субъекта гражданского права, обосновывает тезис о существовании публично-властных организаций¹. Ю. Н. Андреев полагает, что публично-правовые образования выступают одновременно носителем двух видов правосубъектности: конституционной и гражданско-правовой². Автор называет государство «квазиюридическим лицом – публично-правовым образованием»³. О. Е. Кутафин называет публично-правовые образования «самостоятельными, причем особыми субъектами права (jus generis), существующими наряду с юридическими и физическими лицами»⁴. В. Г. Голубцов указывает, что «публично-правовые образования как субъекты

гражданского права ... являются носителем одновременно нескольких видов правосубъектности: в частности, и конституционной, и гражданско-правовой»⁵. Публично-правовые образования образуют самостоятельную разновидность субъектов гражданского права наряду с гражданами и юридическими лицами⁶.

Следует согласиться с выводами В. Г. Голубцова о понимании публично-правовых образований как самостоятельных субъектов гражданского права, данные выводы с достаточной степенью аргументированы ученым, с ними трудно не согласиться. К аналогичным выводам автор настоящей статьи приходит при анализе российского законодательства.

Относительно правоспособности публично-правовых образований высказался также и Конституционный Суд Российской Федерации.

В своем Определении от 01.10.1998 в абзаце 3 пункта 4 Конституционный Суд РФ отмечает, что конституционные нормы предопределяют специальный характер правоспособности публично-правовых образований, которые участвуют в гражданских правоотношениях как субъекты со специальной правоспособностью, которая в силу их публично-правовой природы не совпадает с правоспособностью других субъектов гражданского права – граждан и юридических лиц⁷. В другом Определении от 24.02.2005 в абзаце 3 пункта 2 Конституционный Суд РФ также отмечает специальный характер правоспособности публично-правовых образований⁸.

Следовательно, Конституционный Суд РФ признает за публично-правовыми образованиями специальную правоспособность.

Таким образом, несмотря на отсутствие в научном сообществе единства мнений относительно правовой природы публично-правовых образований при их участии в гражданских правоотношениях, представляется неоспоримым тот факт, что публично-правовые образования являются самостоятельными субъектами гражданского права.

Далее следует провести анализ процессуального законодательства. В соответствии с частью 1 статьи 43 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми организациями и гражданами. Согласно части 2 статьи 43 АПК РФ процессуальная дееспособность принадлежит организациям и гражданам.

Таким образом, исходя из буквального толкования приведенных норм, по действующему арбитражному процессуальному законодательству за публично-правовыми образованиями не признается арбитражная процессуальная правоспособность и дееспособность, тогда как дела с участием публично-правовых образований арбитражными судами рассматриваются.

Так, в соответствии с пунктом 1 статьи 2 АПК РФ задачами судопроизводства в арбитражных судах являются, в том числе, защита прав и законных интересов

Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

В соответствии с частью 2 статьи 27 АПК РФ арбитражные суды разрешают, в частности, экономические споры и рассматривают иные дела в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

В статье 59 АПК РФ регламентировано ведение дел гражданами, индивидуальными предпринимателями и организациями в арбитражном суде через представителей. Таким образом, участие публично-правового образования в арбитражном процессе, как и гражданском процессе, подразумевается через участие органа публичной власти, представляющего в силу закона интересы публично-правового образования.

Вместе с тем, следует отметить признание в части 2 статьи 27 АПК РФ того, что суды разрешают дела с непосредственным участием в деле в определенных законом случаях именно публично-правовых образований, которые поставлены в данной статье в один ряд с другими субъектами – государственными органами, органами местного самоуправления, то есть законодателем подчеркивается, что данные субъекты не тождественны, а различны.

Далее следует провести анализ постановлений Верховного Суда РФ. Так, в пункте 15 Постановления от 23.06.2015 Пленум Верховного Суда РФ указал, что в соответствии со статьей 16 ГК РФ публично-правовое образование является ответчиком⁹. В пункте 81 Постановления от 17.11.2015 Пленум Верховного Суда РФ относительно незаконных действий судебных приставов указал, что иск о возмещении вреда предъявляется к Российской Федерации. Суд в судебном акте указывает ответчиком Российскую Федерацию¹⁰. В пункте 14 Постановления от 28.05.2019 Пленум Верховного Суда РФ указано, что субъектом, обязанным возместить вред по правилам статей 1069 и 1070 ГК РФ, и, соответственно, ответчиком по указанным искам является Российская Федерация. Суд определяет в судебном акте ответчиком Российскую Федерацию¹¹.

Таким образом, признавая Российскую Федерацию ответчиком по делам о возмещении вреда, представляется, что Верховный Суд РФ признает за публично-правовым образованием процессуальную правоспособность.

Таким образом, анализ процессуального кодекса показывает, что на сегодняшний день не решены проблемы определения процессуальной правоспособности публично-правового образования, существует правовая неопределенность. Так, арбитражным процессуальным законодательством публично-правовые образования не поименованы среди лиц, обладающих процессуальной правоспособностью, а среди лиц, которые не могут быть представителями в суде, публично-правовые образования не указаны. Вместе с тем, арбитражные су-

ды уполномочены разрешать дела с участием публично-правовых образований. Материальным законодательством публично-правовые образования признаются как самостоятельные субъекты гражданского права, что подтверждается Конституционным Судом РФ и в доктрине. Представляется, что признание за публично-правовым образованием процессуальной правоспособности является предпосылкой гражданско-правовой ответственности публично-правового образования. Этот вопрос разрешен в настоящее время только на уровне судебной практики. Так, Верховный Суд РФ признает за публично-правовыми образованиями процессуальную правоспособность.

Литература

1. Плятков Д. В. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в гражданских правоотношениях: на примере разграничения публичной собственности. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 10–15, 56–63.
2. Андреев Ю. Н. Участие государства в гражданско-правовых отношениях. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. С. 14.
3. Там же. С. 32.
4. Кутафин О. Е. Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования как субъекты гражданского права // Журнал российского права. – М.: Норма, 2007, № 1. С. 47, 50–51.
5. Голубцов В. Г. Частноправовая природа государства и его место в системе субъектов гражданско-правовых отношений // Государство и право. 2010. № 6. С. 57.
6. Голубцов В. Г. Российская Федерация как субъект гражданского права // Государство и право. 2020. № 6. С. 54–65 [Электронный ресурс]. URL: <https://gospravo-journal.ru/S013207690009937-2-1>.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.1998 № 168-О «По запросу Администрации Московской области о проверке конституционности части первой пункта 1 и пункта 2 статьи 1015 Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 60-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Русатоммет» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.05.2019 № 13 «О некоторых вопросах применения судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации, связанных с исполнением судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

С. С. Мершин
Студент ПГНИУ

Научный руководитель: В. В. Акинфиева

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА АВТОРСКОГО ПРАВА

Анализируется судебная практика в области защиты интеллектуальных прав. Роль судебной практики при незаконном использовании авторских прав на сегодняшний день ввиду сложности подобного рода дел, их узкой специальности и направленности, требует от судов более глубокого изучения дел. Поданные апелляционные жалобы, удовлетворенные и рассмотренные вновь вышестоящими судами, могут иметь результат, отличный от первоначального, который в конечном итоге может привести к существенным изменениям системы правосудия в сфере авторского права в целом. Под судебной практикой принято понимать единообразные решения и определения судов, вынесенные при разрешении по существу конкретных дел, также постановления и разъяснения Пленумов Верховного Суда, Высшего Суда. Судебный прецедент не является источником гражданского права, однако значение судебной практики в этой области нельзя недооценивать.

Ключевые слова: Авторское право, результаты интеллектуальной деятельности, Интеллектуальные права, защита авторских прав, объект авторского права, смежные права.

S. S. Mershin
Student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

THE ROLE OF JUDICIAL PRACTICE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF CIVIL LAW

This article is devoted to the analysis of judicial practice in the field of intellectual property rights protection. The role of judicial practice in the illegal use of copyright today, due to the complexity of this kind of cases, their narrow specialty and focus, requires a deeper study of cases from the courts. Each case considered by the court is considered individually; Appeals granted and considered again by higher courts can have a completely different result, which ultimately can lead to significant changes in the copyright justice system as a whole. By judicial practice, it is customary to understand uniform decisions and rulings of courts issued when resolving on the merits of specific cases, as well as rulings and explanations of the Plenums of the Supreme Court, the Supreme Court. Judicial precedent is not a source of civil law, but the importance of judicial practice in this area should not be underestimated.

Keywords: copyright, results of intellectual activity, Intellectual rights, copyright protection, object of copyright, related rights.

Институт защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации на сегодняшний день является очень молодым, что влечет за собой неразрешение многих вопросов при защите продуктов интеллектуальной собственности между правообладателями, авторами произведений или правообладателями таких прав, в том числе и обладателями смежных прав и лицами, кто незаконно воспользовался трудами авторов зарегистрированных продуктов.

Современная система защиты авторских прав на сегодняшний день не обладает обширной базой знаний и актуальными рычагами управления в этой сфере. Это приводит к тому, что при проведении судебных процессов выносятся решения, которые не соответствуют положению и законам с точки зрения 4 части Гражданского Кодекса Российской Федерации¹, что приводит к апелляционным процессам и пересмотру дел².

В этой отрасли отсутствует интенсивная законодательная деятельность по устранению многих пробелов в правовом регулировании, коллизий норм права, а иногда и препятствует решению многочисленных вопросов в правоприменительной практике. Судебные решения способствуют совершенствованию практики в соответствующей сфере правоотношений, устранении пробелов и противоречий в действующем законодательстве. Обобщение судебной практики и, сделанные исходя из этого выводы, позволяют исключить возможные ошибки в применении норм авторского права в используемой среде, между юридическими и физическими лицами, являющимися наследниками интеллектуальных прав, владельцами исключительных авторских прав, лицами претендентами на наследование таких прав, устранение которых способно снять не только нагрузку с судебной системы в целом, но и помочь в некоторых случаях снимать процессуальные обременения с заинтересованных лиц.

На сегодняшний день судебная практика по делам в сфере авторского права очень мала. Множество нарушений в этой области связано с невозможностью отследить и пресечь все способы распространения таких нарушений ввиду того, что отсутствует слажено работающий механизм на законодательном и исполнительном правовом поле. Ситуация в сфере защиты автора и его авторских прав находится на данном этапе в состоянии, далеком от идеала, в связи с этим многие споры, решаемые в судебном порядке, являются во многом индивидуальными и их решения выносятся в течение очень длительного времени, ввиду отсутствия юридически полного свода законов, который бы регулировал и учитывал интересы всех заинтересованных сторон.

Особо необходимо отметить решения Конституционного суда Российской Федерации³, к компетенции которого отнесено разрешение дел о соответствии федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, нормативных актов палат Федерального Собрания Российской Федерации, Президента и Правительства Российской Федерации, Конституции Российской Федерации⁴. Реше-

ния Конституционного суда Российской Федерации обладают силой закона, они окончательны и подлежат исполнению. Кроме того, огромное значение имеют постановления Пленума Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Рассматривая судебную практику в области интеллектуальной собственности, можно встретить интересный факт: споры, связанные со сферой авторского права, доходят до Верховного Суда Российской Федерации. 8 июля 2020 г. по делу № 309-ЭС19-20278 Верховный Суд вынес определение, отменяющее решение Арбитражного суда Свердловской области, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда, постановление Суда по интеллектуальным правам, ссылаясь на часть 1 статьи 291.11 АПК Российской Федерации, так как счел их принятыми с существенными нарушениями норм материального и процессуального права, повлиявшими на исход дела. Лица, не являющиеся обладателями исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности (правообладателями), по общему правилу, не могут использовать результаты интеллектуальной деятельности без согласия правообладателя (пункт 1 статьи 1229 Гражданского Кодекса Российской Федерации)⁵. Между тем в порядке исключения Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает ограничения исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе в случае, когда использование результатов интеллектуальной деятельности допускается без согласия правообладателей, но с сохранением за ними права на вознаграждение⁶.

В Определении от 30.09.2010 № 1354-О-О Конституционный Суд Российской Федерации указал, что с учетом специфики аудиовизуального произведения как объекта интеллектуальной собственности и субъектов соответствующих правоотношений законодатель при выборе модели регулирования использования охраняемых результатов такой интеллектуальной деятельности в пункте 3 статьи 1263 Гражданского Кодекса Российской Федерации предусмотрел гарантию права на вознаграждение для автора музыкального произведения (с текстом или без текста), использованного в аудиовизуальном произведении, при публичном его исполнении или сообщении в эфире, либо по кабелю.

Верховный суд Российской Федерации, изучив все материалы дела о нарушении авторских прав, усмотрел в деле множественные нарушения в виде неприятия к сведению многих незначительных факторов, а также, не рассмотрев позиции обеих сторон и представленную ими в полном объеме документацию и доводы сторон, указал на нормативные акты и определения, которыми необходимо руководствоваться. Все эти факторы, в совокупности привели к вынесению постановления: отменить решение Арбитражного суда Свердловской области от 26.09.2018, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2019 и постановление Суда по интеллектуальным правам от

26.07.2019 в части оставления без изменения постановления Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2019 по делу № А60-5279/2018. Дело направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд Свердловской области.

В деле от 22 декабря 2020 г. № 309-ЭС20-12797, рассматривая в открытом судебном заседании дело на кассационные жалобы ассоциации правообладателей по защите и управлению авторскими правами в сфере искусства (далее - Ассоциация), Чусовитина Петра Павловича (далее – Чусовитин П. П.) на постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2019 и постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.06.2020 по делу Арбитражного суда Свердловской области № А60-53343/2018, Верховный Суд Российской Федерации применил пункт 1 статьи 4 Гражданского Кодекса Российской Федерации, в котором установлено, что акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие⁷. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом. В статье 5 Федерального закона от 18.12.2006 № 231-ФЗ "О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации" (далее – Вводный Закон) предусмотрено, что часть четвертая Кодекса применяется к правоотношениям, возникшим после введения ее в действие⁸. По правоотношениям, возникшим до введения в действие части четвертой Кодекса, она применяется к тем правам и обязанностям, которые возникнут после введения ее в действие. Автор произведения или иной первоначальный правообладатель определяется в соответствии с законодательством, действовавшим на момент создания произведения. Таким образом, при рассмотрении настоящего дела с учетом даты заключения договора № 5 на создание скульптурно-художественного произведения 18.02.1997 для определения автора (иного первоначального правообладателя) подлежали применению положения Закона об авторском праве⁹. Суд апелляционной инстанции, проанализировав буквальное содержание условий договора от 18.02.1997 № 5 по правилам статьи 431 Гражданского Кодекса Российской Федерации, признал отсутствие в договоре условий о передаче автором исключительных прав на созданный им объект заказчику, но при этом сделал противоречивый вывод о приобретении заказчиком исключительного права на созданный творческим трудом объект для дальнейшего распоряжения им в интересах города Екатеринбурга в результате не достижения цели договора.

Однако суд апелляционной инстанции не учел, что условиями договора были предусмотрены работы по проведению Чусовитиным П. П. подготовительных работ. Так, Бернской Конвенцией по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886, по смыслу пунктов 1 и 2 статьи 2 установлено, что охраняется не содержание произведения, а та или иная форма, в которой это содержание выражено¹⁰. Авторское право согласно пунктам 1, 2 статьи 6 Закона

об авторском праве распространяется на произведения искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, как на обнародованные произведения, так и на необнародованные произведения, существующие в какой-либо объективной форме: объемно-пространственной (скульптура, модель, макет, сооружение и так далее); в других формах. В силу пункта 3 статьи 1259 Гражданского Кодекса Российской Федерации авторские права распространяются на произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в форме изображения, объемно-пространственной форме.

Таким образом, многие противоречивые выводы апелляционного суда, которые суд кассационной инстанции так же поддержал, противоречат нормам материального права, а также возникновению авторских и исключительных прав, порядку и основаниям перехода исключительных прав другим лицам. Основываясь на данных фактах, Верховный Суд определил: решение Арбитражного суда Свердловской области от 31.05.2019, постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2019 и постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.06.2020 по делу Арбитражного суда Свердловской области № А60-53343/2018 отменить. Дело № А60-53343/2018 направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд Свердловской области. Как видно из материалов дела и принятия решений другими судами, судами других инстанций, можно сделать вывод что иногда законы, их исполнение трактуются не корректно, что приводит к несогласию сторонами решений и вынесению ошибочных определений судебных арбитров.

Большинство исков, поданных истцами, остаются без изменения и суды общей юрисдикции (первой инстанции) выносят постановления, которые, в дальнейшем подтверждаются и вышестоящими судами. Проблемой таких разбирательств в области авторского права является неграмотное составление договоров по передаче прав.

Рассматривая дело № 33-40999 Московского Городского Суда, в котором истец требует компенсацию за использование произведения, являясь его автором, судебная коллегия обратила внимание, что согласно статье 431 Гражданского Кодекса Российской Федерации, при толковании условий договора судом принимается во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений¹¹. Буквальное значение условия договора в случае его неясности устанавливается путем сопоставления с другими условиями и смыслом договора в целом.

Более того, содержание вышеприведенного условия в пунктах договора противоречит положениям пункта 1 статьи 1005 Гражданского Кодекса Российской Федерации, так как включение в агентский договор, предусматривающий совершение агентом юридически значимых действий (в том числе заключение договоров) от своего имени (соответственно, с принятием на себя всех прав и

обязанностей по этим договорам), условия о том, что ответственность за ненадлежащее исполнение обязательств перед третьими лицами несет принципал, не соответствует цели законодательного регулирования соответствующих агентских отношений. Оснований для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке, предусмотренных статьей 330 Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации, судебная коллегия не усматривает. Решение Симоновского районного суда оставлено без изменения, апелляционная жалоба оставлена без удовлетворения.

Подводя итог обзора судебной практики в области авторского права, можно выделить следующее: судебная практика в области защиты авторских прав на любой продукт интеллектуальной собственности играет важную роль и помогает восстанавливать справедливость при ее нарушениях. Многие судебные решения способствуют совершенствованию практики в этой сфере правоотношений, устраняют пробелы и играют важную роль в правоприменительной практике на различных уровнях. В этой области правового регулирования интеллектуальной собственности есть неразрешенные практические вопросы и пробелы в законодательстве. Общие нормы Российского гражданского законодательства в области регулирования интеллектуальной собственности, небольшое количество научной литературы и отсутствие обширной судебной практики не дают ответов на возникающие вопросы в связи с использованием многих объектов, находящихся под охраной.

Также можно выделить такой фактор как отсутствие экспертов, которые могли бы дать правовую оценку обстоятельствам или возникающим проблемам в области интеллектуального права. Интеллектуальное право - молодой институт, который, на сегодняшний день, полагаясь и опираясь на судебные решения, имеет уже разработанные нормы регулирования взаимоотношений. Судебные решения в Российской Федерации не являются на сегодняшний день источниками гражданского права. Рассматривая многие судебные решения, можно проследить тенденцию модернизации и изменения системы правосудия, защиты, использования объектов интеллектуальной собственности в целом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 4 от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 30.04.2021 № 107-ФЗ) // Собрание законодательства Рос. Федерации №52 от 25 декабря 2006 года ст. 5496.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 18.12.2020 № 428-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102079219>.
3. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. 09.11.2020 № 5-ФКЗ). URL: режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=02031436>.
4. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 1 июля 2020) [Электронный ресурс]. // Российская газета // <https://rg.ru/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html>.

5. Определение Верховного Суд Российской Федерации по делу № 309-ЭС19-20278 от 12.05.2020 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты РФ. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12052020-n-309-es19-20278-po-delu-n-a60-52792018/>.
6. О минимальных ставках авторского вознаграждения за некоторые виды использования произведений литературы и искусства: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.03.1994 № 218 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/104512/>.
7. Верховный Суд Российской Федерации. Определение по делу № 309-ЭС20-12797 от 22 декабря 2020 г. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1954196.
8. О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2006/12/22/kodeks-vedenie-dok.html>.
9. Об авторском праве и смежных правах: Закон Российской Федерации от 9 июля 1993 г. № 5351-1 (ред. от 20.07.2004 № 72-ФЗ) [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2004/07/28/piraty-doc.html>.
10. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) [Электронный ресурс]. – Консорциум «Кодекс». Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900493>.
11. Московский городской Суд. Апелляционное определение по делу № 33-40999 // Информационно-правовое обеспечение «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/304962002/>.
12. Венская Конвенция о праве международных договоров (от 23.05.1969). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
13. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] // Верховный суд Российской Федерации. URL: <http://supcourt.ru/documents/practice/?year=2021>.
14. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1 от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. 09.03.2021 № 33-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239>.
15. Верховный Суд Российской Федерации. Определение по делу № 09-ЭС19-20278 от 08.07.2020. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1899290.
16. О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации: Федер. закон от 22 авг. 1996 г. № 126-ФЗ (ред. от 28.11.2018 № 44-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102043097&rdk=&backlink=1>.
17. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/05/06/postanovlenie-dok.html>.

Д. Р. Мустаева

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Г. Н. Эйриян

ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗМЕНЕНИЕМ ВИДА РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

Рассматриваются актуальные проблемы изменения вида разрешенного использования земельных участков. Рассматривается законодательный пробел, порождающий почву для злоупотребления правом со стороны правообладателей земельных участков, приводящий к подрыву экономической стабильности государства. Предлагаются пути решения для устранения злоупотреблений правом со стороны правообладателей и выявления фиктивности изменения вида разрешенного использования земельных участков.

Ключевые слова: правообладатель, злоупотребление правом, фиктивность.

D. R. Mustaeva

Student, Perm State University

Supervisor: G. N. Eyrian

PROBLEMS RELATED TO CHANGE IN THE TYPE OF PERMITTED USE OF LAND PLOTS

The article discusses the actual problems of changing the type of permitted use of land. The article considers the legislative gap that gives rise to the abuse of rights by the rights holders of land plots, leading to the undermining of the economic stability of the state. Proposed ways to eliminate abuse of rights by rights holders and identifying fictitiousness.

Keywords: copyright holder, abuse of rights, fictitiousness.

Правовой режим земельного участка зависит от ряда, установленных законодательством аспектов, в том числе и от вида разрешенного использования.

Виды разрешенного использования подразделяются на основные, условно-разрешенные и вспомогательные.

Порядок установления вида разрешенного использования определяется градостроительным законодательством, то есть в нормативно-правовых актах земельного законодательства такого рода порядок не установлен. Земельный кодекс Российской Федерации (далее ЗК РФ) определяет лишь общие положения, касательно разрешенного использования, а именно в пункте 2 статьи 7 ЗК РФ указано, что правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответст-

вии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов. Любой вид разрешенного использования из предусмотренных зонированием территорий видов выбирается самостоятельно, без дополнительных разрешений и процедур согласования.

В соответствии с содержанием данной статьи необходимо выделить то, что категории земель формируются согласно целевому назначению земель, однако следует дифференцировать данное понятие с видом разрешенного использования, так как на практике имеются случаи смешения данных понятий, в связи с отсутствием легальных дефиниций. Исходя из смысла ранее указанной нормы статьи, можно определить, что целевое назначение представляет собой своего рода характеристику земельного участка, с помощью которой устанавливается какая-либо категория земель, а вид разрешенного использования, в свою очередь, определяет непосредственно конкретную цель, для которой может быть предоставлен земельный участок, то есть это более частное деление, оно имеет место ввиду индивидуальных особенностей и необходимой детализации идентифицирующих признаков земельных участков. Исходя из целевого назначения можно выбрать только одну из семи, предусмотренных законодательством, категорий, но при этом для одной категории можно выбрать один или же несколько видов разрешенного использования.

Ввиду сложившегося уклада правоприменительной практики, возникают проблемы, связанные с коллизией норм права, а именно наличествуют несогласованность, а также отсылочный характер норм, регулирующих вопросы, связанные с установлением вида разрешенного использования земельного участка, такой вид определяется в соответствии с классификатором, который утвержден приказом Министерства экономического развития Российской Федерации¹.

Исходя из вышеизложенного возникает вопрос обязан ли правообладатель менять вид разрешенного использования своего земельного участка, если имеются те же несоответствия касательно того, что в классификаторе установлен один вид разрешенного использования, а в сведениях Единого государственного реестра недвижимости другой вид разрешенного использования, который был установлен до утверждения этого классификатора. Из смысла норм Федерального закона "О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" следует, что собственник или иной правообладатель земельного участка не обязан изменять вид разрешенного использования, который был установлен в Едином государственном реестре недвижимости до утверждения классификатора, так как это является его правом, а не обязанностью².

Заявление об установлении соответствия данных классификатору, подаваемое правообладателем, во всех случаях подлежит удовлетворению, в связи с

тем, что законодательством не предусмотрен перечень оснований для отказа в смене вида разрешенного использования в таком случае.

Если же орган местного самоуправления всё же откажет в смене данного вида, т.е. в приведении его в соответствии с классификатором, то такое решение правообладателем будет обжаловано, со ссылкой на тот факт, что отказ неправомерен, а любое основание для отказа со стороны уполномоченного органа всегда будет неправомерным, так как закон не предусматривает оснований для отказа, как было упомянуто ранее, а значит в суде требования истца, как правило, в любом случае будут удовлетворены. Данный факт указывает на отсутствие вариативности в принятии решения со стороны указанного органа, т. е. любой отказ будет являться безосновательным. Таким образом, орган местного самоуправления просто обязан привести в исполнение заявленные требования правообладателя.

Такого рода непредусмотрительность со стороны законодателя привело, в свою очередь, к злоупотреблению правом со стороны правообладателей земельных участков. Основа злоупотребления правом в том, что при изменении вида функционального использования земельного участка происходит его расширение.

Фиктивность такого изменения приводит к уменьшению кадастровой стоимости земельного участка, что, в свою очередь, дает возможность использовать соответственно более низкую налоговую ставку, то есть в итоге правообладатель уплачивает пониженный размер земельного налога, по сравнению с тем размером, который он уплачивал ранее. Таким образом, субъекты такого злоупотребления преследует цель получения налоговой выгоды.

Фактически доказать такое злоупотребление правом достаточно сложно, следует сказать, что практически невозможно, в связи с тем, что такого рода злоупотребление носит скрытый характер. Правообладатели, злоупотребляющие своим правом, формально выполняют все условия для изменения вида, в том числе вся требуемая документация соответствует положениям законодательства.

Для устранения сложившихся пробелов следует закрепить на законодательном уровне особый порядок контроля уполномоченными органами, выражающийся в проверке соблюдения правообладателем обязанностей по целевому использованию земельного участка. Данную проверку следует проводить именно на том этапе, когда осуществляется реализации права на изменение вида разрешенного использования земельного участка, так уполномоченные органы должны быть уведомлены о подаче правообладателем заявления, а процесс рассмотрения заявления должен включать соответствующие проверки. Такая процедура должна позволить уполномоченным органам определить какое фак-

тическое использование земельного участка, но для этого также следует закрепить легальное определение фактического использования земельного участка, что позволит определить точное соответствие между разрешенным использованием и фактическим использованием.

Следует рассмотреть случай, указывающий на выявление фиктивности изменения вида разрешенного использования земельного участка.

Итак, хозяйственное общество, которое выступало в качестве правообладателя земельного участка, добросовестно исполняло обязанности по уплате налога на земельный участок.

При этом вид разрешенного использования, связан с эксплуатацией жилых зданий.

По истечении определенного времени, хозяйственное общество обратилось в уполномоченный орган с заявлением об изменении данного вида. Заявление, в свою очередь, было удовлетворено. Новый же вид разрешенного использования был определен как «для эксплуатации жилого дома». Такого рода действия, дали правообладателю возможность применять иную налоговую ставку, при исчислении размера налога на земельный участок. А именно, налоговая ставка для земельных участков, которые заняты жилищным фондом значительно ниже, чем, если бы вид разрешенного использования был установлен как для эксплуатации жилых объектов недвижимости.

Такой алгоритм действий правообладателя, привел к тому, что данное хозяйственное общество получило налоговую выгоду в размере почти четверти миллиона рублей, что, в свою очередь, породило почву для заинтересованности налогового органа.

По результатам камеральной проверки было установлено, что изменений в использовании земельного участка не выявлено, а именно, на рассматриваемом земельном участке было расположено здание с жилыми помещениями, которые сдавались в аренду.

Совокупность выявленных фактов послужили основанием для привлечения хозяйственного общества, то есть субъекта правонарушения, к административной ответственности. Правонарушение было выражено именно в том, что земельный участок использовался не в соответствии с его назначением, согласно обновленным данным из Единого государственного реестра недвижимости. Следовательно, разрешенный вид использования не соответствует фактическому использованию.

Ко всему прочему, хозяйственное общество не смогло предоставить сведений доказывающих, что оно имело намерение реализовывать деятельность на земельном участке в соответствии с его новым видом разрешенного использования.

Суд признал обоснованным вывод налогового органа, повлиявший на исход дела. Данный вывод связан с тем, что хозяйственное общество целенаправленно изменило вид разрешенного использования, чтобы впоследствии уплачивать уменьшенный размер налогов³.

Разрешенное использование земельных участков является достаточно динамично развивающимся правовым институтом, в свою очередь, с рядом сложно урегулированных аспектов.

Литература

1. Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков: приказ Министерства экономического развития РФ от 1 сентября 2014 г. № 540.
2. О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ (ред. от 27.12.2019). П. 11 ст. 34.
3. Решение Арбитражного суда Самарской области от 26 марта 2019 г. при рассмотрении дела № А55-35221/2018.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДЕБНЫХ ОНЛАЙН-ЗАСЕДАНИЙ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Рассматривается правовое регулирование организации и проведении в рамках арбитражного судопроизводства онлайн-заседаний посредством веб-конференций. Анализируются правовые акты арбитражных судов Уральского округа, посвящённые регулированию данного вопроса. Различия в подходах судов к регулированию онлайн-заседаний вносит неопределённость в реализацию лицами, участвующими в деле, права на доступ к правосудию.

Ключевые слова: арбитражный процесс, онлайн-заседание, доступ к правосудию.

M. Yu. Nazarov

Student, Perm State University

Supervisor: V. G. Golubtsov

LEGAL REGULATION OF ONLINE COURT SESSIONS IN THE ARBITRATION PROCESS

This article discusses the legal regulation of the organization and conduct of online meetings through web conferences in the framework of arbitration proceedings. The article analyzes the legal acts of the arbitration courts of the Ural District, dedicated to the regulation of this issue. Differences in the approaches of the courts to the regulation of online meetings introduces uncertainty in the implementation of the right to access to justice by the persons participating in the case.

Keywords: arbitration process, online meeting, access to justice.

Судебное онлайн-заседание, как новое правовое явление, является результатом деятельности органов судебной власти и судейского сообщества. Сама возможность проведения судебных заседаний в данном формате предложена Президиумом Верховного Суда РФ и Президиумом Совета судей РФ в совместном постановлении (далее – Постановление № 821)⁵.

Следует отметить, что данный порядок был введён как временный по 11 мая 2020 года включительно и по ограниченному кругу дел. Президиумы Верховного Суда РФ и Совета судей РФ в качестве требований к ходатайству о проведении онлайн-заседания обозначают только электронный формат самого заявления и прилагаемых к нему документов, подтверждающих личность и полномочия лица. Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ)⁴ не содержит правовых норм, посвящённых данному вопросу. Положения

ст. 153.1 АПК РФ содержат лишь регламентацию участия в судебном заседании посредством видеоконференц-связи, но пункте 5 Постановления № 821 разграничивает видеоконференц-связь и систему веб-конференции, следовательно, вводится новая правовая категория, ранее отсутствующая в нормах закона.

К.Г. Корякина и О.В. Хохлаева, рассматривая данный вопрос, так же обращают внимание на то, что данная форма проведения судебных заседаний в настоящий момент находится вне правового поля¹.

С данной позицией можно согласиться отчасти. Действительно законодательное регулирование отсутствует, однако арбитражные суды в целях исполнения рекомендаций Верховного Суда РФ вынуждены принимать собственные регламенты, в отдельных аспектах кардинально различающиеся друг от друга, в связи, с чем права лиц, участвующих в деле, споры которых рассматриваются разными судами, не равны между собой.

Для анализа правовых норм представляется необходимым рассмотреть акты арбитражных судов, находящихся в инстанционном подчинении друг другу, для анализа влияния позиции вышестоящего суда, на содержание соответствующего регламента нижестоящих судов. Для исследования избран Уральский судебный округ как округ, к которому территориально отнесён Пермский край.

Рассмотрим правовые акты, регламентирующие порядок назначения и проведения судебных онлайн-заседаний, изданные Арбитражными судами Пермского края⁶, Свердловской области⁷, Удмуртской республики⁸, Семнадцатым⁹ и Восемнадцатым арбитражными апелляционными судами¹⁰ и Арбитражным судом Уральского округа¹¹.

Практическую ценность работы представляет анализ данных актов судов, с целью определения и сравнения позиций разных арбитражных судов по следующим вопросам:

- порядок подачи лицом, участвующим в деле, ходатайства об участии в деле посредством проведения онлайн-заседания;
- сроки для подачи и разрешения судом данного ходатайства;
- перечень оснований для отказа в удовлетворении судом данного ходатайства;
- особенности организации и проведения онлайн-заседания в конкретном арбитражном суде.

Цель, указанная судом при принятии соответствующего регламента, позволяет определить задачу, которую призвано разрешить новое правовое регулирование. Цель принятия содержится только в трёх исследованных регламентах. Так, Арбитражные суды Удмуртской республики и Уральского округа, называют в качестве цели предупреждение распространения коронавирусной инфекции, что означает временный характер предусмотренного механизма. Тогда как Во-

семнадцатый арбитражный апелляционный суд рассматривает онлайн-заседания как реализацию обеспечения доступности правосудия.

Позиция апелляционного суда представляется более целесообразной, так как нет объективных препятствий для сохранения онлайн-заседаний и при нормализации эпидемиологической ситуации. Наоборот, при отмене данных регламентов будет нанесён ущерб доступности правосудия, так как лица, участвующие в деле, лишатся дополнительной возможности участия в судебных заседаниях посредством веб-конференций из любой точки России и мира.

Схожего мнения придерживается и доктрина. Так, А.Х. Хисамов, анализируя цель введения онлайн-заседаний, приходит к выводу о направленности данного механизма на расширение гарантий реализации права на судебную защиту².

Следующим важным процессуальным аспектом являются сроки подачи и разрешения судом данного ходатайства. По сроку подачи имеет место три различные позиции:

– установлен конкретный срок – не позднее чем за 5 (15) дней до судебного заседания (в Арбитражном суде Удмуртской республики и Восемнадцатом арбитражном апелляционном суде);

– срок определен оценочной категорией «заблаговременно» (Семнадцатый арбитражный апелляционный суд);

– срок не обозначен, однако, в перечне оснований для отказа в удовлетворении данного заявления называется подача ходатайства не заблаговременно или в день судебного заседания (Арбитражные суды Пермского края и Уральского округа).

О недопустимости подачи ходатайства в день судебного заседания говорит практическая целесообразность, так как необходимо учитывать особенности делопроизводства в судах. При поступлении заявления в день судебного заседания есть риск необработки данного электронного документа специалистом, что закономерно повлечёт невозможность рассмотрения его судом ввиду неосведомлённости о его наличии.

Установление конкретного срока для подачи представляется более обоснованным, так как учитывается время, необходимое для поступления электронного документа судье и время для разрешения ходатайства по существу. Однако данный срок не может быть длительным, так 15 дней представляется крайне избыточным и необоснованным. В данном контексте следует обратить внимание, что положения статьи 153.2 АПК РФ (в редакции законопроекта Минюста России¹²) не содержит каких-либо указаний на предельные сроки подачи ходатайства.

Наибольший интерес представляет исследование оснований для отказа судом в удовлетворении данного ходатайства, так как это непосредственно связано с доступностью правосудия и правом на судебную защиту.

Каждый рассмотренный арбитражный суд представляет собственный перечень оснований для отказа, как в регистрации заявления специалистом, так и в согласовании непосредственно судом. Имеются общие основания, названные всеми судами: непредставление необходимых документов к ходатайству, нарушение срока подачи и отсутствие технической возможности.

Кроме обозначенных оснований, отдельные арбитражные суды называют и собственные основания.

Так, Арбитражные суды Пермского края, Свердловской области и Уральского округа делают перечень оснований открытым, путём указания на «иные основания». Представляется, что данное положение несёт риск нарушения прав лиц, участвующих в деле, путём расширенного судебного усмотрения, так как заявитель не может с достаточной степенью предугадать исход разрешения ходатайства, поскольку «иные основания» не поддаются возможному учёту с целью их контроля и снижения риска их наступления.

В данном контексте особо примечательна позиция И. М. Шевченко. Так, автор приходит к выводу о том, что отказ суда в участии в онлайн-заседании, должен рассматриваться как нарушение норм процессуального права, если у лица отсутствовала объективная возможность явиться в суд или это повлекло бы для него значительные денежные и временные расходы³.

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд в качестве основания для отказа в регистрации ходатайства называет не указание даты и времени судебного заседания по делу. Следует проанализировать цель ввода данного основания. По конкретному делу в каждый момент времени может быть назначено только одно судебное заседание, включая дела о банкротстве, по обособленным спорам так же не может быть одновременно назначено несколько судебных заседаний. В связи с данным ограничением лицо не имеет возможности подачи данного ходатайства одновременно с апелляционной жалобой, как это возможно в случае с ВКС.

Проект Минюста России в качестве оснований для отказа в удовлетворении ходатайства называет отсутствие технической возможности и проведение закрытого судебного заседания. Закрытый перечень оснований представляется оказывающим положительное влияние на предполагаемые ожидания заявителя в части исхода разрешения вопроса об удовлетворении/отказе в удовлетворении ходатайства.

Но необходимо ли проводить такое жёсткое разграничение между правовым регулированием участия посредством онлайн-заседаний и ВКС? В рамках данного вопроса примечательно основание для отказа, прямо противоречащее рекомендациям Постановления № 821. Так, Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд указывает на невозможность одновременного удовлетворения ходатайств о ВКС и об онлайн-заседаниях, однако пункт 5 Постановления № 821

при перечислении ВКС и веб-конференций использует союз «и (или)», следовательно, допустимо проведение заседанием с одновременным участием посредством как ВКС, так и онлайн веб-конференции.

Подводя итог, следует сделать вывод о практической пользе института онлайн-заседаний не только в период неблагоприятной эпидемиологической обстановки, но и для доступности правосудия. Однако правовое регулирование данного механизма должно осуществляться на уровне АПК РФ, так как судебное нормотворчество одновременно с ликвидацией пробела в праве, в отдельных случаях повышает степень неопределённости в отношении содержания прав и обязанностей.

Правовая регламентация онлайн-заседаний не является единообразными даже в пределах одного арбитражного округа, в этом случае стороне при последовательном участии в судебных заседаниях разных инстанций требуется изучать правовое регулирование проведения онлайн-заседаний в каждом конкретном арбитражном суде и отслеживать внесение изменений в данные регламенты.

При внесении изменений в АПК РФ следует руководствоваться опытом арбитражных судов по принятию соответствующих правовых актов, исключив из них положения, не в полной мере соответствующих принципам целесообразности и принципу доступности правосудия. Предложенный Минюстом России законопроект устраняет лишь часть выявленных недостатков правового регулирования, проект нуждается в определении точных сроков на реализацию процессуальных действий по подаче ходатайства об участии в судебном заседании посредством веб-конференции.

Литература

1. *Корякина К. Г., Хохрякова О. В.* Правовой анализ рисков использования системы веб-конференции в арбитражном процессе // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 12–18.
2. *Хисамов А. Х.* Технологии видеоконференц-связи и веб-конференции в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 254–269.
3. Участие в заседании арбитражного суда онлайн: некоторые процессуальные вопросы // Российский судья. 2020. № 10. С. 7–12.
4. Арбитражный процессуальный кодекс РФ: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002, № 30, ст. 3012.
5. О приостановлении личного приема граждан в судах: постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 (ред. от 29.04.2020) // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О возможности участия в судебном заседании Арбитражного суда Пермского края (постоянном судебном присутствии в г. Кудымкар) с использованием информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания) // АС ПК. URL: <https://perm.arbitr.ru/node/16685> (дата обращения: 30.03.2021).
7. Инструкция для пользователя ВКС Заседание // АС СО. URL: <https://ekaterinburg.arbitr.ru/node/19152> (дата обращения: 30.03.2021).
8. Временный регламент организации участия в судебном заседании Арбитражного суда Удмуртской Республики с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека

- арбитражных дел» (Утв. приказом Арбитражного суда Удмуртской Республики от 05.06.2020 № 72 (в ред. приказа от 10.09.2020 № 123)) // АС УР. URL: <https://udmurtiya.arbitr.ru/node/14534> (дата обращения: 30.03.2021).
9. Порядок организации и проведения судебного онлайн-заседания в Семнадцатом арбитражном апелляционном суде с использованием сервисов «Электронное правосудие» (утв. приказом Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 января 2021 года № 5-о) // 17 ААС. URL: <https://17aas.arbitr.ru/process/online> (дата обращения: 30.03.2021).
 10. Организация и проведение судебного онлайн-заседания в Восемнадцатом арбитражном апелляционном суде // 18 ААС. URL: <https://18aas.arbitr.ru/process/onlinezasedanie/onlinez> (дата обращения: 30.03.2021).
 11. Регламент организации участия в судебном заседании Арбитражного суда Уральского округа с использованием системы веб-конференции информационной системы «Картотека арбитражных дел» (онлайн-заседания): Приложение № 2 к протоколу заседания президиума Арбитражного суда Уральского округа от 15 мая 2020 г. № 12 // АС УО. URL: <https://fasuo.arbitr.ru/node/16134> (дата обращения: 30.03.2021).
 12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе: Проект федерального закона № 1144921-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 14.04.2021).

ПОДОЗРИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ ДОЛЖНИКА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДАТЫ ИСЧИСЛЕНИЯ ПЕРИОДА ПОДОЗРИТЕЛЬНОСТИ

Рассматривается вопрос исчисления процессуальных сроков подозрительных сделок должника, а также вопрос применения этих сроков в ходе процедуры банкротства, с учетом возможны неблагоприятных последствий при ошибочном или неправильном толковании норма права, а также позиции законодателя.

Ключевые слова: банкротство, оспаривание сделок должника в процедуре банкротства, подозрительные сделки должника, процессуальные сроки, сроки оспаривания сделок должника, проблемы оспаривания сделок должника.

M. A. Stepanov

Student, Perm State University

Supervisor: E. V. Aristov

SUSPICIOUS DEBTOR DEALS. DETERMINING THE DATE OF EXPECTATION OF THE SUSPECT PERIOD

The article discusses the issue of calculating the procedural terms of suspicious transactions of the debtor, as well as the issue of applying these terms during the bankruptcy procedure, taking into account the possible adverse consequences in case of erroneous or incorrect interpretation of the rule of law, as well as the position of the legislator.

Keywords: bankruptcy, challenging the debtor's transactions in bankruptcy proceedings, suspicious transactions of the debtor, procedural deadlines, terms for challenging the debtor's transactions, problems of challenging the debtor's transactions.

Основания признания сделок должника недействительными могут быть применены лишь к сделкам, совершенным в период подозрительности, установленный законом. В связи с этим, крайне важным является вопрос о дате, от которой надлежит исчислять данный период. В соответствии с пунктом 2 статьи 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», период подозрительности составляет три года с даты принятия заявления о признании должника банкротом. Однако в законе не раскрывается вопрос о том, что подразумевается под принятием заявления.

В соответствии с пунктом 1 статьи 32 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», дела о банкротстве юридических лиц и граждан, в том числе индивидуаль-

ных предпринимателей, рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, с особенностями, установленными настоящим Федеральным законом. В свою очередь, АПК РФ содержит статью 127, именуемую «Принятие искового заявления и возбуждение производства по делу». В соответствии с пунктом 1 указанной статьи, вопрос о принятии искового заявления к производству арбитражного суда решается судьей единолично в пятидневный срок со дня поступления искового заявления в арбитражный суд. Принятие заявления, поданного в соответствии с установленными законом требованиями является обязанностью суда. О принятии заявления к производству выносится соответствующее определение.

Соответственно, датой принятия заявления о признании должника банкротом, в соответствии с действующим законодательством, считается дата вынесения арбитражным судом соответствующего процессуального определения. Указанные разъяснения содержатся также в абзаце 1 пункта 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве».

Однако на практике возникают ситуации, когда несколько кредиторов должника в течение непродолжительного времени подают отдельные заявления о признании одного и того же должника банкротом, в результате чего возникает конкуренция между заявлениями, поданными каждым из кредиторов.

Подобные ситуации нередко встречаются на практике. Например, в рамках дела о банкротстве ООО «Камская Долина» №А50-19202/2017 первая процедура банкротства была введена лишь на основании пятого по очереди заявления кредитора о признании должника банкротом, поступившего в суд и по истечению практически года с даты принятия к производству Арбитражного суда Пермского края первого из таких заявлений. Ранее поступившие заявления были либо оставлены без рассмотрения, либо производство по ним было прекращено, в виду того, что должник погасил содержащиеся в заявлениях требования. В связи с изложенным, на практике может возникнуть вопрос о том, от даты принятия какого из заявлений следует исчислять период подозрительности, первого поступившего в суд или того заявления, на основании которого была введена процедура банкротства?

Прямого ответа на данный вопрос действующее законодательство не содержит, однако в силу пункта 8 статьи 42 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в случае, если до назначенного судом заседания на рассмотрение арбитражного суда поступают заявления о признании должника банкротом от других лиц, все поступившие заявления рассматриваются арбитражным судом в качестве заявлений о вступлении в дело о банкротстве. Данные заявления должны быть рассмотрены

рены в течение пятнадцати дней с даты судебного заседания по проверке обоснованности требований первого заявителя, обратившегося в арбитражный суд.

Также в пункте 7 вышеназванного Постановления Пленума ВАС РФ разъяснено, что рассмотрение вопросов о принятии и обоснованности каждого заявления о признании должника банкротом должно происходить в той последовательности, в которой они поступили в суд. Также указано, что, если суд возбудил два или более дел о банкротстве одного должника, такие дела на основании части 2 статьи 130 АПК РФ подлежат объединению в одно производство для совместного рассмотрения, при этом заявителем является лицо, чье заявление первым поступило в суд.

Исходя из названных разъяснений, в деле о банкротстве может быть лишь одно «заявление о признании должника банкротом», – то, которое первым поступило в суд, вне зависимости от того, было ли оно в итоге признано судом обоснованным. Всем последующим поступившим в суд заявлениям ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» придает иной правовой статус – статус заявления о вступлении в дело о банкротстве.

Из этого следует вывод о том, что вне зависимости от того, какое из поступивших по счету заявлений о признании должника банкротом было признано судом обоснованным, и сколько бы времени не прошло с момента принятия к производству суда первого из заявлений, датой, от которой надлежит исчислять период подозрительности является дата вынесения арбитражным судом определения о принятии к производству первого из поступивших заявлений.

Указанные выводы подтверждаются и судебной практикой. Так, Постановлением Девятого Арбитражного апелляционного суда от 24 мая 2018 г. по делу №А40-234032/2016 было оставлено без изменений Определение Арбитражного суда г. Москвы от 26 февраля 2018 г. по тому же делу, которым было удовлетворено заявление конкурсного управляющего о признании недействительной сделки должника. Рассмотрев доводы апеллянта, суд указал, что датой, от которой надлежит исчислять период подозрительности является дата принятия судом первого из заявлений о банкротстве должника. Тот факт, что данное заявление в итоге было признано необоснованным, а процедуры банкротства в отношении должника введены по истечению более чем трех месяцев с указанной даты, юридического значения не имеет.

Вместе с тем, период времени между моментом принятия первого из заявлений о признании должника банкротом и введением первой из процедур банкротства, в некоторых случаях, может быть крайне продолжительным. Выше уже было рассмотрено дело №А50-19202/2017, в рамках которого первая процедура банкротства была введена по истечению восьми месяцев с даты принятия заявления. Однако возможны ситуации, в которых данный период еще более продолжителен. Например, в рамках дела №А50-15/2015 заявление о признании должника банкротом было принято определением от 25 февраля 2015 г., а про-

цедура наблюдения введена лишь определением от 2 августа 2016 г., то есть по истечении полутора лет.

Возникает противоречивая ситуация, в которой должник может в течение продолжительного времени после принятия заявления о банкротстве вести основную деятельность, однако фактически каждая совершенная им сделка будет подозрительной и может быть признана недействительной. В результате у должника имеется лишь два варианта поведения, или остановить деятельность (однако в таком случае банкротство уже становится неизбежным) или пытаться урегулировать задолженности, продолжая деятельность, вместе с тем осознавая возможные негативные последствия.

В любом случае, если по итогу рассмотрения одного из поступивших заявлений о банкротстве, неважно, первого или, условно, одиннадцатого, должник был признан банкротом, то можно утверждать, что признаки банкротства имелись еще на дату подачи первого из заявлений, поскольку в результате становится очевидна недостаточность имущества должника. Если бы имущества должника было достаточно, то он мог бы рассчитаться со всеми своими кредиторами, а не только с условным первым десятком.

В научной литературе обсуждается возможность применения иного подхода, в соответствии с которым, датой исчисления срока подозрительности считалась бы дата принятия того заявления, на основании которого были введены процедуры банкротства.

В свою очередь автор настоящей статьи с данным мнением не согласен, поскольку применение подобной концепции предоставило бы недобросовестным должникам широкие возможности для злоупотреблений. Например, должник мог бы намеренно, при наличии всех признаков собственной несостоятельности, затягивать введение первой процедуры, погашая требования кредиторов, которые подали заявления, для того чтобы вывести из периода подозрительности потенциально недействительные сделки.

Итак, установлено, что, исходя из действующего правового регулирования, период подозрительности надлежит исчислять от даты принятия арбитражным судом первого из заявлений о признании должника банкротом.

Однако между датой поступления такого заявления в суд и датой его принятия может также пройти достаточно значительный промежуток времени. Во-первых, ранее уже указывалось, что с даты поступления заявления у суда имеется пять дней на рассмотрение вопроса о принятии заявления к производству. При этом, в силу пункта 3 статьи 113 АПК РФ, в срок, исчисляемый днями, не включаются нерабочие дни. То есть, у суда имеется пять рабочих дней на принятие заявления к производству или принятие иного процессуального решения. В силу пункта 1 статьи 44 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в случае несоответствия поступившего заявления требованиям закона, оно может быть ос-

тавлено без движения. Заявителю устанавливается дата, до которой недостатки заявления должны быть устранены. В случае если недостатки устранены не будут, заявление возвращается заявителю. Практика показывает, что срок оставления заявления без движения обычно составляет около месяца с даты вынесения соответствующего определения. Помимо этого, необходимо учитывать и возможность того, что заявление было оставлено без движения, а затем и возвращено заявителю неправомерно.

В итоге может возникнуть ситуация, в которой возможность оспаривания очевидно недействительных по основаниям, предусмотренным пунктом 1 статьи 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», сделок, а следовательно, и потенциального наполнения конкурсной массы и удовлетворения требований кредиторов, будет утрачена по причинам, объективно не зависящим от заявителя по делу о банкротстве.

В связи с изложенным, автор, принимая также во внимание опыт европейских стран в части законодательства о банкротстве, в частности, Положение о несостоятельности Германии 1994 г., полагает наиболее эффективным и рациональным исчислять период подозрительности с даты поступления в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом, а не даты принятия судом такого заявления. При этом, в целях избежания правовой неопределенности, а также необходимости разъяснения правил применения законодательства, следует прямо указать на то, что период подозрительности исчисляется от даты поступления в суд первого заявления о признании должника банкротом, при условии, что на основании этого или одного из последующих поступивших в рамках того же дела заявлений была введена одна из процедур несостоятельности.

Литература

1. *Лотфуллин Р.К.* Оспаривание сделок при банкротстве. URL: https://sbplaw.ru/media/documents/Lotfullin_R_Insolvency_Deal_Challenging_wbeUAXx.pdf (дата обращения: 29.04.2021).
2. Несостоятельность (банкротство): учеб. курс: в 2 т. / под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019.
3. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" (с изменениями и дополнениями): постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 дек. 2010 г. № 63 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 24.05.2018 по делу №А40-234032/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Девятого Арбитражного апелляционного суда от 24.05.2018 по делу №А40-234032/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Арбитражного суда Пермского края от 02.08.2016 по делу № А50-15/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРИНЦИП НЕОБХОДИМОСТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРУШЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Необходимость восстановления нарушенных гражданских прав рассматривается отечественным законодателем в качестве одного из основных начал (принципов) гражданского законодательства. Закрепляя норму-принцип в самой первой статье Гражданского кодекса РФ, законодатель определяет его значение для целей регулирования гражданского оборота: применение гражданского законодательства, толкование его норм должно основываться на необходимости восстановления имущественного положения лиц, чьи права были нарушены. В статье формулируется перечень вопросов, разрешение которых, как представляется, требует от исследователей выработки целостного представления о принципе обеспечения восстановления нарушенных прав, формирования современной теории восстановительной функции гражданского права.

Ключевые слова: принцип гражданского права, необходимость восстановления нарушенных гражданских прав, восстановительная функция гражданского права.

A. V. Syatchikhin
Perm State University

THE PRINCIPLE OF THE NEED TO RESTORE THE CIVIL RIGHTS THAT HAVE BEEN VIOLATED

The need to restore violated civil rights is considered by the domestic legislator as one of the main principles (principles) of civil law. Fixing the norm-principle in the very first article of the Civil Code of the Russian Federation, the legislator determines its significance for the purposes of regulating civil traffic: the application of civil law, the interpretation of its norms should be based on the need to restore the property status of persons whose rights have been violated. The article formulates a list of issues, the resolution of which requires researchers to develop a holistic idea of the principle of ensuring the restoration of violated rights, about the modern theory of the restorative function of civil law.

Keywords: the principle of civil law, the need to restore violated civil rights, the restorative function of civil law.

*Principium – dimidium totius
Начало – половина всего (лат.)*

Самая первая статья «экономической конституции» нашего государства устанавливает, что гражданское законодательство РФ основывается на признании необходимости обеспечения восстановления нарушенных прав (п. 1 ст. 1 Граж-

данского кодекса РФ). При первом приближении, исходя из буквального толкования данной нормы-принципа следует, что последняя:

- формулирует отраслевой охранительный принцип права, его основополагающее начало;
- является потребностью, присущей гражданскому обороту и его опосредующему гражданскому законодательству;
- обуславливает построение системы правовых механизмов восстановления имущественного положения участника гражданского оборота;
- является должным последствием нарушения гражданских прав.

При последующем изучении данной нормы исследователь сталкивается с рядом вопросов, до сей поры не нашедших своего однозначного разрешения в отечественной цивилистической науке. В частности, к таким вопросам можно отнести следующие:

1. Необходимость восстановления нарушенных гражданских прав является принципом права или его основополагающим началом^{1, 2}? Каково его место в системе принципов гражданского права? Является ли указанный принцип принципом гражданского права и/или гражданского законодательства? Имеет ли он самостоятельное значение или должен рассматриваться вкуче с принципами обеспечения беспрепятственного осуществления права и защиты нарушенных прав?

2. Относится ли указанный принцип к общеотраслевым или является только лишь принципом применения гражданско-правовой ответственности? Можно ли его отнести к межотраслевым принципам права?

3. Как соотносится восстановительная функция гражданского права с рассматриваемым принципом? Тождественна ли восстановительная функция гражданского права функции компенсационной? Каково соотношение рассматриваемого принципа с условием (целью) применения того или иного способа защиты?

4. Руководствуется ли им правоприменитель при толковании соответствующих норм гражданского права, может ли данная норма-принцип быть нормой прямого действия? Каково его правоприменительное значение?

5. Допустимы ли с точки зрения телеологического и системного толкования гражданского законодательства какие-либо отступления от действия (применения) данного принципа?

6. Распространяется ли применение данного принципа лишь на случаи нарушения гражданских прав? Принцип применим лишь к нарушенным или и к оспариваемым гражданским правам? Относится ли требование компенсации ущерба, вызванного правомерными действиями, к действию анализируемого принципа? Связан ли институт возмещения потерь с указанным принципом? Подлежат ли восстановлению (компенсации) временные потери, связанные с нарушением гражданских прав?

7. Правоприменителю надлежит восстанавливать лишь нарушенные гражданские права или также и нарушенные свободы и законные интересы участников гражданского оборота? Является ли восстановление имущественного положения участника гражданского оборота частным случаем восстановления его нарушенных прав?

8. Необходимость восстановления нарушенных гражданских прав продиктована обеспечением публичных или сугубо частных интересов? Находит ли свое отражение данный принцип при рассмотрении гражданского права сквозь призму социологической (труды Н. М. Коркунова³ и его сторонников) и психологической (труды Л. И. Петражицкого⁴) теории права?

9. Восстановлению подлежит лишь имущественное положение стороны гражданского оборота? Предусматривает ли гражданское законодательство эффективные способы восстановления нарушенных неимущественных прав?

10. До какого состояния (момента) надлежит восстанавливать имущественное положение лица, чьи гражданские права нарушены: до момента их нарушения или на текущий момент до состояния, в котором бы это лицо пребывало, если бы его права не были нарушены?

11. Восстановление нарушенных гражданских прав должно осуществляться лишь посредством предусмотренных гражданским законодательством способов или допустимо обсуждаемое в литературе применение для этих целей непоименованных (договорных) способов⁵? Ограничен ли перечень соответствующих форм, мер и способов?

12. Какова роль такого способа защиты гражданских прав как возмещение убытков для реализации рассматриваемого принципа?

Поскольку в цивилистической доктрине поставленные вопросы не имеют своего однозначного разрешения, постольку формирование целостного представления о принципе обеспечения восстановления нарушенных прав, о современной теории восстановительной функции гражданского права, как полагаем, должно способствовать разрешению данных вопросов.

Стоит отметить, что поставленные вопросы и связанные с ними соответствующие проблемы гражданского права носят не только теоретический, но и во многом практический характер. Актуальность поставленных вопросов обусловлена и тем, что первой и, пожалуй, единственной монографией, посвященной рассматриваемому принципу гражданского права, является фундаментальный труд А. Я. Рыженкова, изданный в СССР в 1983 г.⁶ В то же время за прошедшее время гражданский оборот, а вслед за ним и гражданское законодательство претерпело значительные изменения, связанные со сменой политического режима и коренными изменениями экономической системы страны.

Таким образом, в настоящее время имеется потребность формирования современной теории восстановительной функции гражданского права, с одной стороны, отражающей действующее гражданское законодательство РФ и практику его применения, и в то же время учитывающей историю развития цивилистических представлений о данной функции гражданского права, а также соответствующих положений зарубежной доктрины.

Литература

1. *Гайдук А.С.* Неприкосновенность собственности: «гражданско-правовой принцип» или «основное начало гражданского законодательства»? // Юрист, 2002. №8.
5. *Кузнецова О.А.* Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006.
6. *Коркунов Н.М.* Указ и закон: исследование. СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1894.
7. *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб: Типография СПб акц. общ. «Слово», 1907.
8. *Авхадеев В.Р., Асташова В.С., Андриченко Л.В. и др.* Договор как общеправовая ценность: Монография. М.: ИЗИСП, Статут, 2018.
9. *Рыженков А.Я.* Компенсационная функция советского гражданского права. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983.

Е. В. Тиунова

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Е. В. Любимова

ПРОБЛЕМА СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

Поднимается проблема правомерности применения института судебных расходов к делам об установлении требований кредиторов в рамках дела о банкротстве. Рассматривается вопрос о квалификации судебных расходов при установлении требований кредиторов. При этом отмечена определяющая роль ВАС РФ в решении указанных проблем.

Ключевые слова: судебные расходы, требования кредиторов, текущие платежи.

E. V. Tiunova

Student, Perm State University

Supervisor: E. V. Lyubimova

THE PROBLEM OF COURT COSTS IN ESTABLISHING CREDITORS ' CLAIMS

This article raises the problem of the legality of applying the institution of court costs to cases on the establishment of creditors ' claims in the framework of a bankruptcy case. The question of the qualification of court costs in establishing creditors ' claims is being considered. At the same time, the defining role of the SAC of the Russian Federation in solving these problems is noted.

Keywords: court costs, creditors ' claims, current payments.

Рассмотрение дел о банкротстве осуществляется по правилам АПК РФ с учетом особенностей, установленных федеральными законами, которые регулируют вопросы несостоятельности¹.

В рамках дел о банкротстве возникают так называемые «обособленные споры», имеющие свою специфику распределения судебных издержек в таком споре. К относительно обособленным спорам относится практически любой возникающий в деле о банкротстве должника спор, в том числе требование кредитора о включении в реестр кредиторов².

В связи с этим актуальна проблема судебных расходов при установлении требований кредиторов. В частности, поднимается вопрос о квалификации денежного требования о взыскании судебных издержек, в том числе в форме расходов на оплату услуг представителя. Перед рассмотрением проблемы квалификации судебных расходов при установлении требований кредиторов необходимо затронуть вопрос о правомерности применения института судебных расхо-

дов, предусмотренного гл. 9 АПК РФ, к делам об установлении требований кредиторов в рамках дела о банкротстве.

Закон не предусматривает порядок распределения судебных расходов при рассмотрении требований кредиторов. И все же есть основания говорить о правомерности применения института судебных расходов в таких обособленных спорах.

Так, кредитор, обращаясь в суд с заявлением о включении его требования в реестр, защищает свои права в связи с ненадлежащим исполнением денежного обязательства должником. При этом, несмотря на различия между исковым производством и рассмотрением требований кредиторов в рамках дела о банкротстве, у них есть общая черта: судебный порядок разрешения спора, который, безусловно, предполагает распределение между сторонами судебных расходов.

Однако между предъявлением иска и предъявлением требования в деле о банкротстве есть существенное различие, так как предъявление требования в деле о банкротстве – это не только способ защиты права, но в то же время и необходимый порядок, обусловленный задачами процесса банкротства.

Вопрос о правомерности применения института судебных расходов в делах об установлении требований кредиторов возникает в связи с ситуацией, связанной с отнесением на должника судебных издержек в случае удовлетворения требований кредитора³, то есть созданием новых обязательств, которые ложатся на должника дополнительным бременем. В итоге затрудняется как восстановление платежеспособности должника, так наиболее быстрое и полное удовлетворение требований кредиторов.

Однако даже с учетом дополнительного обременения конкурсной массы должника будет неправомерным и отказ кредитору в возмещении фактически понесенных судебных расходов, в том числе на оплату услуг представителя⁴, что гарантируется ему процессуальным законодательством.

Таким образом, применение института судебных расходов при установлении требований кредиторов правомерно, а значит, встает следующий вопрос: о квалификации денежного требования о взыскании судебных издержек. Он важен с практической точки зрения, поскольку отнесение таких судебных расходов к текущим требованиям или включение их в реестр требований кредиторов решает дальнейший порядок их удовлетворения.

Кроме этого, в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Закона о банкротстве⁵ денежные обязательства относятся к текущим платежам, если они возникли после даты принятия заявления о признании должника банкротом, то есть после даты вынесения определения об этом. Важно отметить, что требования по текущим платежам погашаются вне очереди за счет конкурсной массы (п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 134 Закона о банкротстве).

Обязанность по возмещению судебных расходов для целей квалификации в качестве текущего платежа возникает с момента вступления в законную силу су-

дебного акта о взыскании указанных расходов⁶. Таким образом, обязанность по возмещению судебных расходов и при установлении требований кредитора возникает в момент вступления в силу судебного акта о включении требований кредитора в реестр, а значит, и о взыскании указанных судебных расходов.

С учетом вышеизложенного, можно сделать вывод, что судебные расходы при установлении требований кредитора формально отвечают признакам текущих расходов.

Однако Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве»⁷ отвечает на вопрос о квалификации судебных расходов при установлении требований кредиторов иным образом. Отмечается, что рассматриваемые судебные расходы не являются текущими платежами и подлежат удовлетворению применительно к пункту 3 статьи 137 Закона о банкротстве. При этом такая позиция обосновывается тем, что возмещение таких расходов до удовлетворения основных требований кредиторов нарушило бы интересы других кредиторов и принцип пропорциональности их удовлетворения.

Так, ВАС РФ признал право на возмещение судебных расходов кредитора в обособленном споре, в том числе при установлении требований кредитора, и квалифицировал правовую природу таких судебных расходов, как подлежащих включению в реестр требований кредиторов, причем приравнял их режим удовлетворения к штрафным санкциям в реестре требований⁸.

В связи с этим отметим, что нарушение пропорциональности удовлетворения требований или интересы иных лиц при равных возможностях всех понести расходы такого рода (которые к тому же будут тщательно проверены судом и скорректированы в «разумных пределах»⁹), довольно спорно. Более того гашение текущих расходов в процедуре банкротства происходит согласно собственной очередности удовлетворения требований, и поэтому никак не затрагивает удовлетворение требований кредиторов по основному долгу.

Также приравнивание судебных расходов в обособленном споре к штрафной санкции в реестре с последней очередью удовлетворения требований означает, что эти расходы вряд ли когда-нибудь будут возмещены кредитору. Исходя из этого, с подобной позицией ВАС РФ сложно согласиться, так как приоритетом здесь должно быть обеспечение любому кредитору при установлении его требований доступа к правосудию через представителя с внеочередным возмещением расходов на оплату его услуг.

После принятия Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» суды, рассматривая вопрос о взыскании судебных расходов по обособленному спору, продолжали относить данные судебные расходы к текущим платежам должника^{10, 11}.

В последующие годы суды все-таки восприняли позицию, сформулированную ВАС РФ. Это подтверждается Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 4 июня 2019 г. по делу № А40-247973/2015¹², Постановлением Арбитражного суда Кировской области от 21 августа 2020 г. по делу № А28-15681/2016¹³, Постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 июня 2020 г. по делу № А10-5488/2018¹⁴.

Таким образом, вопрос о судебных издержках находится в одной плоскости с вопросом о справедливом распределении конкурсной массы. Решение состоит в том, что судебные расходы при установлении требования кредитора, возникшие после возбуждения дела о банкротстве, являясь по своей правовой природе текущим платежом, квалифицированы ныне упраздненным ВАС РФ в качестве реестровой задолженности, поскольку, по мнению ВАС РФ, отнесение их к текущим платежам «нарушает интересы других кредиторов и принцип пропорциональности их удовлетворения». В данном случае можно сказать, что высший судебный орган подменяет собой законодателя, формулируя новое правило поведения.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 №95-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. *Гущина М. С.* Проблемные аспекты правоприменительной практики при рассмотрении обособленных споров о взыскании судебных расходов в делах о несостоятельности (банкротстве) // Арбитражные споры. 2018. № 3. С. 47–52.
3. *Шведов А. А.* Актуальные вопросы судебной практики, возникающие при рассмотрении споров о взыскании судебных расходов в деле о банкротстве // Судья. 2016. № 8. С. 39–44.
4. *Гаврилова А. М.* Некоторые проблемы применения норм Закона о банкротстве о расходах на оплату услуг привлеченных лиц // Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 64–70.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Российская газета. 2002. № 209–210. Ст. 4190.
6. О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63 // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.
7. О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 8.
8. *Незнамов А. В.* Кредитор против кредитора: судебные расходы как расплата за активность в деле о банкротстве? // Закон. 2016. № 4. С. 82 – 92.
9. *Родионов С. В.* Оптимизация расходов в банкротстве // Арбитражный управляющий. 2013. № 3. С. 41 – 42.
10. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 14.04.2014 по делу № А56-54374/2012. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mpxRdwpCGBWX/> (дата обращения 21.04.2021).
11. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 21.07.2014 по делу № А78-417/2011. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/mHQkPn4StagJ/> (дата обращения 21.04.2021).
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04.06.2019 г. по делу № А40-247973/2015. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/RpEIntNBa5b8/> (дата обращения 21.04.2021).
13. Постановление Арбитражного суда Кировской области от 21.08.2020 по делу № А28-15681/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/NNIGWZlcXqV/> (дата обращения 21.04.2021).
14. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 02.06.2020 по делу № А10-5488/2018. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/yuAVL1AfFuZY/> (дата обращения 21.04.2021).

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ К ДОБРОВОЛЬНОМУ УСТРАНЕНИЮ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЯХ В СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается вопрос о соответствии характера и объема применяемых арбитражными судами обеспечительных мер по искам Федеральной антимонопольной службы о применении последствий недействительности сделок, совершенных с нарушением законодательства об иностранных инвестициях в стратегические хозяйственные общества, целям регулирования данного законодательства. На основании анализа складывающейся судебной практики делается вывод, что они не всегда соотносятся. В связи с этим автором формулируются предложения по более гибкому применению судами обеспечительных мер, чтобы не ограничивать возможность добровольного устранения иностранными инвесторами нарушений публичного порядка.

Ключевые слова: арбитражный процесс, обеспечительные меры, регулирование иностранных инвестиций, стратегические хозяйственные общества

D. A. Fedyaev
Perm State University

INTERIM MEASURES AS AN OBSTACLE TO THE VOLUNTARY RECTIFICATION OF VIOLATIONS OF THE LAW ON FOREIGN INVESTMENT IN STRATEGIC BUSINESS ENTITIES

The article is devoted to the question of the conformity of the type and volume of interim measures applied by arbitration courts in the claims of the Federal Antimonopoly Service on the application of the consequences of the invalidity of transactions made in violation of the legislation on foreign investments in strategic business entities, with the goals of regulation of this legislation. Based on the analysis of the emerging judicial practice, it was concluded that they are not always correlated. In this regard, the author formulates proposals for a more flexible application of interim measures by courts in order not to limit the possibility of voluntary elimination of violations of the public order by foreign investors.

Keywords: arbitration proceedings, interim measures, regulation of foreign investment, strategic business entities.

В случае нарушения иностранными инвесторами при осуществлении вложений в стратегические отрасли российской экономики установленного Федеральным законом от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение

для обеспечения обороны страны и безопасности государства»¹ (далее – Закон № 57-ФЗ) порядка предварительного согласования сделок, влекущих установление контроля иностранных инвесторов над хозяйственными обществами, имеющими стратегическое значение для обороны страны и безопасности государства (далее именуются «стратегические хозяйственные общества»), Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России), как орган, на который согласно пункту 1 Положения о Федеральной антимонопольной службе, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 № 331², возложены функции контроля за иностранными инвестициями в стратегические хозяйственные общества, обязана обращаться с исками о применении последствий недействительности таких сделок, являющихся ничтожными на основании части 1 статьи 15 Закона № 57-ФЗ.

Исходя из общих последствий недействительности сделки, предусмотренных пунктом 2 статьи 167 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а также содержания части 2 статьи 15 Закона № 57-ФЗ в рамках предъявляемых ФАС России исков могут быть заявлены два вида требований: 1) о двусторонней реституции и приведении сторон в положение, существовавшее до начала исполнения ничтожной сделки, что предполагает возврат иностранным инвестором акций, доли в уставном капитале или активов стратегического хозяйственного общества их продавцу; 2) о лишении иностранного инвестора права голоса на общем собрании акционеров (участников) стратегического хозяйственного общества.

Оба требования допускают совершение ответчиком – иностранным инвестором в период судебного разбирательства действий, которые могут затруднить или даже сделать невозможным исполнение судебного акта, например, по отчуждению акций (доли в уставном капитале) (далее исключительно из соображений удобства мы будем использовать термин «акции», подразумевая при этом, что в зависимости от организационно-правовой формы стратегического хозяйственного общества, приобретаться может и доля в уставном капитале) стратегического хозяйственного общества. Причем судебные разбирательства по таким спорам могут длиться несколько лет. Так, согласно данным электронного ресурса «Картотека арбитражных дел» (<https://kad.arbitr.ru>) на момент выхода данной публикации уже более четырех лет рассматривается дело № А50-10758/2017 по иску ФАС России к покупателям акций АО «Порт Пермь» о применении последствий недействительности сделок купли-продажи акций в связи с нарушением Закона № 57-ФЗ.

Вполне логично, что это должно служить поводом для обращения истца с заявлением о применении мер по обеспечению иска, которые бы воспрепятствовали совершению ответчиками действий, затрудняющих в будущем исполнение судебного акта на случай удовлетворения иска. Поскольку в силу прямого указания в части 6 статьи 15 Закона № 57-ФЗ дела по искам об устранении на-

рушений данного закона подсудны арбитражным судам, применение обеспечительных мер осуществляется в рамках арбитражного судопроизводства.

Напрашивающейся и потому наиболее распространенной обеспечительной мерой при предъявлении требования о применении последствий недействительности сделки в виде реституции является запрет ответчику совершать действия по отчуждению актива, являющегося объектом спора, в рассматриваемом случае – акций стратегического хозяйственного общества. Обычно это сопровождается еще запретом регистратору осуществлять регистрацию перехода прав на акции (регистрирующему органу – на долю в уставном капитале). На практике ФАС России запрашивает значительно более широкий спектр обеспечительных мер, что нередко находит поддержку судов. Так в рассматриваемом Арбитражном судом Самарской области деле № А55-6479/2020 перечень примененных обеспечительных мер занял несколько страниц резолютивной части определения³, но обоснованность таких всеобъемлющих мер – предмет отдельного рассмотрения.

На первый взгляд, обеспечительная мера в виде запрета распоряжаться объектом спора полностью отвечает требованиям статей 90 и 91 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ), в частности, связана с предметом иска и призвана содействовать исполнению решения суда. Однако как быть в той ситуации, когда ответчик – иностранный инвестор, получивший контроль над стратегическим хозяйственным обществом с нарушением Закона № 57-ФЗ, предпочтет длительному судебному разбирательству с непонятными перспективами (хотя статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ говорят, что перспективы вполне предсказуемы, и они далеко не в пользу ответчика⁴) добровольное устранение допущенного нарушения и возврат акций продавцу? Особенно это вероятно в ситуации, когда нарушение закона было не преднамеренным, а, например, ввиду неправильного толкования видов деятельности, имеющих стратегическое значение. Разумеется, ввиду двустороннего характера реституции необходимо также заручиться согласием на то другой стороны сделки – продавца, как правило, российского резидента. Далее мы будем исходить из того, что оба ответчика – стороны сделки выражают заинтересованность в добровольном урегулировании спора.

С появлением в ГК РФ статей 307.1 и 431.1⁵ оказалась реализована идея, допускающая право сторон заключить соглашение о последствиях недействительности договора и возвращении полученного по сделке. В силу прямого указания пункта 3 статьи 431.1 ГК РФ он применим только к последствиям недействительности оспоримых сделок. В юридической литературе отмечаются значительные процессуальные затруднения, связанные с практической реализацией данной нормы, поскольку ее содержание предполагает отдельное рассмотрение судом требования о признании сделки недействительной без применения по-

следствий недействительности, что противоречит существующему правовому регулированию⁶. Однако если, в отличие от оспоримой, ничтожная сделка недействительна независимо от признания ее таковой судом (пункт 1 статьи 166 ГК РФ), что мешает сторонам ничтожной сделки, осознавшим свою ошибку, добровольно попытаться ее устранить, возвратив друг другу все полученное по сделке? Согласимся с Е. А. Останиной в том, что в большинстве случаев добровольное соглашение или непосредственно действия, направленные на устранение последствий недействительности ничтожной сделки и причиненного такой сделкой вреда, будут способствовать защите публичного интереса, в связи с чем их следует только приветствовать⁷.

Если признать, что, как в общем очерчено в статье 1 самого Закона № 57-ФЗ и более подробно раскрыто в Определении Конституционного Суда РФ от 5 июля 2011 г. № 924-О-О, основная цель данного закона – ограничение неконтролируемого участия иностранного капитала в стратегических хозяйственных обществах⁸, то максимально оперативное прекращение незаконно установленного контроля над стратегическим хозяйственным обществом путем отчуждения иностранным инвестором акций в пользу российского резидента, судя по всему, должно соответствовать целям регулирования Закона № 57-ФЗ. Добровольное устранение нежелательного состояния контроля со стороны иностранного инвестора избавит от длительного судебного разбирательства, которое вряд ли будет способствовать повышению эффективности функционирования стратегического хозяйственного общества и решения стоящих перед ним задач.

Мы не претендуем на то, чтобы вставить свое слово в дискуссию о возможности конвалидации («излечения») ничтожных сделок. Действующее российское законодательство допускает такую⁹ в отдельных ситуациях, перечень которых является исчерпывающим. В рассматриваемом случае речь идет не о полном исцелении изначально ничтожной сделки, совершенной иностранным инвестором в обход согласительных процедур, а об устранении угрозы, для предотвращения которой эта процедура устанавливалась и тем самым достижении цели регулирования Закона № 57-ФЗ. К тому же антимонопольный орган сам допускает возможность такого исхода, заключая мировые соглашения, предусматривающие добровольный выход иностранного инвестора из состава акционеров стратегического хозяйственного общества путем отчуждения приобретенных акций третьим лицам, как это имело место, например, в деле ОАО «Астраханский порт»¹⁰ и в деле «ВелентТранс»¹¹.

Получается, в ситуации, когда ответчик – иностранный инвестор готов добровольно прекратить осуществление контроля над стратегическим хозяйственным обществом, обеспечительные меры в виде запрета ответчику отчуждать акции уже не столько преследуют цель способствовать исполнению решения суда, сколько обеспечивают судебную перспективу иску ФАС России, так как полагаем,

что добровольное устранение нарушения Закона № 57-ФЗ должно влечь отказ в иске о применении последствий недействительности ничтожной сделки ввиду утраты права на иск в материально-правовом значении. В результате обеспечительные меры сами по себе становятся препятствием для скорейшего восстановления нарушенного публичного интереса.

Самый очевидный напрашивающийся способ преодоления помехи – обратиться к предусмотренному статьей 95 АПК РФ механизму замены одной обеспечительной меры другой, сохранив запрет иностранному инвестору отчуждать акции стратегического хозяйственного общества, кроме случаев, когда это не будет нарушать Закон № 57-ФЗ, например: гражданину России, не имеющему иного гражданства; иностранному юридическому лицу, контролируруемому гражданином России; иностранному лицу, получившему необходимое одобрение в порядке, предусмотренном Законом № 57-ФЗ и некоторые др. Полная отмена обеспечения иска (ст. 97 АПК РФ) неприемлема, так как допускает отчуждение акций неограниченному кругу лиц, в том числе другому иностранному инвестору с риском нарушения Закона № 57-ФЗ, что не будет способствовать достижению цели правового регулирования.

Однако самый простой не значит легко реализуемый. Как показывает личный опыт участия автора данных строк в судебных разбирательствах по такого рода делам, ФАС России без достаточных на то оснований настаивает на том, что отчуждение акций даже гражданину России, формально не требующее предварительного одобрения по Закону № 57-ФЗ, должно происходить исключительно под контролем антимонопольного органа и согласованному им лицу. В короткий срок получить одобрение не представляется возможным. В такой ситуации при наличии возражений со стороны истца суды скорее склонны сохранить существующие обеспечительные меры, чем проявить некоторую гибкость и, пойдя навстречу ответчикам, прекратить судебный спор в зародыше.

Изложенные опасения подкрепляются тем, что суды не отменяют обеспечительные меры даже, когда это императивно продиктовано процессуальным законодательством. Так, в деле АО «Порт Пермь» арбитражный суд вопреки части 5 статьи 96 АПК РФ отказал в удовлетворении ходатайства одного из ответчиков об отмене обеспечительных мер, запрещающих ответчикам отчуждать спорные акции, даже после вступления в законную силу решения суда об отказе в применении последствий недействительности сделки. Мотивом послужило гипотетическое намерение ФАС России обратиться в суд с новым иском – о лишении ответчиков права голоса на собрании акционеров¹². Определение было обжаловано, но оставлено без изменения апелляционной и кассационной инстанциями. В другом деле арбитражный суд частично удовлетворил иск ФАС России к акционерам ОАО «Соликамский магниевый завод», лишив их права голоса на общем собрании акционеров. Само по себе данное решение не предполагает

никакого иного исполнения, кроме, собственно, не учета голосов ответчиков на собрании. При этом из норм Закона № 57-ФЗ не вытекает, что ограниченные в праве голоса акционеры лишаются еще и возможности отчуждать принадлежащие им акции. Имея намерение продать акции другому лицу – российскому резиденту, один из ответчиков обратился в арбитражный суд с ходатайством об отмене ранее наложенных обеспечительных мер в виде запрета распоряжаться акциями. В удовлетворении ходатайства отказано со ссылкой на необходимость сохранения обеспечительных мер до фактического исполнения судебного акта¹³. Тем самым обеспечительные меры приобрели неопределенный срок действия. На определение подана апелляция жалоба, рассмотрение которой на момент написания данного текста еще не состоялось.

В гражданско-правовом споре о применении последствий недействительности сделки между обычными хозяйствующими субъектами можно обойти обеспечительные меры заключением мирового соглашения, регламентирующего согласованный сторонами ничтожной сделки порядок возврата, полученного по ней. Поскольку в делах, вытекающих из нарушений Закона № 57-ФЗ истцом выступает ФАС России, заключение мирового соглашения возможно только с ее участием. Однако приведенные выше примеры заключения мировых соглашений единичны. Практика показывает, что антимонопольный орган, следуя принципу правового пуризма, предпочитает мирному урегулированию спора доведение начатого судебного разбирательства до победного конца. Пусть это даже и займет несколько лет.

Можно предложить еще один вариант – признать ответчикам иск. Тогда обеспечительные меры в силу части 4 статьи 96 АПК РФ сохранят свое действие до фактического исполнения судебного акта об удовлетворении иска. Вместе с тем, следует признать, что намерение ответчиков добровольно удовлетворить претензии ФАС России и урегулировать спор миром не всегда означает готовность признать иск в суде. Конечно, нарушив российское законодательство, ответчик априори уже неправ и слишком самонадеянно с его стороны пытаться выбирать способ устранения нарушения. Тем не менее, на стадии судебного разбирательства факт нарушения Закона № 57-ФЗ является лишь предположением, составляющим ядро предмета доказывания. Иногда ответчики, даже будучи уверенными в своей правоте, предпочитают вернуться в исходное состояние, предшествующее совершению спорной сделки, чем участвовать в судебном разбирательстве, по самым разным соображениям: политическим, экономическим, этическим и пр. С другой стороны, как отмечалось выше, максимально оперативное прекращение контроля иностранного инвестора над стратегическим хозяйственным обществом будет соответствовать публичным интересам, а это вполне достижимо при добровольной передаче акций иностранным инвестором.

Не стоит забывать еще один немаловажный момент – в такого рода спорах, как правило, всегда присутствует еще одна заинтересованная сторона – миноритарные акционеры, которые не прочь воспользоваться запретительными обеспечительными мерами для перехвата корпоративного контроля. Соответственно, чем дольше длится судебное разбирательство, тем тяжелее возможные негативные последствия недобросовестного поведения миноритариев.

Оговоримся также, что все вышесказанное применимо и к делам по искам ФАС России на основании части 2 статьи 15 Закона № 57-ФЗ о лишении иностранного инвестора права голоса в случаях, когда невозможно применить последствия недействительности ничтожной сделки.

Стремясь быть правильно понятыми, особо отметим, что мы ни в коем случае не ратуем за отказ от применения обеспечительных мер по рассматриваемой категории дел и сохранении за ответчиками возможности свободно распоряжаться спорными акциями, но лишь призываем к здравому смыслу и минимальной доли лояльности к ответчикам, которые были бы рады добровольно устранить нарушение закона. Характер и объем обеспечительных мер не должен создавать препятствия для устранения нарушения Закона № 57-ФЗ путем осуществления ответчиками реституции и возврата всего полученного по ничтожной сделке либо отчуждения акций лицу, которому допускает Закон № 57-ФЗ. Ведь конечной целью последнего является не сам по себе возврат сторон в первоначальное положение и наказание ответчиков, а устранение нарушения публичного интереса, состоящего в максимально оперативном прекращении контроля иностранного инвестора над стратегическим хозяйственным обществом.

Литература

1. О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федер. закон от 29 апр. 2008 г. № 57-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2008. № 18. Ст. 1940.
2. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе: постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2004. № 31. Ст. 3259.
3. Определение Арбитражного суда Самарской области от 01.04.2020 по делу № А55-6479/2020 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2020 года; ... за 2019 г.; ... за 2018 г.; ... за 2017 г.; ... за 2016 г.; ... за 2015 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 30.04.2021).
5. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2015. № 10. Ст. 1412.

6. *Абушенко Д. Б.* Соглашение о реституционных последствиях: размышления о процессуальных механизмах реализации правовой конструкции // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 12. С. 98–115.
7. *Останина Е. А.* Определенные договором последствия недействительности сделки // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17 (372). Право. Вып. 43. С. 112.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2011 № 924-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 2.
9. *Тужилова-Орданская Е. М., Лукьяненко В. Е.* Конвалидация недействительных сделок в российском праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 521–523.
10. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 04.02.2016 № Ф06-2666/2015 по делу № А06-2683/2012 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
11. Определение Арбитражного суда города Москвы от 24.02.2016 по делу № А40-243962/15-45-2055 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
12. Определение Арбитражного суда Пермского края от 21.08.2020 по делу № А50-10758/2017 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 30.04.2021).
13. Определение Арбитражного суда Пермского края от 09.03.2021 по делу № А50-32879/2019 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 30.04.2021).

Д. В. Шустикова

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Д. А. Федяев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассматриваются отдельные особенности правового регулирования осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющее стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности РФ. Экономическое могущество любого государства невозможно без привлечения иностранного капитала. Учитывая непростую внешнеполитическую ситуацию, в Российской Федерации в связи с этим остро стоит вопрос о контроле иностранных инвестиций в стратегические отрасли экономики.

Ключевые слова: иностранные инвестиции, стратегические хозяйственные общества, контроль.

D. V. Shustikova

Student, Perm State University

Supervisor: D. A. Fedyaev

SEPARATE ISSUES' LEGAL REGULATION OF STATE CONTROL OF FOREIGN INVESTMENTS IN STRATEGIC COMPANIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines certain features of foreign investment's legal regulation in business entities, which has strategic importance for ensuring the defense and security of the Russian Federation. The economic power of any state is impossible without attracting foreign capital. Paying attention to the difficult foreign policy situation, in this regard there is an acute issue of control over foreign investments in strategic sectors of the economy in the Russian Federation.

Keywords: foreign investment, strategic companies, control.

Россия, как обладатель государственного суверенитета и участник международных отношений, всегда стремится к продвижению экономического потенциала и обеспечению безопасности своих территорий. Хозяйственные общества, имеющее стратегическое значение для обеспечения обороны и безопасности государства (далее – стратегические хозяйственные общества), представляют собой особые экономико-политические единицы, эффективное и стабильное функционирование которых существенно влияет на критически важные аспекты

жизнедеятельности государства. Развитие данной категории субъектов во многом зависит от притока внутреннего и внешнего капитала.

Согласно данным Рейтинга стран мира по уровню прямых иностранных инвестиций¹ в 2018 году объем прямых иностранных инвестиций в РФ составил 8 784 850 000 долларов США. Данные показатели позволяют разместить РФ лишь на 31 месте Рейтинга, из чего можно сделать вывод о необходимости стимулирования инвесторов из других государств вкладывать свои средства в российское производство. Однако нерегулируемое вовлечение иностранного участия может привести к незаконному скрытому подчинению хозяйственного общества интересам извне. Поэтому в настоящее время актуальным является вопрос контроля иностранных инвестиций, поступающих в стратегические хозяйственные общества.

В целях обеспечения национальных интересов РФ и сохранения стратегических отраслей действует Федеральный закон № 57 от 29 апреля 2008 г. «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»² (далее – Закон № 57-ФЗ). Данным нормативно-правовым актом регулируются основные аспекты процесса инвестирования зарубежного капитала. Существенным условием совершения сделок или иных действий, в результате которых устанавливается контроль иностранного инвестора над стратегическими хозяйственными обществами, является наличие решения о предварительном согласовании таких сделок или действий (ч. 1 ст. 4 и ст. 11 Закона № 57-ФЗ), принимаемого Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в РФ (далее – Правительственная комиссия). Этап получения решения является ключевым, он гарантирует законный характер привлечения иностранных инвестиций. Тем не менее, нередко допускаемые иностранными инвесторами на данном этапе нарушения порождают судебные разбирательства.

В соответствии с пунктами 1 и 5.3.1.14 Положения о Федеральной антимонопольной службе (утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 №331)³, ФАС России осуществляет функции по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в российские стратегические хозяйственные общества и согласно статье 15 Закона № 57-ФЗ наделяется полномочиями защищать интересы РФ путем подачи в арбитражный суд исков о признании сделок или решений собраний недействительными.

Одним из «громких» споров в сфере иностранных инвестиций за последние несколько лет является дело ФАС России против ООО «Открытие Промышленные Инвестиции» (далее – «Открытие») и ПАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ»

(далее – ЛУКОЙЛ). Из материалов дела № А05-5600/2020⁴ следует, что 24 мая 2017 г. «Открытие» приобрело у ЛУКОЙЛ 3 874 137 обыкновенных именных бездокументарных акций АО «АГД Даймондс» (правопреемник АО «Архангельскгеолодобыча») номинальной стоимостью 1 рубль каждая, что составило 100 % уставного капитала АО. В 2020 году ФАС России обратилась в Арбитражный суд Архангельской области с исковым заявлением к «Открытию» и ЛУКОЙЛ с требованием о признании недействительной ранее совершенной сделки по приобретению акций и применении последствий недействительности сделки. В обоснование иска ФАС России указала, что при совершении упомянутой сделки в 2017 г. единственным участником «Открытия» было АО «Открытие Холдинг», более 50% акций которого контролируется иностранными инвесторами. АО «АГД Даймондс» осуществляет деятельность по геологическому изучению недр и (или) разведке и добыче полезных ископаемых на участках недр федерального значения. Данный вид деятельности в силу пункта 39 статьи 6 Закона № 57-ФЗ относится к видам деятельности, имеющим стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. При таких обстоятельствах, в действительности была совершена сделка, направленная на установление контроля над стратегическим хозяйственным обществом. Однако, АО «Открытие Холдинг» не согласовало установление контроля с Правительственной комиссией. Также суд отметил, что ФАС России заявил требования на основании части 1 статьи 15 Закона №57-ФЗ, в соответствии с которой отсутствие полученного в установленном законом порядке разрешения на совершение подобной сделки в силу прямого указания закона влечет за собой ее ничтожность. Следовательно, настоящий спор о признании сделки недействительной основывается на требованиях, предъявляемых к сделкам с иностранными инвестициями, а не на факте принадлежности приобретаемых акций специальному субъекту – стратегическому хозяйственному обществу.

В настоящее время спор рассматривает Арбитражный суд города Москвы (дело № А40-170004/2020⁵). Хотя признаки нарушения Закона № 57-ФЗ и указаны в исковом заявлении, но при анализе материалов дела возникает ряд вопросов. Во-первых, ФАС России утверждает, что ранее Правительственной комиссии при заключении сделки не было известно о наличии у ряда бенефициаров АО «Открытие Холдинг» иностранного гражданства или подданства. Но что, если указанные бенефициары приобрели иностранное гражданство или подданство уже после совершения сделки. Обязанность по предоставлению сведений, необходимых для подтверждения факта наличия контроля над стратегическим хозяйственным обществом, или иной информации, необходимой для детерминации предполагаемой сделки и (или) принятия в отношении этой сделки решения, устанавливается для иностранного инвестора только на этапе подачи ходатайства о

предварительном согласовании сделки или ходатайства о согласовании установления контроля. Другими словами, Закон № 57-ФЗ не устанавливает обязанность по предоставлению сведений о приобретении иностранного гражданства или подданства (о становлении иностранным инвестором) в ситуации, когда инвестор уже обладает акциями или долями в стратегическом хозяйственном обществе.

Аналогичная ситуация складывается, когда иностранный инвестор становится бенефициаром уже после совершения спорной сделки. То есть, иностранный инвестор – «новый» бенефициар получает решение Правительственной комиссии на приобретение акций или долей «старого» бенефициара в рамках иной сделки и становится легальным контролирующим лицом. Закон № 57-ФЗ так же не устанавливает обязанность иностранного инвестора уведомлять Правительственную комиссию о изменении условий спорной сделки, совершенной им до установления контроля.

Во-вторых, ЛУКОЙЛ на официальном сайте опубликовал пресс-релиз⁶, в котором утверждает, что разрешение Правительственной комиссии на совершение сделки по продаже акций АО «АГД Даймондс» было получено в установленном порядке. Разумеется, вопрос доказывание данного факта остается открытым до рассмотрения дела судом. Но теоретически, возможна ли ситуация, когда иностранный инвестор получил необходимое решение Правительственной комиссии, совершил сделку, после чего сделка оспаривается в суде как ничтожная. Если у иностранного инвестора нет обязанности по предоставлению информации о приобретенном иностранном гражданстве или подданстве и разрешение АО «Открытие Холдинг» было получено в установленном законом порядке, то правильно ли ФАС России избрала в качестве правового основания иска часть 1 статьи 15 Закона № 57-ФЗ.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости совершенствования юридической техники в сфере иностранного инвестирования в стратегические хозяйственные общества. В условиях экономической нестабильности привлечение иностранного капитала позволит улучшить деловой климат в стране и повысить эффективность производства. При этом действующее законодательство, регулирующее процесс осуществления инвестирования иностранных средств в стратегические хозяйственные общества, требует изменений, которые бы конкретизировали круг обязанностей потенциальных иностранных инвесторов, упростили процедуру согласования уполномоченными органами. Вхождение иностранного капитала в национальную экономику может повлечь как положительные, так и отрицательными последствия экономической и политической безопасности государства. Однако грамотная выработка и систематизация норм закона способна повысить инвестиционную привлекательность отечественных стратегических хозяйственных обществ на международном уровне.

Литература

1. Рейтинг стран мира по уровню прямых иностранных инвестиций / Гуманитарный портал: Исследования [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2006–2021 (последняя редакция: 10.03.2021). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/foreign-direct-investment-index> (дата обращения: 25.04.2021).
2. О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: Федер. закон от 29 апр. 2008 г. № 57-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // Российская газета. 2008. № 96.
3. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе: Постановление Правительства РФ от 30.06.2004 № 331 // Российская газета. 2004. № 162.
4. Дело № А05-5600/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a65a063f-99da-4b02-91ec-c893b57ae4fa> (дата обращения 25.04.2021).
5. Дело № А40-170004/2020. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/93b8da74-10cd-40b7-912c-6f0e3505fc70> (дата обращения: 25.04.2021).
6. ЛУКОЙЛ. Пресс-релиз. URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease?rid=464932> (дата обращения: 25.04.2021).

Д. А. Южаков
Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Д. А. Федяев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕДУРЫ ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ РЕШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Рассматриваются: правовое регулирование экзекутуры на территории РФ в свете недавнего подписания Российской Федерацией Гагской Конвенции от 2 июля 2019 г., существующие проблемы в регулировании процедуры признания и приведения в исполнение судебных актов иностранных судов на территории РФ на примере Нью-Йоркской конвенции 1958 г.

Ключевые слова: экзекутура, признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, косвенная международная подсудность.

D. A. Yuzhakov
Student, Perm State University
Supervisor: D. A. Fedyaev

LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR ENFORCEMENT OF DECISIONS OF FOREIGN COURTS IN ECONOMIC DISPUTES

The article considers to legal regulation of exequatur on the territory of the RF in the light of the signing of the Convention of 02.07.2019 by the RF, the existing problems in the regulation of the procedure for the recognition and enforcement of judicial acts of foreign courts on the territory of the RF on the example of the New-York Convention of 1958.

Keywords: exequatur, recognition and enforcement of foreign judgments, indirect international jurisdiction.

Стадия исполнения судебного акта характеризуется высокой степенью сложности ее реализации. Это обусловлено тем, что нередко у проигравшей стороны отсутствует имущество, на которое может быть обращено взыскание, проигравшая сторона находится в процедуре банкротства, а органы и должностные лица, в обязанности которых входит принудительное исполнение, не проявляют положенного рвения при совершении исполнительных действий. Исполнение судебного акта еще больше затрудняется, если должник или его имущество находится на территории иностранного государства.

Статья 11 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве) устанавливает порядок исполнения судебных актов иностранных судов и арбитра-

жей. Норма указанной статьи имеет бланкетный характер, который указывает на регулирование международными договорами, российским процессуальным законодательством и Законом об исполнительном производстве¹.

Институт признания и приведения в исполнение судебных решений иностранных судов по экономическим (торговым) спорам предусмотрен главой 31 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ)². Как указывает статья 241 АПК, признание и приведение в исполнение возможно, если это предусмотрено международным договором или федеральным законом.

8 апреля 2021 г. Президент РФ распорядился³ о подписании Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам (заключена в Гааге 02.07.2019)⁴ (далее Конвенция от 02.07.2019). Это дает основания вновь обратиться к вопросу правового регулирования экзекватуры. Появление Конвенции от 02.07.2019 может решить ряд проблем: 1) отсутствия международно-правового института приведения в исполнение решений иностранных государственных судов, 2) использования российскими судами международных договоров, которые не применимы к конкретному делу, 3) гармонизации и унификации процессуального законодательства стран, хозяйствующие субъекты которых осуществляют транснациональную предпринимательскую деятельность.

Необходимость подписания Конвенции от 02.07.2019 в общемировом масштабе обусловлена отсутствием многостороннего международного договора, действие которого распространяется на решения иностранных государственных судов. Конвенция от 02.07.2019 ликвидирует этот пробел.

В Конвенции от 02.07.2019 нашел отражение порядок определения косвенной международной подсудности, то есть оценка компетенции иностранных судов при признании их решений. Прямая международная подсудность, то есть определение компетентного суда для рассмотрения спора по существу, не нашла своего отражения в Конвенции от 02.07.2019.

Конвенция от 02.07.2019 применяется к признанию и приведению в исполнение судебных решений по гражданским и торговым делам, в отличие от большинства иных международных соглашений РФ соответствующей направленности. Также Конвенция не применяется к арбитражным и связанным с ними разбирательствам (п. 3 ст. 2).

Конвенцией от 02.07.2019 устанавливаются случаи, когда она применима. Например, обязательным требованием к допустимости признания и приведения исполнения судом решения по спору об аренде недвижимого имущества является рассмотрение такого спора по месту нахождения имущества (ст. 5) Также Конвенцией от 02.07.2019 устанавливаются основания отказа в признании и приведении в исполнение судебного акта (ст. 7), составлен список предоставляемых в суд государства места признания документов (ст. 12).

Согласно пункту 2 статьи 28 Конвенции от 02.07.2019, она должна вступить в силу для РФ с первого дня месяца, следующего за истечением периода, в течение которого может быть направлено уведомление в соответствии с пунктом 2 статьи 29. Срок для направления уведомления 12 месяцев.

Как указывают пункты 3–4 статьи 23, Конвенции от 02.07.2019, Конвенция не должна затрагивать положения другого международного договора, который заключен как до ее подписания, так и после. Поэтому, если правила, предусмотренные двусторонним или многосторонним международным договором содержат отличное от Конвенции от 02.07.2019 правовое регулирование, то применяться будут положения такого международного договора. Так как приоритет могут иметь иные международные договоры РФ, поэтому следует рассмотреть основные действующие международные соглашения РФ, касающиеся приведения в исполнение решений иностранных судов.

На данный момент, основополагающим международным договором, имеющим силу на территории РФ, является Нью-Йоркская Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 10 июня 1958 г. (далее – Нью-Йоркская Конвенция)⁵. Положения этой Нью-Йоркской Конвенции обязательны для России, как правопреемницы СССР. Действие положений Нью-Йоркской Конвенции распространяется на арбитражные решения (ст. 1), под которыми понимаются как решения судов *ad hoc* (то есть судов, созданных для рассмотрения конкретного спора), так и постоянных арбитражных органов.

Как следует из самой Нью-Йоркской Конвенции и отмечается в юридической литературе, ее действие распространяется исключительно на решения третейских судов (арбитражей), но не государственных⁶. Однако отечественная судебная практика иногда идет по другому пути. Суды нередко применяют Нью-Йоркскую конвенцию и в отношении решений иностранных государственных судов. Например, Арбитражный суд Московского округа, отказывая в удовлетворении кассационной жалобы Налоговой инспекции из Республики Беларусь на определение об отказе в приведение в исполнение решения, принятого государственным судом Республики Беларусь, ссылаясь на то, что Беларусь и Россия являются участниками Нью-Йоркской Конвенции, что допускает признание и приведение в исполнение решений иностранных судебных органов. При этом, между Республикой Беларусь и РФ заключено двустороннее соглашение⁷, решение суда Республики Беларусь подлежит исполнению в соответствии с Законом об исполнительном производстве РФ и не требует какой-либо судебной процедуры⁸. Но сама ссылка на Нью-Йоркскую конвенцию является неправильной.

Однако, как справедливо отмечается исследователями, практика применения Нью-Йоркской Конвенции в делах о признании и приведении в исполнение решений иностранных государственных судов является неверной⁹, поскольку на

решения государственных судов ее действие не распространяется, о чем было сказано ранее. На то, что Нью-Йоркская Конвенция распространяется исключительно на решения иностранных арбитражей, но не решения иностранных государственных судов, также указывают и иностранные исследователи¹⁰.

Без такого международно-правового инструмента, обеспечивающего исполнение решения суда в отношении ответчика, находящегося на территории другого государства, снижается заинтересованность в обращении за судебной защитой в государственный суд. Стороны предпочитают обратиться в третейский суд с целью разрешения своего спора. Но и здесь возникает проблема, поскольку существуют дела исключительной компетенции, которые не могут быть переданы на рассмотрение какого-либо другого суда¹¹.

Для стран СНГ действует Соглашение от 20.03.1992 «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности» (далее – Соглашение от 20.03.1992)¹². Действие Соглашения от 20.03.1992 распространяется только на государственные суды, в отличие от Нью-Йоркской Конвенции. В статьях 8–9 Соглашения от 20.03.1992 указаны правила подачи ходатайства о приведении в исполнение судебного решения иностранного суда, а также основания отказа в приведении в исполнение решения иностранного суда. Соглашение от 20.03.1992 не предусматривает возможности исполнения решений иностранных судов без судебной процедуры признания и приведения в исполнение. Статья 10 Соглашения от 20.03.1992 наделяет полномочиями по регулированию приведения в исполнение решений иностранных судов высшие суды каждого из договаривающихся государств, что указывает на значимость судебной практики для определения регулирования этого правового института.

Указанная ранее проблема об отсутствии международно-правового инструмента для приведения в исполнение решений государственных иностранных судов в рамках юрисдикции судебных органов стран СНГ фактически является решенной.

Россия также является стороной двусторонних соглашений о правовой помощи по гражданским делам, например, с Италией, Испанией, Азербайджаном, Кипром, Йеменом, Болгарией, Алжиром, Албанией, Аргентиной, Венгрией, Кубой, Польшей, КНР, КНДР и др.¹³. Однако, нет такого соглашения, например, с США и рядом других государств, с которыми поддерживается значительный торговый оборот.

Такой институт, как признание и приведение в исполнение решений иностранных судов призван обеспечить интересы взыскателя, а также принцип своевременного исполнения судебного акта, поскольку стадия исполнительного производства характеризуется, как было указано ранее, высокой степенью сложности.

Главными источниками являются международные договоры, поскольку именно такие источники права создают нормы и принципы функционирования

процедуры приведения в исполнение решений иностранных судов. Международные договоры направлены на обеспечение унификации существующего в государствах нормативного регулирования. Главной задачей унификации является упрощение экзекватуры, и, как итог, защита интересов взыскателя и реализации принципов арбитражного процесса.

Правоприменительная практика и доктрина не всегда совпадают в подходах к толкованию положений международных договоров, что было показано на примере Нью-Йоркской Конвенции 1958 г., когда арбитражные суды расширительно толкуют ее содержание и распространяют действие норм Конвенции не только на решения иностранных третейских судов, но и на решения судов иностранных государств.

Литература

1. Об исполнительном производстве: Федер. закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (ред. 20.07.2020 г.) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2007 г. № 41, ст. 4849.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2002, № 30, ст. 3012.
3. О подписании Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам: распоряжение Президента РФ от 8 апр. 2021 г. № 83-рп // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2021, № 15 (ч. I), ст. 2557.
4. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам (Заклучена в г. Гааре 02.07.2019). URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7603/> (дата обращения: 26.04.2021).
5. О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений: Конвенция ООН (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ, № 8, 1993.
6. *Шукин А. И.* Проблемы признания и приведения в исполнение решений иностранных судов и иностранных арбитражных (третейских) решений // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. Вып. 2. 2019. С. 140–145.
7. О порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь: Соглашение между РФ и Республикой Беларусь от 17.01.2001 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2021 № Ф05-4739/2021 по делу № А41-48417/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. *Самойлов М. Н.* Применение Нью-Йоркской конвенции к иностранным судебным решениям: анализ ошибочной практики российских судов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. Вып. 2. С. 110–128.
10. *Michele de M.* Italian commercial litigation: an outline // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. Вып. 3. С. 69–78.
11. *Мохова Е. В.* Трансграничный оборот судебных решений в свете проекта новой глобальной конвенции // Закон. 2019. Вып. 5. С. 181–192.
12. О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: Соглашение стран СНГ от 20.03.1992 // Закон, № 1, 1993.
13. Перечень международных договоров Российской Федерации с иностранными государствами о приведении в исполнение решений судов иностранных государств. URL: https://r45.fssp.gov.ru/rechenie_mezhdunarodnykh_dogovorov_rfo_pravovojj_pomoshhipredusmatrivajushhikh_priznanie_i_ispolnenie_sudebnykhreshenij/ (дата обращения: 04.05.2021).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(ежегодник)

ВЫПУСК 4

predprin.psu.ru

Корректор

А. В. Сятчихин

Компьютерная верстка:

Т. А. БАСОВА

Подписано в печать 14.06.2021. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 7,21. Тираж 100 экз. Заказ 92

Издательский центр

Пермского государственного национального исследовательского университета

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография ПГНИУ

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15